

ПОСЕВ

D 21 651 E

POSSEV

Juní 1972

DM 4.- Rbl 2.-

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Yearly subscription from Publishers: DM 40.— + air postage (if required), US & Canada \$ 24.— (air).
From book-shops: DM 48.— + air postage (if required), US & Canada \$ 27.— (air), Australia A\$ 18.30 (air).

Roubles (2.—) should be accepted everywhere from the USSR.

nkr 8.—
skr 6.—
sfr 4.70
\$ 1.75

Norway
Sweden
Switzerland
US

—45
4 —
hfl 3.50
Lit 700

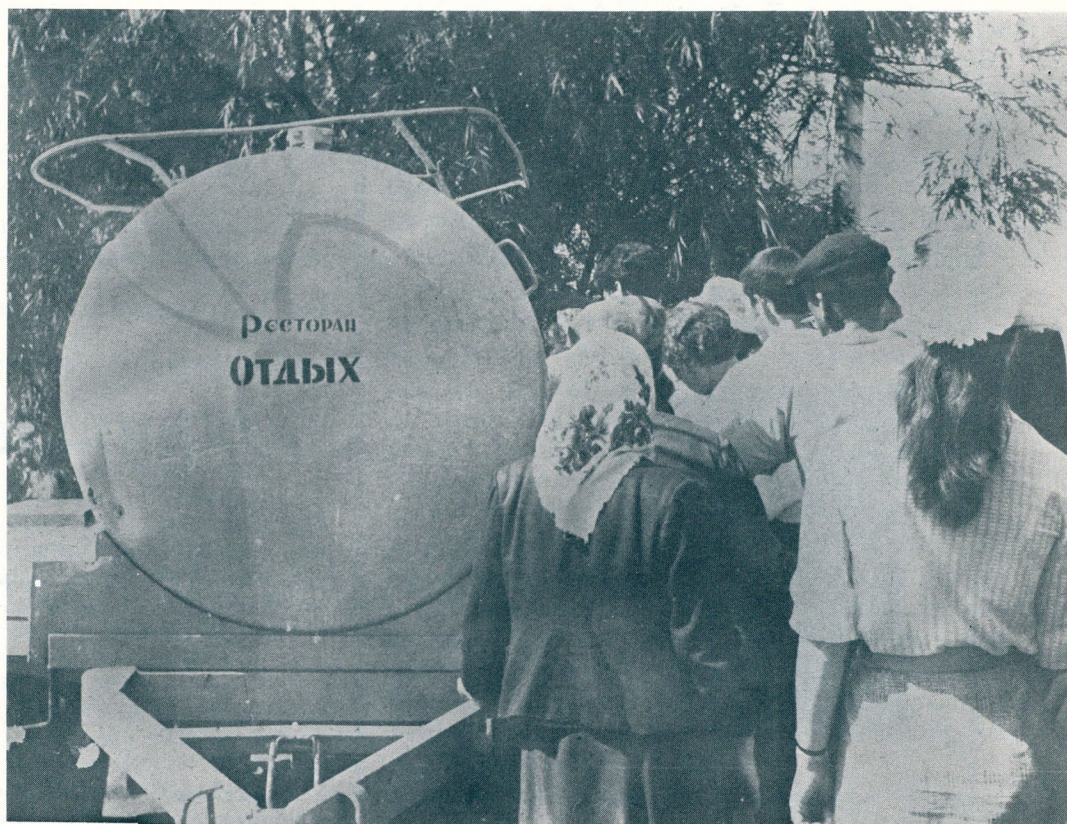
Gr. Britain
Holland
Israel
Italy

dkr 8.—
Fmk 5.50
FF 6.—
DM 4.—

Denmark
Finland
France
Germany

A\$ 1.60
S 30.—
BF 55.—
C\$ 1.75

Australia
Austria
Belgium
Canada

ПЕРМЬ. Очередь за квасом.
Никсона в такой «ресторан» не повели.

Новые книги в издательстве «Посев»

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ 2-го ИЗДАНИЯ 1909 г.

Ввиду большого спроса, выпущено 2-ое переиздание

ВЕХИ

Сборник статей о русской интеллигенции
Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершенельзона, А. И. Изгоева, Б. А. Кистяковского,
П. Б. Струве, С. Л. Франка

Цена — 15,50 н. м. В США и Канаде — 5,20 дол.

УМЕНЬШЕННЫЙ КАРМАННЫЙ ФОРМАТ

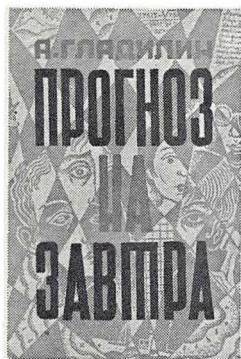
М. Булгаков

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Единственный полный, не сокращенный текст. Выпущенные советской цензурой места напечатаны курсивом.

Специальная тонкая, сатинированная бумага, переплет «Скай» с золотым тиснением. В книге 500 стр.

Цена: 16,50 н. м. В США и Канаде: 5,20 дол.

А. ГЛАДИЛИН

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

Р о м а н

Анатолий Гладилин — популярный, молодой писатель в Советском Союзе. В романе «Прогноз на завтра» Гладилин проникает во внутренний мир человека, раздираемого противоречием между чувством ответственности перед больной женой и ребенком, и любовью к другой женщине. «Обычный треугольник» — как говорит себе его герой, но почему так трудно человеку? На фоне этой сюжетной нити, Анатолий Гладилин, рисуя картину жизни своего героя и его семьи, дает много мелких черточек современной жизни и быта в Советском Союзе.

Рукопись получена издательством из Самиздата

Книга в твердом переплете с золотым тиснением

Суперобложка работы художника Н. Николенко. 190 стр.

Цена — 17,70 н. м. В США и Канаде — 5,90 ам дол.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Год XXVIII	Июнь 1972 г.	№ 6 (1181)
------------	--------------	------------

СОДЕРЖАНИЕ

Облава на «Хронику» (2).
 МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Простая истина. Перед поездкой Никсона в Москву (5).
 Пресечь поток информации! К высылке корреспондента «Таймс» Дэвида Бонавия из Москвы (7).
 ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА. Новочеркасск. Десятилетие восстания (8).
 Боятся даже публичных похорон... (10).
 С комментариями и без них (12).
 ЛИТОВСКАЯ ССР. Гонения на христиан (13).
 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. Повесть о том, как поссорились... КПСС и КПН (14). — О выезде евреев из СССР (15).
 БОЛГАРИЯ. Небольшое движение воды (16).
 США. «Аполлон-16» (18).
 ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ (18).
 ИТАЛИЯ. А. Тимофеев. Итальянская рапсодия (19).
 БЛИЖНИЙ ВОСТОК. Малка Раймист. Отсель грозить мы будем миру... (23).
 ФРАНЦИЯ. Георгий Киселев. Западные компартии и «Европа десяти» (25).
 ФРГ. А. Кандауров. «Мы любим русских». Демонстрация в защиту верующих в СССР (26). — А. Пельцер. Трагедия Генриха Любке (28).
 ЭКОНОМИКА. Ю. Васильев. Интеграция застряла. Анализ Комплексной программы СЭВ (30).
 ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
 А. Федосеев. Логические следствия социализма — специфические (и неспецифические) механизмы власти. Из серии «Социализм и диктатура. Причины и следствие. Статья седьмая (38).
 ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ (45).
 ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Н. Рутыч. Страх перед Воротынцевым. По поводу критики романа Солженицына «Август Четырнадцатого» (46). — Л. Донатов. Дневник 194... года (49).
 КНИГИ. С. Кирсанов. О социалистической системе хозяйства (53). — М. Мионов. Без цензуры. Английское издание «Хроники текущих событий», том I (57). — Владимир Самарин. Своевременные мысли (59). — Ф. Данилов. Интеллигенция в царской России (60).
 ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ. Л. С. Айдинов. Г. Г. Рунге. Ю. А. Герцог (61).
 РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. 25-летие «Русской мысли» (62).
 ПИСЬМА. Юрий Штейн. Пугающий или предостерегающий? (62). — А. И. «Август Четырнадцатого» (63).

На обложке: Пермь. Ресторан Отдых
 Фото «Посева»/Ш. Й.

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Литовцы — исторически наиболее тесно связанный с Россией балтийский народ — проходят через период истории, который может раз и навсегда удалить их от русских.

В XIII веке литовцы устояли от нашествия немецкого ордена. В XX веке они, успешнее своих северных соседей, сохраняют национальное лицо своей республики. Литовцы — католики и, пожалуй, самый религиозный народ СССР. У католиков есть свой мощный мировой центр. Таким образом, литовцы — следующая после евреев национальность Советского Союза, которая рассчитывает на помощь своих с Запада.

Пожалуй из-за этого, национальное сопротивление в Литве набирает силы быстрее, чем в других республиках, а его религиозное содержание встречает более массовую поддержку в народе. Таким образом понятно, что в то время, как в Москве очередной протест подписывает 20-30 человек, в Литве — 104 католических священника писали в ЦК КПСС, а в то время, как у нас впервые под религиозным протестом появилось больше тысячи подписей, — протест в защиту священника Здебкиса подписало 17 000 литовцев.

Положение в Литве накаляется и, естественно, что 18 мая в Каунасе похороны рабочего, актом самосожжения протестовавшего против преследования веры, вылились в мощную национально-религиозную манифестацию. (Подробнее о событиях в Каунасе — в следующем выпуске «Посева»). Пытавшаяся разогнать демонстрантов милиция была встречена камнями и отступила. Печальный (для власти) опыт десятилетней давности в Новочеркасске заставил власть не вызывать местный гарнизон, хотя литовцы в нем и не служат. Солдат заперли в казармах. Для подавления восстания был вызван воздушно-десантный отряд специальных войск МВД, якобы с Кавказа.

Полилась кровь. Толпу рассеяли. В Каунасе всё спокойно. Проезжая через Боровицкие ворота в Кремль, Никсон, может быть, вспомнил о раздавшемся здесь выстреле, но о Каунасе ничего не услышал.

Мы начали статью опасением, что события наших дней окончательно удалят литовцев от русских. Факт, что местным — в основном русским — войскам нельзя было дать приказ стрелять в литовскую толпу, и что о событиях в Каунасе мир узнал от русских сопотенциентов в Москве, позволяет надеяться, что этого не произойдет.

Облава на «Хронику»

Нам сообщают из Москвы, что 6 мая гебешники опять перетрясли квартиру П. И. Якира. В тот же вечер опять перерыли комнату Анатолия Яковсона, члена Инициативной группы по защите прав человека в СССР, участника общественных выступлений в защиту Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, в защиту В. К. Буковского, «подписанта» протеста против вторжения в Чехословакию и многочисленных заявлений в Комиссию прав человека ООН.

Побывали у члена Инициативной группы Григория Подъяпольского. Подъяпольский — научный сотрудник, один из последних членов Инициативной группы, находящийся на свободе.

Перетрясли опять комнату Ирины Капун, которая еще в 16-летнем возрасте участвовала в расклейке листовок против ресталинизации (см. «Посев» № 9, 1970), прошла через Лефортово и Институт имени Сербского, подписывала обращения в защиту В. К. Буковского.

Обыскали шкафы и чуланы у кандидата биологических наук Н. П. Лисовской, уволенной из Института физиологии растений за подпись под письмом в защиту Анатолия Марченко, у математика Ирины Кристи, уволенной из Института теоретической и экспериментальной физики за выступления в защиту «четырех», А. С. Есенина-Вольпина, В. К. Буковского, у математика Владимира Гершовича, уволенного из втуза при заводе имени Лихачева после откровенной дискуссии со своими студентами о «процессе четырех».

«Почтили своим вниманием» вернувшегося из ссылки поэта Владимира Батшева, произведя обыск, как нам сообщают, «на двух квартирах». Не значит ли это, что посетили и квартиру вполне благополучного его родителя — ответственного работника Главлита, т.е. высокопоставленного цензора, отношения Владимира Батшева с которым были более чем натянуты? Не забыли автора острых самиздатских памфлетов В. Н. Гусарова («Мой папа убил Михоэlsa», «В защиту Фаддея Булгарина», «Слово о свободе» и др.), тоже сына вполне благополучного партийного работника.

Подвергли обыскам еще шестерых москвичей. Их фамилии в связи с обысками и облавами доходят до нас, кажется, впервые: Миханович, Арманд, Пинский,

Валентина Михайловна Микатинская, Владимир Альбрехт и друг А. Э. Левитина Андрей Дубров.

20 апреля арестовали сотрудника Института психиатрии Академии медицинских наук (где директором небезызвестный А. В. Снежневский) Петра Старчика, несколько позже — сотрудника этого же института Рубинчика.

В первых числах мая в Киеве схватили психиатра Вячеслава Глузмана, близкого друга писателя Виктора Некрасова, у которого у самого произвели обыск еще в январе (мы сообщили об этом в февральском номере «Посева»). По некоторым данным, Виктора Платоновича подвергли новому нашествию чекистской саранчи в начале мая.

Имя смелого и честного писателя Виктора Некрасова («В окопах Сталинграда», «Кира Георгиевна», «По обе стороны океана») говорит само за себя. Но то, что рядом с именем В. Некрасова мы видим имя врача-психиатра, то, что в Москве гебешникам приходится хватать уже и сотрудников Института психиатрии, свидетельствует, что разгорается борьба и среди наших врачей. Преступления против человечности, совершаемые снежневскими и лунцами, приводят не только к протестам за границей, но, по-видимому, и к активному противодействию деятелей нашей отечественной психиатрии. В январском номере «Посева» мы цитировали первый дошедший до нас документ Самиздата, посвященный разоблачению сущности «школы» А. В. Снежневского. Ныне аналогичный документ внутри-российского Самиздата — «Невежество на службе произвола» — попал и в Париж, где он был опубликован в № 101-102 «Вестника Русского студенческого христианского движения».

В Киеве 19 мая арестовали сестру Ивана Светличного Надежду Светличную, уволенную как подписантку с работы в библиотеке в 1969 году, а в этом году, как сообщается ниже, подвергшуюся обыскам и допросам.

В Одессе 3 мая судили микробиолога Нику Строкатову — жену участника движения украинских националистов Святослава Караванского.

О волне обысков и арестов, которая прокатилась по стране в январе этого года, после того как Центральный комитет КПСС незадолго до этого отдал приказ о подавлении

Самиздата и о пресечении дальнейшего выхода «Хроники текущих событий» и «Украинского вестника», «Посев» подробно писал уже в своем февральском номере.

Теперь нами получен 24-ый выпуск «Хроники», помеченный 5 марта этого года. В нем мы находим некоторые уточняющие данные об этих облавах.

Гебешники начали свои операции в Киеве и Львове. Ордер на обыск у И. Светличного был мотивирован делом бельгийского гражданина, студента Лувенского университета Ярослава Добоша, которого захватили за несколько дней до этого. Согласно справке, которую министерство иностранных дел Бельгии получило от советского правительства и которую бельгийский министр иностранных дел огласил в своем парламенте, Я. Добош задержан якобы за то, что он «обманным способом доставил в страну враждебные материалы», а кроме того занимался «незаконными денежными сборами».

Газета «Вечерний Киев» 11 февраля поместила заметку, в которой выдвигается версия, будто Я. Добош прибыл в СССР для выполнения задания «зарубежного антисоветского центра бандеровцев ОУН» (Организация украинских националистов) и сообщается о привлечении в связи с делом Я. Добоша к уголовной ответственности И. А. Светличного, В. М. Чорновила, Е. А. Сверстюка и других.

Не зная обстоятельств дела, трудно судить о том, с какого момента Я. Добош превратился в орудие провокации гебешников. В апрельском номере выходящего в Брюсселе журнала «Права человека в СССР», который издает Международный комитет помощи меньшинствам и борьбе за права человека в СССР (редакция этого журнала несомненно поддерживает непосредственную связь с украинскими эмигрантами) допускается, что Я. Добош «попал в ловушку КГБ» еще до своей поездки в СССР. Журнал высказывает предположение, что поездка Я. Добоша в Советский Союз была задумана КГБ как провокация, для того, чтобы подготовить «показательный процесс» над противниками «руссификации» не только на Украине, но и в ряде других союзных республик.

В Киеве кроме литературного критика И. А. Светличного (биографические данные о нем были опубликованы в «Посеве» № 2, 1972) были арестованы: Василий Стус, поэт, книга стихов которого была опубликована за границей, литературовед и «подпи-

санти» Евгений Сверстюк, филолог Зиновий Антонюк, учитель Федор Коваленко, химик Леонид Селезненко, 19-летняя машинистка Любовь Середняк (при обыске у нее были изъяты романы А. Солженицына и В. Гроссмана), Василий Георгиевко, Николай Плахотнюк, Данило Шущук и известный член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, математик Леонид Иванович Плющ.

В связи с арестом Л. Плюща Инициативная группа выпустила заявление, в котором говорится:

«...Л. Плющ родился в 1939 году. В начале войны потерял отца, погибшего на фронте. Заболев костным туберкулезом, пролежал пять лет и на всю жизнь остался инвалидом. Окончив с отличием среднюю школу, поступил на физмат Одесского университета. Год работал сельским учителем. Закончил образование в 1962 году на мехмате Киевского университета. До 1968 года работал в Институте кибернетики АН УССР. По своей специальности (био- и психокибернетика) Плющ опубликовал три работы.

Был уволен за подписание коллективного письма в защиту Галанскова и Гинзбурга...

В поисках средств к существованию Плющ, отец двух детей, обращался более чем в 20 предприятий и учреждений разного рода, соглашаясь практически на любую работу, — ему отказывали везде.

Комиссия по трудоустройству при исполнении направила Плюща на должность кочегара при воинской части, но и там ему отказали как инвалиду. Наконец, устроился брошюровщиком, но был уволен за то, что в составе Инициативной группы подписал обращение в ООН. До самого ареста был без работы.

Следствие по делу Плюща окружено тайной. Одному из вызванных в качестве свидетеля по этому делу следователь бросил: «Плющ такой же сумасшедший, как Григоренко».

Мы заявляем, что арест Плюща есть продолжение незаконных репрессий против Инициативной группы. Общественная деятельность Плюща, связанная с защитой прав человека в нашей стране, никогда не содержала в себе ничего криминального*).

Среди арестованных во Львове — Вячеслав Чорновил (данные о нем см. в «Посеве» № 2, поэтесса Ирина Стасив, Иван Гель и бывший работник обкома комсомола Осадчий.

В середине февраля новые обыски были проведены у З. Антонюка, И. Дзюбы, Н. Светличной, на дому у арестованного И. Светличного, Е. Сверстюка и у внучки Ивана Франко Зиновии Франко.

*) Семья Леонида Плюща: жена Татьяна Ильинична Житникова, дети Дима (род. 5 июля 1960 года) и Олесь (род. 1 июля 1965 года). Адрес: КИЕВ К-147, ул. Энтузиастов, 33, кв. 36.

После нескольких дней задержания Зиновии Франко, 2 марта от ее имени было опубликовано «письмо в редакцию газеты «Советская Украина», в котором мы читаем:

«...Через моих друзей и родственников за границей я устанавливала связи с богатыми иностранцами украинского происхождения, которые приезжали на Украину как туристы. Некоторым из них я давала известную мне информацию политического характера... В своем политическом ослеплении я не заметила, что стала передавать информацию замаскированным представителям зарубежных вражеских националистических центров, связанных с разведкой империалистических держав. Таким являлся Ярослав Добош, который был пойман с поличным... Я полностью понимаю свою вину и глубоко осуждаю свои действия...»

Ивана Дзюбу 2 марта исключили из Союза писателей Украины. Одна из улики: изъятое при обыске полное собрание сочинений В. Ленина с заметками на полях и подчеркнутыми фразами...

Как мы уже сообщали («Посев» № 2, 1972), в Москве 13—15 января был произведен 17-часовой обыск у П. И. Якира, а 14 января обыскивали квартиры С. Генкина, Авраама Гинзбурга, Роальда Мухамедьярова, Юлия Кима, математика Ю. Шихановича. В поселке Черноголовка под Москвой был произведен обыск у астронома К. Любарского, которого через два дня после этого вызвали в КГБ и арестовали.

«Хроника» (№ 24) указывает, что дело, по которому производились эти обыски, «возбуждено в связи с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 70 УК РСФСР», и что «изымалась самиздатская литература, пишущие машинки, фотопленки и личная переписка». «Хроника» добавляет, что из допросов лиц, у которых производились обыски, из допросов их родственников и знакомых «стало ясно, что следствие в основном интересуется вопросом об изготовлении и распространении «Хроники текущих событий».

В поисках Самиздата произвели обыск и на квартире проживающей в Москве А. Найденович-Осиповой, жены редактора «Веча» В. Осипова, который сам не имеет московской прописки. Уже на протяжении нескольких месяцев сотрудники милиции и КГБ вторгались в ее квартиру, угрожая ей и ее мужу арестом за журнал «Вече». Одно из таких вторжений, сопровождавшееся бурным объяснением у постели полупарализованной матери А. Осиповой, привело к повторному инсульту и кончине матери.

В Ленинграде по делу о Самиздате обыски

были произведены у Э. Орловского, Ю. Мельника и П. М. Горячева. У Ю. Мельника, как сообщает «Хроника» (№ 24) был обнаружен радиотелетайп, и Ю. Мельника арестовали. У бывшего политического заключенного П. М. Горячева изъяли рукопись его воспоминаний о лагерях.

Рукописи воспоминаний были изъяты во время обыска и в Умани у Екатерины Олицкой. Поздно*.

Обыски по тому же делу были произведены в Новосибирске у Г. Яблонского и Рыбакова, а также в Вильнюсе у Вацлава Севрука и у других лиц. В Вильнюсе на допросы вызывалось около 100 человек.

Надо полагать, что обыски и аресты производились и в других городах страны. Саратовская областная газета «Коммунист» 4 февраля поместила статью В. Пролеткина «У позорного столба». В статье по фамилиям названо 20 человек. О четверых написано, что они посещали книжный «черный рынок». О десяти — что они размножали и распространяли порнографию, а о шестерых — В. Стрельникове, художнике Б. Ямпольском, библиографе Ю. Болдыреве, музыкантах А. Катце и М. Белокрысе и преподавателе В. Нульмане — пишется, что они

«...ловят и даже записывают на магнитофон некоторые передачи зарубежных радиостанций... Они с ног сбились в поисках «истинных» произведений «настоящих» русских писателей... перерожденцев типа А. Солженицына, А. Кузнецова... Для пополнения своих запасов «самиздатчики» ищут связи в других городах... приезжают с копиями оригиналов, которые издаются за границей. Сразу же в пишущие машинки закладываются чистые листы бумаги... не спят по ночам, лихорадочно перепечатывают рукописные литературные произведения, в которых возводится клевета на советский образ жизни... Один экземпляр себе в тайник, остальные — для распространения».

И с таким явлением гебешники думают справиться? Шестью арестами в Саратове, сотней допросов в Вильнюсе? Изъятием у старушки-эсерки рукописного экземпляра уже напечатанных на Западе воспоминаний? Арестами в Москве или в Киеве нескольких смелых людей, выступающих открыто, чья тактика борьбы в том и состоит, чтобы не бояться ареста, чтобы преодолевать страх самим, чтобы учить преодолевать страх других?

*) Через Самиздат воспоминания Е. Олицкой попали за границу и в 1971 году вышли в издательстве «Посев».

● МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Простая истина

Перед поездкой Никсона в Москву

31 марта войска коммунистического Северного Вьетнама начали массивное наступление на Южный Вьетнам; наступление, масштабы которого превосходят все предыдущие нападения и походы. Речь, в данном случае, не идет об операциях повстанцев. Речь даже не идет об операциях, в которых инфильтрированные из-за границы войска играют роль повстанцев. Речь идет о самой простой агрессии, проводимой при помощи массового применения тяжелого современного оружия.

На территории Южного Вьетнама находятся американские войска. Может быть, коммунистическое наступление, начатое после того, как прекратилась почти вся повстанческая деятельность в Южном Вьетнаме, — решительная последняя попытка, чтобы добиться вывода этих иностранных войск? Наоборот. За полтора года из Вьетнама выведено полмиллиона американцев, и их в нем осталось всего 60 тысяч. США стремятся как можно скорее вывести и эти — в боях больше не участвующие — войска. Чтобы добиться их вывода, надо было согласиться на обмен военнопленными (американское предложение: 10 северовьетнамцев за каждого американца!), согласиться на перемирие и... не начинать наступления.

Можно определенно утверждать: наступление начато, чтобы не дать американцам вывести свои войска! Спрашивается, почему в этом заинтересован Северный Вьетнам, войска которого давно воюют на территории трех соседних государств — Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, во всё меньшей и меньшей мере полагаясь на коммунистических повстанцев в этих странах, пыл которых давно прошел?

Северный Вьетнам как государство, северные вьетнамцы как народ, в этом не заинтересованы. Интерес такое состояние вызывает у коммунистического руководства Северного Вьетнама, играющего благодаря именно военному положению совершенно исключительную роль в мировом коммунистическом движении. Ещё бóльший интерес это вызывает у всех фракций расколотого мирового коммунистического движения.

Сегодня воюющий, «героический» Вьетнам — единственная точка мира, которая объеди-

няет всё коммунистическое движение. Сегодня Вьетнам — единственное место, где коммунизм наступает, ведет активную «революционную» борьбу. Сегодня Вьетнам — единственная возможность привлекать на свою сторону настроенную против войны активную молодежь Запада. Сегодня Вьетнам — единственная проблема, которая революционизирует капиталистические страны, в первую очередь США.

Французские коммунисты осуждают нападки на Солженицына, итальянские — оккупацию Чехословакии. Выступающие в западных странах против «эстаблишмента» студенты не только не руководствуются указаниями местных компартий, но презирают обюрократившуюся КПСС так же, как и свою капиталистическую власть. Только в вопросе Вьетнама все они — сторонники любого коммунизма, безоговорочно поддерживающие линию Москвы и... Пекина.

Уход американцев из Вьетнама лишит мировой коммунизм последнего якоря единства, лишит последнего объединяющего звена. Нет, американцев из Вьетнама нельзя выпустить, а если они все-таки будут уходить, то пусть платят за уход такой потерей престижа, таким несмываемым позором, который будет полновесной платой за потерю этого звена.

Революционный пыл давно угас в старой коммунистической Москве. Устал от бескультурной революции и молодой китайский коммунизм. Не к боям стремятся брежневцы, косыгины и даже маоцзедуны, а к коммерческим сделкам с капиталистами, к благоденственному и мирному житию для себя и даже к материальным уступкам своим народам, лишь бы не тронули их власть. Демонстрировать свое миролюбие в то время, как Америка продолжает воевать во Вьетнаме, — вот где единственный шанс слыть достаточно прогрессивным, чтобы возмещать свою внутреннюю слабость симпатиями бунтующих «прогрессивных сил» Запада.

✱

В течение пяти недель пытались американцы, не усиливая своего участия в военных действиях, помогать своим союзникам в Южном Вьетнаме. Они не только не ввели в

бой свои, находящиеся еще во Вьетнаме части, но даже — точно по плану — вывели еще несколько тысяч из страны. Их помощь сначала ограничивалась бомбардировкой наступающих войск, а затем постепенно стала включать и бомбежки некоторых районов Севера. Но положение на фронтах войны стало становиться критическим, особенно на севере страны, где северовьетнамские танковые части прямым наступлением через демилитаризованную зону, несмотря на огромные потери, заняли Куанг-Чи и стали угрожать древней имперской столице — Хюэ. 8 мая президент Никсон принял свои контрмеры.

Выступая по телевидению, Никсон заявил, что отдал приказ: а) минировать все порты Северного Вьетнама и принять в территориальных водах Вьетнама все необходимые меры для недопущения доставки агрессору вооружения морем; б) сделать всё возможное для пресечения доставок вооружения по железным и другим дорогам и усилить бомбардировку военных целей в Северном Вьетнаме с воздуха и моря. Никсон объявил блокаду!

Для безопасного выхода находящихся в портах судов Никсон оставил три дня: мины снабжены автоматикой, при помощи которой активизируются. 11 мая в 13 часов по московскому времени. Никсон сказал, что выбирать он должен был между тремя решениями. Первое — немедленно вывести все оставшиеся американские войска и отдать Южный Вьетнам с его 17-миллионным населением на растерзание коммунистическому агрессору. Он не мог принять этого решения, т. к. оно означало бы предательство, поощрение агрессора сейчас и в будущем, а также несмываемый позор для Соединенных Штатов. Второе — переговоры; это решение исключил сам Северный Вьетнам, отвечая на все американские предложения надменными требованиями капитуляции. Третье решение, — военные мероприятия для окончания войны, — и осталось для Никсона единственным.

Никсон выставил ультимативные требования для прекращения блокады: освобождение американских военнопленных и перемирие во всем Индокитае под международным контролем. После принятия этих требований прекратятся все американские военные действия, а американские войска будут выведены в течение четырех месяцев. Никсон возложил ответственность за северовьетнам-

скую агрессию и за всю войну на Советский Союз (поставляющий примерно 75% вооружения агрессору) и коммунистический Китай (25%), но был по отношению к этим странам предельно сдержан и подчеркнул свое стремление к сотрудничеству с ними.

С логикой президента Никсона, объясняющей, почему он не мог принять первых двух решений, нельзя не согласиться. Гораздо труднее представить себе, что принятые им меры положат конец кровопролитию. Результаты даже самой успешной блокады скажутся не так скоро. Выдержит ли Южный Вьетнам до тех пор? Не достаточно ли у агрессора запасов на месте, чтобы нанести противнику сокрушительный удар? Не слишком ли поздно делается попытка лишить северовьетнамцев оружия войны? И был ли в истории случай, когда блокада приводила к какой-никакой, но победе? Ответ на большую часть этих вопросов дадут ближайшие недели. Вероятно, главный вопрос — остановят ли южные вьетнамцы агрессора — будет решен к моменту выхода этого номера «Посева» из печати. Сейчас мы оставим все эти вопросы открытыми.

Как ни странно, столь же неясен вопрос действительной реакции (не пропагандистской) Советского Союза. В свое время достаточно было полета Пауэрса, чтобы отказать в приезде американскому президенту. Сегодня положение другое.

Сегодня КПСС гораздо больше заинтересована в визите Никсона, чем американцы. Казалось бы, блокада, острие которой направлено в первую очередь против Советского Союза, обязывает отказать в приеме, а у нас тянут, ведут техническую подготовку к приезду и ограничиваются пустобрешным «заявлением Советского правительства». Создавалось временно даже впечатление, что визит может быть отложен самим Никсоном, у которого есть о чем говорить с советскими руководителями, но не о блокаде Вьетнама...

Чем же объяснить такую неясность в реакции руководства КПСС?

Первое напрашивающееся объяснение: наступление северовьетнамцев, подготовленное и оснащенное из Кремля, пущено в ход наперекор его воле, не в запланированное время, а гораздо раньше. Можно представить себе, что оружие доставлялось для нападения после московской встречи, после вывода еще какой-то части американских войск, в пределах — после вывода их вообще. Но местный хозяин положения — Ханой не заинте-

ресован в московских стоворах и сорвал планы «пославшего его» КПСС. Мы не думаем, что это так, ибо тогда доставка оружия после начала наступления была бы прервана, ибо тогда пришлось бы считать, что в Москве заинтересованы в окончательном выводе американских войск, мы же уже констатировали обратное.

Второе возможное объяснение: разноречивой в верхушке КПСС, проявление разногласий и борьбы разных сил, о чем ползут слухи, но, к сожалению, пока недостаточно конкретные. Мы уверены, что разноречивой этот есть, что роль свою он играет, однако не будем утверждать, что в данном случае он сыграл решающую роль.

Остается третье предположение: вне зависимости от подчинения или неподчинения Ханоя, вне зависимости от разноречия в руководстве КПСС, ее политика зашла в тупик,

отстала от жизни и то и дело вызывает последствия, с которыми ее творцы не считаются и которые они не могут правильно предсказать.

Во всяком случае ясно, что в Кремле не учли перемен в мире, которые произошли после вовлечения в политическую игру Китая (см. «От биполярного мира к треугольному», «Посев» № 4), как не учли и того, что великую державу, которая несет свою долю ответственности за мир в мире, сегодня нельзя заставить сдать принципиальные позиции, практически капитулировать и таким образом выйти из игры.

Трагично, что нашей страной управляют люди, которые не понимают этой простой истины. Волей-неволей находишь удовлетворение в том, что это понятно возглавлению хотя бы одной из великих держав.

Пресечь поток информации!

К высылке корреспондента «Таймс» из Москвы

В течение 1971 года «Литературная газета» дважды (3 февраля и 7 июля) нападала на московского корреспондента лондонской «Таймс» Дэвида Бонавиа. Понятно было: давалось предупреждение засижившемуся в Москве (2 года) корреспонденту, чтобы писал «правдивые» (читай: пересказы советских газет), а не «живые» репортажи.

Но Бонавиа — настоящий журналист. Свой долг он воспринимает как активный сбор интересующей читателей «Таймс» информации. Он охотно говорит с людьми, у которых есть что ему рассказать. В Москве, однако, еще много людей, которые побаиваются откровенно говорить с иностранцами. Но идут те, кто говорить не боится, у кого есть что сказать. Это — «демократы», «сопротивленцы», «инакомыслящие», «диссиденты». Информация эта живая, интересная. Журналистический долг — ее передать.

В результате — на ловца и зверь бежит. И нечего удивляться, что Бонавиа первым передает на Запад запись процесса Буковского (7 февраля), что на него наталкиваются кагебисты, приходя с очередным обыском к Якиру.

Следующий результат: Бонавиа надо высылать, но высылать «дипломатично».

И вот, третья статья в «Литературной га-

зете» (22 марта), опять с информацией о том, как Бонавиа дезинформирует читателей «Таймс». Но новые грехи Бонавиа исключительно скудны: утверждение, что советская критика замалчивает телефильм «Сага о Форсайтах», что в Советском Союзе не знают, в чем обвиняют Анджелу Дэвис, что сказка Сергея Михалкова в «Новом мире» — политическая аллегория!

Но этого достаточно: 26 апреля «Литературная газета» печатает письма «возмущенных читателей» под заголовком «До каких же пор?..» 5 мая Бонавиа высылается.

Удар по советскому престижу: «Таймс» сравнивает СССР с гитлеровской Германией, начиная передовую цитатой из собственной статьи от 17 августа 1937 года, когда ее корреспондента выслали из Берлина. В письмах читателей — предложения покупать недоступный в Москве «Таймс» в Витебске и Орше, раз тамошние читатели газеты требовали высылки. Английское правительство заявляет протест. «Сандей телеграф» (6 мая) считает высылку борьбой с информацией о преследовании инакомыслящих и восклицает: «Не выйдет!»

С мнением газеты нельзя не согласиться! Информация из страны будет находить дорогу на Запад и обратно в Россию!

● ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

Новочеркасск

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВОССТАНИЯ

Десять лет прошло со времени самого крупного и самого кровавого (при его подавлении) послевоенного восстания в России — восстания в Новочеркасске. Сведения о нем тогда очень трудно пробивались на Запад. Мы глухо сообщали о нем в «Посеве» через два месяца — 5 августа 1962 года. Сообщали на основании собственной, не до конца проверенной информации. Многим она казалась невероятной. Сомнения возникали и в нашей среде.

Сразу после нас заговорила иностранная печать. Думается, сведения не были переняты у нас. Вернее, в редакциях была информация, но она как недостоверная и даже невероятная была положена под сукно. Понадобилось наше сообщение, подтверждение из второго источника, чтобы ее выпустить, дать ей ход. Постепенно проникали новые сведения, картина пополнялась, и к середине шестидесятых годов стала, можно сказать, полной. Новочеркасск стал символом. О нем знал весь мир.

Но к концу шестидесятых годов тема Новочеркасска стала забываться и даже замалчиваться. На Западе, конечно. В России ее замалчивали всегда. Почему?

Но сначала напомним, что произошло, так как многие подробности стерлись, ушли из памяти.

Новочеркасск — город с населением свыше 150.000 человек — находится в юго-восточном углу Ростовской области. В нем заводы: машиностроительный, горного и строительного оборудования. Металлургические, винодельческие, спирто-водочные предприятия. Несколько вузов. То есть город рабочих и студентов.

Забастовки и демонстрации, начавшиеся 2 июня 1962 года, перешли в народное восстание. Толчком к нему было повышение цен на продукты питания. Мясо на 35 процентов, масло на 25 процентов. Кроме того, ввиду обычной советской неразберихи в доставке продуктов, появились очереди у хлебных магазинов.

Особенно возмутились рабочие тяжелой промышленности. Даже они, имеющие приличную, по советским понятиям, зарплату, были не в состоянии купить необходимые

при их тяжелом труде продукты по новым ценам.

К бастующим присоединились рабочие депо станции Новочеркасск. Они приварили колеса вагонов и нескольких паровозов к рельсам на дальних подъездах к городу, чем затруднили подвоз внутренних войск МВД. В самом Новочеркасске таких войск оказалось недостаточно для подавления забастовок, перешедших в массовую демонстрацию, а затем — в народное восстание.

Милиция была разогнана и частично обезоружена народом. Армейские части к подавлению забастовок и демонстраций обычно не привлекаются. Советские правители убеждены, и не без оснований, что солдаты и офицеры могут повернуть оружие против них.

Лишь горькая нужда вынудила местные городские власти вызвать части новочеркасского гарнизона. Результат был плачевным для советских властей. Солдаты отказались применять оружие против восставших. Некоторые офицеры отказались отдавать нужные команды.

По собственной информации НТС («Посев», 5 июня 1964 года), были случаи самоубийств офицеров, которые предпочли смерть позорному убийству своих безоружных братьев, сестер, отцов и детей.

В Новочеркасск прибыли на автомашинах и самолетах части внутренних войск МВД. В город прилетел начальник главного управления этих войск генерал-лейтенант (теперь генерал-полковник) Яковлев и другие крупные чекисты.

Только к январю 1963 года у Исполнительного Бюро Совета НТС было достаточно сведений о событиях в Новочеркасске, чтобы опубликовать заявление с их анализом («Посев», 18 января 1963 года).

Установлено, что по жестокости, при подавлении народных выступлений в городе, войска МВД превзошли себя. Даже события в Темиртау и подавление восстаний в концлагерях в 1953 году бледнеют перед действиями чекистов в Новочеркасске. Там погибло свыше 500 человек мирных жителей. Количество раненых достигло нескольких тысяч.

Публикуя постановление о повышении цен на продукты — мясо и масло, советские вожди ожидали проявлений недовольства народа. Руководство КГБ разослало указания во все свои республиканские и областные управления. Было решено усилить милицию и дружинников, были приведены в боевую готовность оперативные войска МВД. Но все эти меры оказались в этот раз недостаточными.

Народные выступления происходили и раньше. Например, в 1961 году в Кривом Роге, в Краснодаре, в Александрове и Муроме (Владимирская область). Но все они были вызваны отдельными случаями произвола местных властей и не были направлены против мероприятий центра — Президиума КПСС и Совета министров СССР.

Новочеркасское восстание явилось массовой народной реакцией на постановление центральной власти о повышении цен на продукты питания. Значение новочеркасских событий в том, что в них участвовали самые различные слои населения: рабочие, служащие, студенты, домохозяйки и, даже, учащиеся старших классов.

НТС собрал много показаний непосредственных участников тех кровавых событий. Студент Д. («Посев», 18 января 1963 года) сообщил: «...В институте тоже сразу началась сходка (после прочтения новых цен на продукты. — Ред.) ... студенты кричали: «Придется полмесяца голодными ходить! Айда ребята на улицу! Рабочих надо звать — все будем требовать отмены!» И дальше: «Близ горкома партии солдаты открыли огонь по толпе. По околышкам стало ясно, что стреляют не армейцы, а войска внутренней охраны КГБ (оперативные войска МВД. — Ред.). Я очень скоро получил легкое ранение...»

Милиционер Л. показывает: «Милиция и армейцы не сделали в народ ни одного выстрела». Рабочий П. сообщил: «В последние дни кагебисты открывали огонь при малейшей попытке скопления людей на улице».

Многие в свободном мире, да и в нашей стране, считали, что поколения советских граждан, выросшие при Сталине, навсегда запуганы и неспособны к борьбе и к сопротивлению властям. Принято также думать, что молодежь, выросшая в послесталинское десятилетие, интересуется лишь материальными благами и «веселой жизнью».

Народное восстание в Новочеркасске на чисто опровергло такие умозаключения. Против несправедливого, жульнического поста-

новления кремлевских владык в Новочеркасске восстали все — от мала до велика.

Именно в этом огромное значение новочеркасских событий. Именно этим объясняется панический страх советских вождей, приказавших чекистским войскам стрелять даже в маленькие группы безоружных людей, появлявшихся в те дни на улицах Новочеркасска. Неудивительно, что среди убитых и раненых было много детей и подростков школьного возраста.

Именно поэтому «народные вожди» пустили против народа, на новочеркасских улицах и площадях, танки и легкую артиллерию войск МВД. Это — самая крайняя мера, применяемая в самых серьезных случаях. Отнюдь не из-за гуманности и человеколюбия членов Политбюро, а потому, что факты и слухи о таких кровавых побоищах рано или поздно становятся достоянием всего мира. Об этом узнают и самые левые, «розовые» и «красноватые», доброжелательно настроенные к Советскому Союзу жители свободного мира. Узнают и, конечно, делают свои выводы.

Кровь жителей Новочеркасска пролилась не зря. Конечно, кровопролитием не удивишь ни советских вождей, ни жителей Советского Союза. Однако события в Новочеркасске вошли в число исторических вех — поворотных пунктов исторического процесса, стали путеводными звездами в сознании многих поколений.

Новочеркасское восстание входит в категорию таких событий, как выступление декабристов в 1825 году. То, что произошло тогда на Сенатской площади, при всей своей изолированности, сыграло роль революционного запала, породило массу идей, эмоций и импульсов освободительного движения на целое столетие. Или январское воскресенье 1905 года, превратившееся в народную революцию, потрясшую все основы самодержавия. Или ленский расстрел рабочих в 1912 году, вызвавший подъем революционного движения, полностью сказавшегося в событиях 1917 года.

В стране знают и помнят новочеркасские события. Так почему же так мало вспоминают их, что создается даже впечатление, что их замалчивают?

Дело в том, что за последние десять лет разработан и всё шире распространяется другой метод сопротивления беззакониям власти — борьба за свои права и свободы в рамках законности. И следует признать, что

Боятся даже публичных похорон...

За последние годы из жизни ушло несколько крупных литераторов старшего поколения.

Хотя их политические воззрения и их отношение к теперешней власти были разными — реакция власти на их похороны была поразительно однообразной.

Мы знаем подробное описание похорон опального писателя А. Костерина, борца за гражданские права и свободу (сборник «На смерть А. Е. Костерина», составленный генералом Григоренко, см. «Посев» № 4 за 1969 г.).

При похоронах Костерина хоть видна какая-то логика в том, что власти пытались их сначала как можно быстрее «провернуть», а когда это им не удалось, — мешали траурной церемонии: были основания ожидать, что друзья покойного превратят похороны в политическую демонстрацию. В Союзе писателей Петру Якиру так и сказали: «Мы вам не позволим устраивать демонстрацию!»

Генерал Григоренко перечисляет помехи, чинившиеся при похоронах официальными инстанциями. Союз писателей начал подготовку к похоронам раньше, чем родные сообщили туда о кончине покойного, не дав даже объявления о гражданской панихиде в газетах. Потом не хотели предоставлять катафалка, назначать место, где близкие и друзья могли бы проститься с усопшим. Город-

ская служба «регулировки» мешала похоронному кортежу подъехать к моргу. В морг и в крематорий была нагнана масса милиции и там кишело агентами КГБ в штатском. «Люди с голубыми книжечками» вмешивались в распорядок похорон, чинили препятствия, старались сократить продолжительность гражданской панихиды. В морге руководивший «охраной» похорон офицер КГБ прерывал выступавших с речами друзей покойного возгласом «заканчивать!» и требовал от служителей крематория начинать без промедления кремацию.

Ничуть не оправдывая такой произвол, можно представить его как исключительный случай, так как хоронили писателя, открыто выступавшего против власти.

Но вот перед нами другой самиздатовский документ: очерк «На похоронах Корнея Чуковского», подписанный «Литератором». Старика Чуковского нельзя причислить к открытым «врагам режима». Помимо того, что он был известным писателем и замечательным знатоком русского языка, за ним укрепились репутация литератора, сумевшего в течение пятидесяти с лишним лет пребывания на верхах советской литературы сохранить свое доброе имя и остаться порядочным человеком. И тем не менее на его похоронах мы видим то же вмешательство КГБ, что и на похоронах Костерина. Снова помехи, снова требование поспешить с захоронением. В газетах снова ни строчки о предстоящей панихиде. На похоронах — масса милиции, множество гебистов, которых автор называет «мальчиками в штатском с угрюмыми, презрительными физиономиями».

«Мальчики» начали с того, что оцепили кресла в зале, не дают никому задержаться, присесть. Пришел тяжелобольной Шостакович. В вестибюле ему не разрешили снять пальто, в зале запретили сесть в кресло. Дошло до скандала».

Писательнице Л. Кабо, которой поручили выступить родственники Чуковского, гебист не разрешил говорить. Кстати, это он же подвизался на похоронах А. Е. Костерина. Фамилия его Ильин, он генерал КГБ («в миру секретарь по организационным вопросам московской писательской организации», — с сарказмом сообщает «Литератор»).

хотя тоталитарная советская власть кажется самой неподходящей для применения против нее такого метода, его сторонники и активные участники добились поразительных результатов.

И вот, принято считать, что раз появился метод, не вызывающий кровопролития, метод, единственные жертвы которого — сами активные борцы, то не дай Бог вспоминать о Новочеркаске, в котором пролита большая кровь!

Думается, что это неправильно. Только боязнь перед новым Новочеркасском не дает власти возможности самым решительным образом расправиться с оппозицией, борющейся в рамках закона. Как мы уже писали: эта оппозиция — «клапан, выпускающий пары возмущения». Если он закроется, борьба примет другие формы.

Забыть Новочеркасск нельзя. Нельзя нам, но нельзя и власти!

Разница между похоронами опального Костерина и всегда официально чествовавшегося Чуковского лишь в том, что провожать его вынуждены были прийти «те, кто по традиции завершают ритуал, кто попадает потом на ленту кино- и фотохроники». Они попытались представить его «своим»:

«Заикающийся Михалков произносит выспренние слова, которые никак не вяжутся с его равнодушной, какой-то даже наплевательской интонацией. Потом начинается: «От Союза писателей СССР...», «От Союза писателей РСФСР...», «От издательства «Детская литература»...», «От Министерства просвещения и Академии педагогических наук...». Все это произносится с той глупой значительностью, с которой, вероятно, швейцары прошлого века во время разъезда гостей вызывали карету графу такому-то и князю такому-то».

Из очерка «Литератора» мы узнаем, что по подобному же стандарту проводились похороны других крупных деятелей литературы. На похоронах Эренбурга и Паустовского — тоже милиции тьма. Точно так же, как пытались побыстрее сжечь Костерина, спешили закопать Пастернака:

«Один из руководителей литфонда, некто Елинсон, выхватил тогда лопату у слишком медлительного могильщика и сам начал забрасывать гроб землей. На похоронах Эренбурга выдавались пропуска «для узкого круга». В результате большинство друзей покойного не попало на Новодевичье кладбище, где Слуцкому из-за «спешки» отказали в праве произнести прощальную речь; в минувшем июле, когда хоронили Паустовского, снова не получили слова его близкие и друзья — надо было торопиться в Тарусу. Зато потом на шоссе Москва — Таруса те же «торопильщики» на полчаса остановили похоронный кортеж, чтобы помешать молодежи добраться до могилы Константина Георгиевича (так и напрашивается параллель с задержкой «регулирующими» автобусов на похоронах Костерина. — Р е д.). Тот же провокационный трюк повторился у гроба А. А. Ахматовой. Сначала людей заставили больше часа толочься в полной неизвестности возле morga больницы им. Склифосовского, потом вдруг — скорее — десятиминутное прощание под непрерывное понукание милицейского и литфондовского начальства».

Судя по сообщениям иностранных корреспондентов, та же картина наблюдалась даже

на похоронах Хрущева: тоже скрывали время и место похорон, тоже нагнали уйму милиции и гебистских «попок», тоже не допускали публику и спешили побыстрее зарыть труп. Около кладбища собрались толпы народа, но пускали только по специальным пропускам. Удалось пройти совсем немногим, среди них Е. Евтушенко и историк А. Некрич. Петра Якира, чтобы он случайно не «пролез» на похороны, даже арестовала милиция и выпустила только после окончания траурной церемонии.

А ведь уж Хрущев-то не был «оппозиционным» литератором и при жизни отнюдь не пользовался уважением масс! Какой «демонстрации» боялись на похоронах? Его только с большими оговорками можно считать противником теперешней правящей камарильи.

Некоторые мысли в очерке «Литератора» перекликаются с поминальным словом Солженицына на девятый день после смерти Твардовского. Солженицын пишет:

«Это давно у нас так. Это — с Пушкина. Именно в руки недругов попадает умерший поэт, и расторопно распоряжаются телом, вывертываются в бойких речах. Обстали гроб каменной группой и думают — обгородили!»

Ему вторит «Литератор»:

«Откуда этот страх перед покойниками? Да ведь традиция! Уже 200 лет без малого так хоронят русских литераторов. Через поколения жандармов и литературных сексотов дошел сей подлый и трусливый ритуал и до нас по цепочке, как говорится, от Бенкендорфа и Булгарина к Ильину и Михалкову. Литературные охранники всегда остро чувствуют опасность прорыва подлинных человеческих чувств, прорыва, вызванного острой болью утраты. У гроба большого писателя неизменно возникает электрическое поле общественного протеста. Интеллигенты, в обычные дни рассеянные, разрозненные, задавленные трудностями жизни, возле дорогих могил вдруг видят себя сообществом единомышленников, единоверцами. В такие часы для них особенно невыносима официальная ложь. Люди хотят правдивого слова, даже молчаливники становятся ораторами».

Это еще один небольшой штришок картины деградировавшего режима: утвердившись когда-то на гребне митингов и демонстраций, он эволюционировал в наши дни к животному страху перед всем, что даже отдаленно напоминает свободные манифестации.

С комментариями и без них

◆ ОБ АНТИСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ в Свердловске сообщает «Хроника» № 24. Свердловский областной суд с 10 по 13 ноября прошлого года слушал дело группы лиц, арестованных в марте 1971 года и обвиненных по статьям 70 и 72 Уголовного кодекса в антисоветской агитации и в создании антисоветской организации. Следствие проводилось в Свердловске, Красноярске, Хабаровске, Горьком и в ряде других городов бригадой гебешников со «старшим следователем по особо важным делам» подполковником Н. Т. Смоликовым во главе. Суд под председательством Е. А. Соломенцева приговорил семерых обвиняемых к срокам от 2 до 5 лет лагерей строгого режима. Один обвиняемый был направлен на психиатрическую экспертизу. Свердловские психиатры признали его психически здоровым и вменяемым. Тогда обвиняемого отправили в Институт имени Сербского. Через 2 месяца в отделении, возглавляемом Д. Р. Лунцем, был поставлен нужный гебешникам диагноз: «шизофрения с бредом преследования». Фамилии подсудимых, подробности обвинения и конкретные обстоятельства дела и процесса «Хронике» пока неизвестны.

◆ НОВЫЕ ПСИХОТЮРЬМЫ ОТКРЫТЫ по сообщению «Хроники» № 24 в начале этого года в Благовещенске Амурской области и в Кызыл-Орде в Казахстане. Таким образом, известное нам число «психиатрических больниц специального типа» доведено до девяти. Остальные семь, список которых мы опубликовали в «Посеве» № 6/1971, находятся в Казани, в Сычевке Смоленской области, в Ленинграде, Черняховске, Минске, Днепропетровске и Орле. Несмотря на мировую огласку и протесты общественности, борьба против инакомыслия средствами сульфазина и аминазина продолжается и даже распространяется на новые, отдаленные районы страны. Как известно, «специальные отделения» есть и в сотнях других психиатрических больниц.

◆ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА ВЫЗВАЛ к себе секретарь Московского отделения Союза писателей В. Ильин, перешедший на административную работу в этом Союзе со службы в «органах». Предлагал написать покаяние-отречение в связи с выходом в нашем издательстве его романа «Семь дней творения». Как сообщает «Хроника», В. Максимов

отказался делать какие бы то ни было заявления о своем романе, так как «все, что он думает, написано в самом романе», рукопись которого давно лежит в Союзе писателей. Новый самиздатовский журнал «Обозрение» (№ 2) рекомендует своим читателям сравнить два издания книги Владимира Максимова «Шаги к горизонту» (выпущенное издательством «Правда» в 1966 году и «Советским писателем» в 1967 году): «Вы поймете, что такое наша отечественная цензура и каковы ее возможности».

◆ ИВАНА ДЗЮБУ (о проведении у него обыска с изъятием сочинений В. Ленина мы сообщаем в этом номере «Посева») 2 марта исключили из Союза писателей Украины «за грубое нарушение принципов и требований Устава СП, за изготовление и распространение материалов, которые носят антисоветский, антикоммунистический характер, выражают националистические взгляды, возводят клевету на советский строй и национальную политику партии и советского государства». 18 апреля Дзюбу арестовали. Он болен туберкулезом.

◆ ПЕТИЦИЮ В ЗАЩИТУ БУКОВСКОГО хотела передать местная организация христианских демократов в Бонне. Для этого из посольства был приглашен докладчик — советник посольства Богомолов. Он в течение часа говорил о советском миролюбии, которое, по его словам, обязывает СССР поставлять Вьетнаму не только продовольствие, но «конечно и оружие». Однако петицию он принять отказался, назвав Буковского уголовником.

◆ НАРО-ФОМИНСК ПО-ПРЕЖНЕМУ остается без действующего православного храма. В мае прошлого года мы приводили письмо В. Н. Чалидзе нынешнему патриарху Пимену, а в ноябре сообщали об обращении 1432 жителей этого города в Президиум Верховного совета. Теперь в Самиздате появилось посвященное наро-фоминскому делу письмо В. Н. Чалидзе, адресованное Президиуму Верховного совета СССР. К письму приложены копии 56 документов, освещающие все этапы безуспешной борьбы наро-фоминцев за открытие в своем городе церкви. В ходе этой борьбы состоялось два судебных процесса: по иску к Совету по делам религии при Совете министров СССР о возмещении материального ущерба и по иску к наро-фо-

минской газете «Знамя Ильича» о защите чести и достоинства. Оба иска остались без удовлетворения. К письму В. Н. Чалидзе приложены также копии писем академику А. Д. Сахарову из Черниговской области с просьбами помочь в открытии католического костела и православной церкви, а также копия письма православных верующих города Горького Л. Брежневу.

◆ РЕВОЛЮТ ПИМЕНОВ, приговоренный к пяти годам ссылки в районе Сыктывкара неожиданно получил разрешение работать по своей специальности — математиком в Академии наук Коми АССР. Это первый случай, чтобы политическому ссыльному разрешили работать по специальности. До сих пор он работал вместе с Константином Бабицким на верфи, на починке лодок. По данным московских оппозиционных кругов, руководство верфи написало Пименову в характеристику, что работал он «по приказу КГБ»!

◆ СОВЕТСКО - ДАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ осложнились несмотря на то, что датчане, поймав с поличным занимавшихся шпионажем первого и третьего секретаря и атташе советского посольства в Копенгагене, не выслали их, а только заявили СССР протест и высказали пожелание, чтобы шпионы были отозваны. Датчане, конечно, рассчитывали, что в благодарность за столь деликатный подход СССР не вышлет никого из датских дипломатов. Однако МИД СССР отозвал своих «дипломатов» (что им делать в стране, в которой они уже разоблачены?) и сделал посольству Дании в Москве представление («Известия» 7 мая), в котором утверждается, что первый секретарь датского посольства и секретарь-архивист «совершили действия не совместимые с их статусом». МИД предложил Дании отозвать из Москвы упомянутых сотрудников, что-де будет воспринято «как признак желания укреплять и развивать дружеские отношения между нашими странами». Однако тут уж датчане рассердились и сообщили кратко: датские дипломаты шпионажем не занимаются и отзывать их оснований нет!

Не известно, вышлют ли советские власти упомянутых дипломатов, но совершенно ясно другое: датского ответа «Известия» не напечатают.

◆ САМОРАСПУСТИЛОСЬ ДВИЖЕНИЕ за независимость Тайваня. Руководители этого движения Чжу Юн-хань и Ван Ву-цзао, ведшие из Японии кампанию против режима Чан Кай-ши, вернулись в Тайбей, где заяви-

ли, что благосостояние Тайваня и хорошая социальная политика делают их борьбу безнадежной. Как антикоммунисты, они считали своим долгом вернуться на Тайвань и помогать сохранять существующее там положение.

● ЛИТОВСКАЯ ССР

Гонения на христиан

Католический священник Лигнугарис 9 декабря прошлого года посетил тяжело больного прихожанина в больнице города Акмяне. Заметивший это главный врач разбранил священника и выгнал его из больницы. 28 декабря райисполком оштрафовал священника в административном порядке на 50 рублей.

13 января народный суд в том же городе Акмяне приговорил 60-летнюю Клеону Бичучайте к 1 году заключения за то, что она готовила детей к первому причастию.

Как уже сообщалось («Посев» № 5, 1972), под одним из протестов католиков Литвы против ссылки двоих епископов, против осуждения двоих ксендзов за подготовку детей к первому причастию, против увольнения верующей учительницы и разрушения костелов в Батакяй, Гауре и Сангруда подписалось 17 054 человека. Текст этого протеста теперь распространяет Самиздат. При этом сообщается, что «под меморандумом поставили подписи лишь незначительная часть верующих Литвы, так как органами милиции и КГБ был предпринят целый ряд мер по прекращению сбора подписей. В городах Капсукас, Шакяй, Ишлаужас, Капчяместис было задержано несколько лиц, участвовавших в сборе подписей. Один из них даже был доставлен в наручниках в отделение милиции. Найденные у них списки с подписями были конфискованы».

В своем заявлении католики Литвы пишут:

«Нас не удовлетворяют красивые слова в печати и по радио, поэтому мы ожидаем от правительства таких усилий, которые помогут нам, католикам, чувствовать себя равноправными гражданами Советского Союза».

Экземпляр письма с 17054 подписями в январе был послан Л. Брежневу. Не получив ответа, представители католиков Литвы направили копию своего меморандума Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму с просьбой переслать эту копию по назначению — Л. Брежневу.

● ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Повесть о том, как поссорились... КПСС и КПН

«Правда» от 12 мая сообщает радостную новость. 26 мая в Амстердаме открывается съезд компартии Нидерландов. Из размеров статьи — большой по масштабам «Правды» — сразу становится ясно, что это не только радостное, но и чрезвычайно важное событие. Тот факт, что статья подписана ОБОЗРЕВАТЕЛЬ (заглавный шрифт «Правды»), не оставляет в нашей догадке никаких сомнений. Термины «Обозреватель» и «Группа товарищей», заведенные в советском официальном жаргоне Сталиным, используются только в очень важных случаях. Съезд голландских коммунистов?! Чего же тут важного? Ведь эта малюсенькая компартия не играет никакой заметной роли ни в жизни Голландии, ни в международном коммунистическом движении. Например, на парламентских выборах КПН получает лишь ничтожную толику голосов. В чем же дело? Обозреватель «Правды» быстро удовлетворяет любопытство читателей. Уже в двадцатой строке он употребляет сакраментальное «тем не менее». Добрая старая советская традиция — начав за здоровье, быстро переходить за упокой!

Узнаем далее, что отчетный доклад руководства КПН, опубликованный в марте, затрагивает непосредственно КПСС и ее политику, «искажая» ее подлинные позиции.

Дальше опять не совсем ясно. Обозреватель в самом начале пишет, что «поэтому необходимо сказать *несколько слов*» (выделено нами. — Ред.). К чему же вся эта большая статья? Оказывается, что за КПН числятся и другие грехи, в частности, опубликованное ею ранее «Заявление исполкома компартии Нидерландов по поводу одной публикации в Москве».

«О чем же идет речь?» — восклицает обозреватель. В январском номере «Вопросов истории КПСС» появилась рецензия двух советских историков на мемуары «Тридцатые годы» и некоторые другие публикации бывшего председателя ЦК КПН Пауля де Гроота.

Про эту рецензию обозреватель «Правды» с достоинством сообщает, что она носит научный характер и опирается на значительный архивный материал. Ну еще бы! Авторы статьи пришли к выводу, что де Гроот в своих оценках впадает в противоречие с фактами истории и ленинского понимания про-

летарского интернационализма. То есть, в переводе на общедоступный язык, де Гроот, вспоминая тридцатые годы, — очень щекотливый период для коммунистов-историков — слишком часто говорит о веревке в доме повешенного и, что совсем нетерпимо для Москвы, делает свои собственные выводы. Ну, ничего, успокаивает обозреватель «Правды», рецензия, громившая де Гроота, нашла довольно широкий отклик и в Голландии, и в ряде других стран. Вот, например, выводы советских авторов получили *полную* поддержку... члена Политбюро КП Австрии тов. Ф. Фюрнберга. Не трудитесь искать эту фамилию в ВСЭ или где-нибудь еще. Дряхлый старикашка Фюрнберг — типичный сталинский лакей, долгие годы проработавший в Коминтерне — «этой паршивой лавочке», по словам самого корифея, сказанным им в те далекие годы.

Бедный обозреватель! Бедная «Правда»! Не могут указать на чью-либо другую *полную* поддержку. Но это не всё. И в заявлении исполкома, и в отчетном докладе КПН дело изображается так, что советская рецензия представляет собой вмешательство во внутренние дела КПН. Какая ложь и наглость! К тому же, голландские товарищи апеллируют к принципам невмешательства и равноправия братских партий. Что же они, белены объелись? Разве КПСС не придерживается очень строго всех этих принципов? Примеров тому масса: Венгрия, Чехословакия, Польша, не говоря уже о полнейшем равноправии компартий, входящих в СССР братских республик. Но не только эти мелкие обиды заставили обозревателя «Правды» взяться за перо и написать «несколько слов». Оказывается, авторы доклада и заявления КПН утверждают, что КПСС (читайте Политбюро) отклонила предложение руководства КПН о встрече представителей обеих партий для обсуждения вопроса относительно *восстановления контактов* между КПСС и КПН.

Тут же мы впервые узнаем, что эти контакты были прерваны еще в 1964 году — конечно, по вине КПН. Еще бы! Как же иначе? Оказывается, что руководство КПН вот уже восемь лет как проводит особый курс, суть которого в том, чтобы под видом автономии резко сокращать «международные связи». (Читайте: КПН отказалась безропотно принимать приказы и инструкции Международного и Партийно-организационного отделов ЦК КПСС).

И, о ужас! В прессе КПН систематически

печатались материалы, искажающие действительное положение в СССР, неверно толкующие советскую политику.

Принимая позу базарной торговли, уличенной в продаже тухлой рыбы, обозреватель «Правды» сообщает, что «все эти годы КПСС сохраняла выдержку и терпение, не позволяя втянуть себя в полемику, которая легла бы дополнительным грузом...» и что «все, кому дорого... единство коммунистов, могут по достоинству оценить... позицию КПСС».

Далее узнаем, что в июле 1970 года руководство КПСС дало ответ председателю КПН Х. Хукстре, выдержанный в этих тонах, и с пожеланием: «сообщить более подробно о круге вопросов, которые он хотел бы обсудить на этой встрече». (Читайте: произошел полный раскол во всех направлениях, и надо собирать и склеивать осколки).

В марте 1971 года Х. Хукстра передал официальный ответ. Значит, все эти годы шла неофициальная грызня с взаимными оскорблениями и обвинениями. В своем ответе Х. Хукстра сообщил о готовности КПН принять делегацию КПСС или, наоборот, послать делегацию своей партии в Москву. Увы, печально констатирует обозреватель «Правды», прошло больше года, однако, ЦК КПН к этому вопросу больше не возвращался. (Все ясно: голландские коммунисты решили, что они и сами с усами и в братской опеке Москвы больше не нуждаются).

А вот в Кремле-то всё больше и больше ощущают нехватку усов. Как было бы все просто во времена отца и вождя народов!

Послали бы в Голландию оперативную группу ежовско-бериевского типа, угробили бы несговорчивого руководителя КПН «втихую» в его же стране, или пригласили бы его на отдых и лечение в СССР. Наконец, отказали бы в денежной помощи.

В конце статьи «в несколько слов», в тоне обозревателя, так и слышится в адрес голландской компартии: «Я вам покажу!..» Но времена теперь далеко не те. Поэтому статья кончается заявлением о большом уважении к КПН и пожеланием голландским коммунистам успехов в борьбе за... и так далее. Совсем как в милейшем еврейском анекдоте: с пламенным приветом (чтобы вы сгорели).

О выезде евреев из СССР

Официальных советских данных об эмиграции евреев в Израиль, естественно, не публикуется. Газеты ведь публикуют только информацию, которая может интересовать

советских граждан. Советских же граждан может, конечно, заинтересовать случай возвращения в СССР выехавшего еврея, а выехало ли из СССР в течение 1971 года 14 или 17 тысяч евреев, им не интересно.

Однако слухи о том, что число выезжающих всё растёт, распространяются по миру и доходят, конечно, и до арабских стран, которые пользуются не только советскими источниками для своей информации. В результате арабы протестуют и винят дружественное советское правительство, что оно усиляет Израиль, выпуская тысячи переселенцев.

За первый квартал этого года число выезжающих особенно возросло. По некоторым данным, оно достигло в среднем пятисот человек в неделю. В общей сложности бесспорно, что за 15 месяцев — с января 1971 и до марта 1972 года — выехало более 20 000 человек. Стали говорить о том, что в течение 1972 года может выехать тысяч 40... Понадобились объяснения.

Ими занялся заместитель министра внутренних дел Б. Шумилин, который для этой цели дал интервью Агентству печати «Новости». В Советском Союзе интервью, конечно, в печати не появилось, но для Запада оно явилось первой советской официальной информацией о выезде евреев. Выступил Шумилин 27 марта.

По данным Шумилина, все слухи о массовой эмиграции евреев в Израиль — гнусная клевета. Всего со времени мировой войны выехало 21 000 евреев. Так число выехавших за 15 месяцев Шумилин распределил на 27 лет и получил успокоительные для арабов цифры. Правда, и ему пришлось признать, что в 1971 году выехало больше, чем в другие года, но он ограничил это число десятью тысячами, утверждая при этом, что среди выезжающих очень большой процент женщин и стариков.

Но, сказав свою полуправду, Шумилин занялся уже просто ложью. Он стал длинно распространяться насчет «всё возрастающего числа евреев, выехавших в Израиль, а теперь желающих вернуться в СССР».

Мы, конечно, не утверждаем, что среди выехавших не находится желающих вернуться назад. Но это — немногочисленные единицы, которые «не делают погоды». Фактом следует считать, что евреи, — люди единственной национальности, которой представилась возможность, пусть с невероятными трудностями, но вырваться из СССР, — этой возможностью энергично пользуются.

НАШИМ ПОДПИСЧИКАМ В США

Как мы уже сообщали, с этого — июньского — выпуска «Посева» реорганизована доставка журнала в США. Вместо индивидуальной доставки по почте из издательства, весь тираж журнала для Соединенных Штатов доставляется в Нью-Йорк и Сан-Франциско пакетами по воздуху. На месте обеспечена немедленная рассылка (простой почтой) адресатам. Июньский выпуск высылается из Франкфурта в пятницу 2 июня, из Нью-Йорка дальше в тот же день, а из Сан-Франциско 3 июня.

Вместо двух видов подписки — воздушной и простой почтой — вводится общий тариф — 21 дол. при подписке в издательстве и 24 дол. через магазины и представителей. С заплативших до конца года 18 дол. мы не будем брать доплаты. Надеемся, что и уплатившие 24 дол. не будут требовать от нас возврата 1.50 дол., хотя, конечно, вернем их каждому желающему.

Если подписчики в провинциальных городах США, которые до сих пор получали «Посев» воздушной почтой, увидят, что простая почта по США доставляет им журнал слишком медленно, мы можем, по их просьбе, посылать им «Посев» по-старому.

Редакция «Посева»

НОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИЙ «ПОСЕВА» И «ГРАНЕЙ»

ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ

В связи с предстоящим переездом редакций в строящееся собственное помещение при издательстве просим всех наших корреспондентов, пользовавшихся в своей переписке нашим городским адресом (Jahnstrasse) или почтовым ящиком (2789) впредь посылать свою почту по адресу:

„Possev“-Redaktion или „Grani“-Redaktion
D-6230-Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

Переписывающиеся непосредственно с одним из сотрудников должны указывать его фамилию перед адресом.

Обращающиеся непосредственно в издательство пишут по-старому:

POSSEV-Verlag
D - 6230 - FRANKFURT/M. - 80
Flurscheideweg 15

ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ

Мы не можем еще сообщить дня переезда и просим из-за этого связываться с нами по нашим старым телефонам, пока они дают соединение.

Новый телефон редакций (0611) - 34 30 44

ТЕЛЕГРАФНАЯ СВЯЗЬ

Напоминаем сокращенный адрес для телеграмм

POSSEVERLAG FRANKFURTMAIN

Перед адресом может стоять фамилия сотрудника, которому направляется телеграмма.

● БОЛГАРИЯ

Небольшое движение воды

На этот раз гарью запахло в Болгарии. До сих пор изо всех «сателлитных» государств она считалась самой примерной, самой законопослушной по отношению к Москве. Болгарское руководство остается послушным по сей день. Но в стране что-то зашевелилось.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ВСПЯТЬ

Под влиянием югославского примера в столичных болгарских кругах много говорилось об экономической децентрализации, о предоставлении известной автономии промышленным предприятиям. На деле «реформа» пошла по обратному пути — в сторону жесткой централизации. Болгарские промышленные тресты укрупнены: их было 130, а теперь стало всего 56.

Предпринятые за прошлые годы робкие попытки Живкова предоставить некоторым крупным предприятиям известную автономию привели неожиданно к довольно плачевным результатам вследствие бюрократического произвола и хищничества. Особенно скандален случай фирмы «Тексим».

Фирма «Тексим», зависящая от министерства внешней торговли, занимается, кроме прочего, поставкой в Советский Союз судов засекреченной конструкции. Так вот, по данным некоторых западных газет (например, «Монд», 4 марта), секреты были разглашены, фирма обокрадена, работники советской и болгарской госбезопасности поделили между собой часть похищенных сумм. В результате директор предприятия Коста Жанков был уволен, а несколько ответственных служащих попало в тюрьму. Надо думать, что на этом деле пострадали и кое-какие катэбисты.

ВОЛНЕНИЯ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

В силу тяжелых трудовых условий и не сдерживаемых властями обещаний в рабочей среде идет брожение. На металлургическом заводе города Перника — одном из самых крупных предприятий страны — осенью 1971 года произошли открытые беспорядки. Прибывшего туда 23 декабря Тодора Живкова рабочие освистали. И это понятно: речь болгарского «вождя» походила порою на прямое

издевательство. Он заверял, что пятидневная рабочая неделя будет введена, но... в 1975 году, что этим благодеянием смогут воспользоваться только рабочие тех предприятий, которые сумеют в пять дней выполнить план, рассчитанный на шесть дней. Живков также подчеркнул, что в деле производства не следует преувеличивать значения «материальной заинтересованности» рабочих — росту производства должны в первую очередь способствовать моральные и духовные побуждения.

Не предвещает ли такая политика события, подобные тем, которые потрясли заводские районы Польши в декабре 1970 года?

ФРОНДА ЛИТЕРАТОРОВ И МОЛОДЕЖИ

Писатели и журналисты Болгарии до сих пор были, во всяком случае внешне, покорны советской указке. В международном Пенклубе, в котором они состоят, коммунистические болгарские борзописцы неизменно проводят предписанную им из Москвы линию, препятствуя протестам против гонений литературы в тоталитарных странах.

Первые признаки непокорности появились в мае 1971 года. Поэты Валерий Петров и Христо Генов отказались осудить Солженицына, заявив в Союзе писателей, что они были лишены возможности прочесть солженицынские произведения. За эту дерзость они исключены как из Союза писателей, так и из болгарской компартии. Вскоре после этого известный литературный критик Любен Георгиев выступил в газете «Народна култура» с резкой статьей, направленной против литературных чиновников и их самоуправства в

Союзе писателей. В результате — уволен главный редактор этой газеты Каракашев.

Недовольство в писательской среде растет.

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС

В македонском вопросе — давнишнем яблоке раздора между Болгарией, Югославией и самой Македонией — болгарские журналисты проявляют теперь такое своеволие, на какое они в прежние времена не решились бы. Дело в том, что в плане подготовки европейской конференции о безопасности и сотрудничестве советскому руководству в настоящее время желательно, чтобы болгаро-югославские отношения улучшились и чтобы македонская проблема была отложена. Болгарская пресса, хотя и строго подцензурная, не прекратила, однако, достаточно быстро македонскую полемику. Для того чтобы ее урезонить, софийскому правительству пришлось пойти на крутые меры. В конце 1971 года был, например, уволен Борис Крумов, главный редактор еженедельника «Антени» «за грубое нарушение партийной дисциплины и за деятельность, противоречащую внешнеполитической линии, утвержденной Центральным комитетом». В чем заключалась его вина? Очевидно, в том, что он положил под сукно не македонский вопрос, а лозунг о «вечной и нерушимой дружбе с Советским Союзом».

Среди болгарской молодежи усиливаются поиски новых путей. Это напоминает происходившее в России во второй половине пятидесятых годов: создаются первые подпольные кружки.

Власть явно встревожена признаками брожения. Поэтому в ноябре 1971 года было созвано в Плевне особое совещание, посвященное «борьбе против антисоциальных явлений» среди молодежи. Тут, как обычно, всё было свалено в одну кучу: спекуляция, черный рынок, проституция малолетних, пьянство, влияние западного туризма, империалистические диверсии, «религиозные предрассудки»...

Брожение перекинулось и в болгарский комсомол, и его руководство подверглось разгрому в конце 1971 года.

Таким образом, в деле подготовки европейского совещания о безопасности и сотрудничестве советское руководство продолжает встречать трудности не только в западноевропейских странах, но и в своем собственном блоке государств Варшавского договора.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Читателей может удивить, что в этом выпуске «Посева» они не найдут комментария на одно из крупных международных событий прошедшего месяца, хотя оно и касается нашей страны, а значит и наших интересов. Речь идет о голосованиях по ратификации парламентом ФРГ заключенных в 1970 году договоров с СССР и Польшей.

Однако в своей оценке как раз этого вопроса мы хотим исходить в первую очередь не из положения в Бонне, а из положения в Москве. Мы надеемся получить нужную нам информацию из страны, и поэтому откладываем свой комментарий на один месяц.

Р е д а к ц и я

● С Ш А

«Аполлон-16»

16 апреля с мыса Кеннеди (штат Флорида) был запущен к Луне американский космический корабль «Аполлон-16», на борту которого находились три космонавта: Джон Янг, Чарльз Дьюк и Томас Маттингли.

19 апреля корабль вышел на селеноцентрическую орбиту, 21 апреля особая лунная кабина с космонавтами Янгом и Дьюком отделилась от корабля, потом, после преодоления некоторых технических неисправностей, кабина совершила мягкую посадку на поверхность Луны в гористом районе юго-восточной части ее видимой стороны, близ кратера Декарт. В тот же день Янг и Дьюк вышли из кабины, развернули комплект научных приборов и приступили к сбору образцов лунной породы: на особом «лунном вездеходе» они побывали у кратеров Декарт, Флэг, Спук, Норт Рей. По пути они сообщали на Землю устное описание окружающей местности, делали фотоснимки.

23 апреля кабина стартовала с поверхности Луны и состыковалась с основным блоком корабля. 25 апреля корабль покинул окололунную орбиту и направился к Земле; в пути Т. Маттингли вышел из экипажного отсека в открытый космос и провел около часа за работой по извлечению отснятых фотопленок из камер, снимавших поверхность Луны. Затем была проведена «космическая пресс-конференция»: космонавты по телевидению отвечали на вопросы журналистов.

27 апреля «Аполлон-16» благополучно приводнился в Тихом океане, южнее Гавайских островов. Вертолет доставил космонавтов и кабину с грузом на борт авианосца для дальнейшего следования в США. Весь полет продолжался 11 дней, кабина пробыла на Луне 71 час, а космонавты совершили три выхода на Луну общей длительностью более 20 часов. Они установили научные приборы, собрали образцы пород.

Несмотря на ряд технических неполадок, полет был самым эффективным. Поражает большое количество транспортированного лунного грунта — 110 килограммов. И это в то время, когда советские аппараты, летающие без людей, при всех «луноходах», бурильных сверлах и автоматических экскаваторах, приносят сотни граммов...

● ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

16.4. — В США запущен к Луне космический корабль «Аполлон-16», космонавты — Джон Янг, Чарльз Дьюк и Томас Маттингли (вышел на селеноцентрическую орбиту 19.4., стартовал к Земле 25.4., приводнился в Тихом океане 27.4.).

17.4. — Премьер-министр Турции Эрим ушел в отставку, на его место временно назначен министр обороны Мелен.

18.4. — Двое молодых чехословацких рабочих увели пассажирский самолет из ЧССР в ФРГ.

20.4. — Переговоры канцлера ФРГ Брандта с британским премьер-министром Хитом в Лондоне (по 22.4.). — Секретная поездка американского правительства советника Генри Киссинджера в Москву (по 24.4.).

21.4. — Высадка американских космонавтов Джона Янга и Чарльза Дьюка на Луну (по 23.4.). — В Пакистане отменено военное положение и введена в действие временная конституция.

23.4. — Референдум во Франции по вопросу о расширении Европейского Экономического Сообщества: 67,7% за, 32,3% против (39,4% граждан не голосовало).

25.4. — Конференция стран Афро-Малгасийской организации (по 26.4.).

27.4. — Выступление президента США Никсона по радио и телевидению: сокращение количества американских войск во Вьетнаме на 20 000 человек (до 50 000). — Визит египетского президента Садата в СССР (по 29.4.). — Умер в изгнании Кваме Нкрума, бывший президент Ганы.

30.4. — Референдум о новой конституции в Камбодже.

1.5. — Северновьетнамские войска взяли город Куангчи, на севере Южного Вьетнама.

3.5. — Группа из четырех студентов увела турецкий пассажирский самолет в Болгарию (сдались болгарским властям 4.5.).

4.5. — Поездка главы израильского правительства Голды Меир в Румынию (по 7.5.).

5.5. — Бои между индийскими и пакистанскими войсками в Кашмире.

6.5. — Три левозэкстремистских турецких террориста повешены в Анкаре.

7.5. — Парламентские выборы в Италии (по 8.5.).

8.5. — Бельгийский самолет с 90 пассажирами захвачен арабскими террористами на пути в Израиль (освобождены в Тель-Авиве израильцами 9.5.).

9.5. — Президент США Никсон объявил морскую блокаду Северного Вьетнама.

10.5. — Плебисцит в Ирландии о вступлении в Европейское Экономическое Сообщество. — Южный Вьетнам объявлен на военном положении.

11.5. — Взрывы бомб в главной квартире американских войск во Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

13.5. — Кровавые студенческие беспорядки на Мадагаскаре.

15.5. — США возвратили Японии остров Окинава и все прочие острова архипелага Рюкю. — Визит английской королевы Елизаветы во Францию (по 19.5.).

● ИТАЛИЯ

Итальянская рапсодия

От собственного корреспондента «Посева»

Рим, май

7 и 8 мая в Италии состоялись внеочередные выборы в обе палаты парламента. После распада левоцентристского правительства, сформированного коалицией из христианских демократов, социалистов, социал-демократов и республиканцев, в парламенте не было комбинации партий, которые могли бы образовать прочное правительство.

Правительственные кризисы для Италии — не новость. На протяжении всего послевоенного времени, т. е. с 1945 года, политическое положение в Италии за исключением редких периодов не отличалось особой устойчивостью.

Многим итальянцам еще памятли первые свободные выборы 1948 года, когда решалась судьба Италии. Тогда вооруженные банды коммунистов разъезжали по промышленным районам страны, наводя страх на мирных жителей, потрясая оружием, угрожая истреблением своих политических противников и отпуская проклятия в адрес «буржуазной демократии». Всё это происходило как раз в то время, когда их единомышленники захватывали власть в Чехословакии.

Тогда партия христианских демократов, этот оплот демократии и свободы в Италии, получила абсолютное большинство голосов, что спасло страну от печальной участи государств Восточной Европы. С тех пор христианские демократы — одни или в коалиции с другими партиями — непрерывно находились у власти.

Вхождение Италии в Европейское экономическое сообщество в середине пятидесятых годов оказалось стабилизирующим фактором огромного значения в жизни страны. Начался небывалый экономический расцвет, продолжавшийся примерно 15 лет. Италия выдвинулась на одно из первых мест среди высокоиндустриализованных стран, и бурный рост благосостояния масс был неоспоримым фактом.

В годы экономического расцвета были и забастовки и беспорядки, но с 1968 года в стране началось более или менее непрекращающееся брожение, которое продолжается по сей день. Частично оно объясняется «болезнью роста» — нормального явления для

страны, переходящей от одной общественной структуры к другой. Частично же это брожение было реакцией на недостаточно быстро осуществляемые социальные реформы, на вялость, с которой правительство упраздняло сохранившиеся социальные неравенства, на нежелание некоторых работодателей (живущих старыми категориями) идти на уступки. Играло роль и просто нетерпение — этот спутник большинства южных народов. Но частично брожение было вызвано последствиями торопливо проведенных и не всегда действительно нужных реформ, на которых настаивали социалисты из чисто престижных соображений.

Коммунисты и коммунистические профсоюзы (а у них на поводу и другие профсоюзы) стали во главе масс и выдвинули демагогические требования о немедленном проведении реформ, мало интересуясь вопросом, откуда брать тот огромный капитал, который для этого требуется. Своего они стали добиваться нескончаемыми забастовками, беспорядками, угрозами и политическим шантажом.

На политической сцене появились новые силы — левее коммунистов. Они существовали и раньше, но как боевая сила выступили всерьез в 1968 году. Все эти мелкокалиберные последователи Ткачева и Заичневского считают, что компартия одряхлела, обросла жиром, стала компромиссной. Путь левых экстремистов ознаменован бесконечными оккупациями факультетов и институтов, стычками с полицией, временами переходящими в настоящие побоища, схватками с инакомыслящими.

Для осуществления своих сумасбродных целей эти молодчики готовы пожертвовать 9/10 человечества. Им ничего не стоит избить до полусмерти полицейского или политического противника. Но не дай Бог, если полицейский ударит одного из этих героев! Начнутся невероятные стенания и бесконечные разговоры о законности, о правах человека и т. п.

Но это не всё.

Справа на демократию надвигается неонацистская опасность, правда, менее компактная, чем левозэкстремистская масса, но комплектуемая из людей, среди которых бы-

тует такое же презрение к демократии как системе, как среди левых. Неофашисты и еще более правые группы — ярые противники коммунизма, и левым экстремистам спуска не дают. На поджоги партийных помещений, срывы собраний, избиения сочувствующих и бомбы — неофашисты отвечают той же монетой, усугубляя таким образом и без того сложное положение в стране.

Демократические партии Италии, христианские демократы (39% голосов), республиканцы (3%), либералы (5%), социал-демократы (6%) и находящиеся в промежуточном положении между демократией и коммунизмом социалисты (9%) сжаты между правыми и левыми.

При этом партия христианских демократов, объединяющая основную массу демократически настроенных элементов страны, состоит из нескольких фракций с резко обозначенными границами. Внутренние разногласия нередко вырываются наружу, а левое крыло партии тяготеет к коммунистам и социалистам и всё норовит найти с ними общий язык. Правда, в прошлом году политическому секретарю партии Форлани удалось подтянуть дисциплину и существенно урезать свободу действий фракций, а также умерить пыл левых элементов в партии. Но следует иметь в виду, что партия христианских демократов находится у власти 25 лет с лишним, т. е. очень продолжительный срок для страны с демократической системой. В результате этого внутри партии притупился интерес к идеологическим вопросам, и поиски в этой области сошли почти на нет.

Доминирует стремление сохранить власть, и спорные вопросы решаются путем сделок и компромиссов между фракциями, что принимает иногда совсем уродливые формы. Так, например, бывший мэр Рима, Америго Петруччи, снятый несколько лет назад со своей должности в связи с подозрением в крупной растрате и находившийся под судом еще во время предвыборной кампании, не нашел ничего лучшего как выдвинуть свою кандидатуру на выборах, и его имя числится среди прочих кандидатов христианско-демократической партии.

В отличие от СССР и других стран социалистического блока, где всё компрометирующее властимущих тщательно скрывается от населения, в Италии, наоборот, всё становится достоянием гласности. И ясно, что население и, в особенности молодежь, реагирует отрицательно на подобные явления и

таким образом подрывается доверие к демократии.

Политические сделки подливают масло в огонь.

Так, например, ни для кого не секрет, что Сарагат был избран на пост президента благодаря сделке с коммунистами, которые выторговали амнистию для своего депутата Моранино, обвинявшегося в многократном убийстве и поэтому бежавшем от правосудия в Чехословакию. Нынешнего же президента Леоне парламент выбирал в течение 15 дней, причем понадобилось 23 тура голосования!

Можно себе представить, как люди должны реагировать на такой фарс, когда речь идет о выборе достойнейшего среди достойных, о выборе президента, который не наделяется исполнительной властью, а должен представлять всю нацию. Неудивительно поэтому, что средний итальянец относится с большой долей иронии к господствующему политическому классу, к его махинациям и сделкам.

На фоне этого далеко не прочного положения, да еще в самом преддверии избирательной кампании, произошло событие, которое всколыхнуло всю Италию. Недалеко от Милана, промышленного центра страны, под высоковольтной стальной опорой нашли убитого человека. При нем обнаружили взрывчатку.

Полиция быстро установила, что погибший при попытке взорвать стальную опору — Джанкарло Фельтринелли, личность всей стране хорошо известная. Фельтринелли — миллионер, владелец крупных предприятий, в том числе одного из самых больших издательств Италии (оно первым издало роман Пастернака «Доктор Живаго»), известный сначала своими просоветскими, а впоследствии анархо-кабристскими взглядами, оказывавший поддержку марксистско-маоистско-ленинским группам на крайнем левом фланге.

Эти многочисленные группки подняли сначала вой, обвиняя полицию в убийстве своего мецената и благодетеля, но быстро прикусили язык, когда расследование выяснило, что Фельтринелли имел намерение взорвать опору и тем самым лишить Милан электричества со всеми вытекающими из этого последствиями.

Поймали сообщников Фельтринелли, напали на след конспиративных квартир, нашли склады оружия, обнаружили списки «Бригате россе» (т. е. террористических

групп), выяснили, что Фельтринелли истратил огромные суммы (20 миллиардов лир) на свою подрывную работу с вполне конкретной целью — разжечь гражданскую войну в Италии.

А вслед за этим нашли ответ на ряд доселе невыясненных покушений, похищений, взрывов и одного убийства. Казалось бы, настал момент, если не разнести, то по крайней мере осадить всю эту внешне и внутренне не очень опрятную братию, находящуюся левее компартии. Однако не произошло ничего подобного.

Наоборот. По-видимому, для соблюдения политического равновесия в стране, чтобы никого не обидеть, власти арестовали нескольких неофашистов, пришив им какое-то дело. Газеты сразу подхватили новое дело, но через месяц главный арестованный, Пино Раути, вышел на свободу из-за отсутствия улик, и неофашисты устроили ему триумфальный прием, получив таким образом лишнюю рекламу.

Такие происшествия в Италии не редки.

Так, в декабре 1970 года в результате длительной очередной антифашистской кампании, проводившейся компартией по всей стране, вдруг «раскрыли» фашистский заговор. Подняли страшный шум, демократическая общественность не на шутку перепугалась, арестовали несколько человек. Писали на эту тему много, предсказывали арестованным пожизненное заключение. Потом перестали писать, а люди продолжали сидеть. Потом дело вообще забыли. Через 11 месяцев выпустили арестованных на свободу. Выпустили из-за отсутствия улик.

Такие поразительные вещи происходят как с левыми, так и с правыми активистами, что, разумеется, подрывает доверие к судебным властям.

Но уместно заметить, что наряду с явлениями такого рода в Италии царит такая политическая свобода, какой не найдешь во многих других странах, и которую люди, живущие в тоталитарных странах, себе вообще представить не могут.

Предвыборная обстановка в мае была достаточно накаленной, несмотря на то, что руководитель неофашистов Альмиранте дал приказ по своей партии не вступать ни в какие драки и не производить ответных нападений. Зато неистовали левоэкстремистские элементы: срывали собрания ультраправых, поджигали помещения, бросали бомбы...

Совсем случайно в Риме пострадал мирный советский турист. Он имел несчастье остановиться перед неофашистским плакатом и был за это избит находившимися вблизи коммунистами, решившими, что он сочувствует фашистам! Такие безобразия происходили повсеместно, и полиция далеко не всегда и не всюду успевала охлаждать пыл зарвавшихся левоэкстремистских молодчиков.

С другой стороны, любопытно, что за последние годы и неофашисты и официальная ИКП прилагают огромные усилия, чтобы произвести впечатление вполне приличных партий, подходящих якобы для демократического лагеря как партнеры.

На партийном конгрессе в 1970 году неофашисты решили предать забвению всё то, что напоминало времена фашизма, и стать чисто демократической партией. Вождь же ИКП Берлингуэр клялся и божился, что итальянские коммунисты стали страшно демократичны, что они, если придут к власти, не задашат оппозицию. Даже больше: если коммунисты проиграют на следующих выборах, то будут, пожалуй, готовы уступить свое место победившей партии! И уж, конечно, итальянские коммунисты совершенно независимы от КПСС! Ведь итальянская компартия даже имела смелость протестовать против вторжения советских войск в Чехословакию, открыто высказывала свое неодобрение обращением советской верхушки с Солженицыным и т. п.

Но кто поверит этим черным и красным волкам в овечьей шкуре?

Нельзя не отметить, что перед выборами отношения между христианско-демократической партией и социалистами заметно охладели. Эти две партии в течение 10 лет составляли главные компоненты в разных правительственных комбинациях, теперь же стало ясно, что новое левоцентристское правительство вряд ли сможет быть образовано после выборов.

Вместо этого пророчили, что христианские демократы для образования правительства войдут в коалицию с либералами, республиканцами и социал-демократами и таким образом отделаются от социалистов, которые постоянно угрожали договориться с коммунистами и этим подорвать демократическую базу страны.

Ожидали также увеличения голосов, поданных за неофашистов. Ухудшающееся экономическое положение (бесконечные забастовки бесследно не проходят), резкое сни-

жение национального дохода, растущая безработица, махинации политиков, отсрочки социальных реформ и преобразования налоговой системы и, главное, забастовки, волнения и беспорядки толкнули многих в объятия неофашистов, обещавших навести «порядок». Однако рост неонацистской партии усилил лишь силы, враждебно настроенные к демократической системе, и внес еще большую сумятицу в политическое положение страны.

Итальянцы со свойственным им темпераментом и склонностью к преувеличениям каждый раз, когда наступают выборы, патетически восклицают: «Еще никогда положение не было столь серьезным, как этот раз!» Нужно, однако, признать, что в этом преувеличении кроется на сей раз и определенная доля правды.

Как известно, в Италии самая большая компартия вне социалистического блока (больше полутора миллионов членов). За ИКП голосуют 27% населения, а за коммунистов и их попутчиков — 31%. Итальянские социалисты ведут на протяжении многих лет чрезвычайно двойственную политику: с одной стороны, они причисляют себя к демократическому лагерю и входят в состав левоцентристских правительств, а с другой — беспрестанно заигрывают с коммунистами и во многих органах местного самоуправления предпочли блокироваться с коммунистами, а не с демократическими партиями. Поэтому никогда не исключена возможность, что социалисты в какой-то момент могут заключить союз с коммунистами, что даст им вместе 45% голосов.

Однако всем известно, что там где фашисты или коммунисты приходят к власти, они ее больше из рук не выпускают. Демократическая система нужна им только для того, чтобы один раз прийти к власти и потом задавить всех остальных. Так было во всех странах, где коммунисты приходили к власти. Принимая же во внимание, что никаких изменений в сути тоталитарного духа коммунизма не произошло, у нас нет оснований делать и на будущее другие выводы, вне зависимости от того, что утверждают благожелательные толкователи коммунизма на Западе.

Поэтому выборы в Италии каждый раз могут быть последними свободными выборами в свободной стране. Поэтому они имеют большое значение не только для итальянцев, но и для всего мира.

Но вот выборы кончились и голоса подсчитаны. Приведем таблицу результатов в Палату представителей в процентах к общему числу поданных голосов и с числом выбранных. В скобках даются данные 1968 года.

Демократические партии:

Христианские демократы	38.8 (39.1)	267 (266)
Социал-демократы	5.1	29 (29)
Республиканцы	2.9 (2.0)	14 (9)
Либералы	3.9 (5.8)	21 (31)
Тирольская народная партия	0.5 (0.5)	3 (3)
Социалисты	9.6	61 (62)

Тоталитарные партии:

Коммунисты	27.2 (26.9)	179 (177)
Пролетарское единство	1.9 (4.5)	0 (23)
Маоисты, ленинцы	0.7	0
Неофашисты и монархисты	8.7 (5.8)	56 (30)

На выборах 1968 года социалисты и социал-демократы голосовали вместе и получили 14.5% голосов.

Таким образом, на выборах свои позиции сохранили христианские демократы, социал-демократы, социалисты и коммунисты. Потеряли либералы (10 мест) и левые попутчики коммунистов (все 23 места). Выиграли республиканцы (5 мест) и неонацисты (26). В целом демократические партии проиграли 4 места, социалисты — 1, в то время как тоталитарные группировки выиграли 5. Всего у демократических партий в Палате представителей 334 места из 630. В Сенате у них 161 место из 314-ти. Таким образом, создается впечатление, что и без социалистов демократические партии могут создать правительство. Однако они не могли создать его до выборов, когда у них было на 4 мандата больше...

А. ТИМОФЕЕВ

Долгоиграющая пластинка

Рассказы А. Солженицына

Читает автор

Пластинка сделана с самиздатовской ленты

Приложение — брошюра с текстом

16-ти рассказов

Цена — 20.80 н. м. Пересылка за счет заказчика

Заказы выполняет издательство «Посев»
и Фонд Свободной России

● БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Отсель грозить мы будем миру...

СОВЕТСКО-ИРАКСКИЙ ДОГОВОР

От собственного корреспондента «Посева»

Иерусалим, май

Советские попытки нового сближения с Ираком наконец увенчались успехом: 9 апреля в Багдаде подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Иракской Республикой». Договор заключен на 15 лет и будет автоматически продлеваться на последующие пять лет, если одна из сторон не заявит за год о желании прекратить его действие.

Свое стремление к сближению с Ираком Советский Союз начал проявлять непосредственно после подписания советско-египетского договора о дружбе и сотрудничестве. Начались многочисленные поездки, «дружеские визиты». В июне 1971 года Багдад посетил заместитель председателя Совета министров СССР Новиков. Затем, вероятно, уже для подготовки договора, в Москву в октябре 1971 года ездил министр обороны Ирака Хамад Шибаб, а после него и иракский вице-президент. Во время пребывания в Багдаде Новикова Советский Союз взял на себя обязательство оказывать Ираку техническую и экономическую помощь в развитии и эксплуатации нефтяных источников Румейлы и в строительстве Евфратского оросительного канала. Эта помощь была обещана как бы в виде задатка предстоящего широкого потока советской помощи Ираку.

В связи с тем, что после свержения Арефа в Ираке у власти находятся баасисты, называющие себя социалистами-антикоммунистами, Советскому Союзу пришлось загодя официально признать режим Баас в Ираке и объявить о своей поддержке как внутренней, так и внешней политики этой, стоящей у власти, партии. Все эти шаги позволяют предположить, что инициатива заключения договора исходила от Советского Союза, который руководствовался желанием таким образом расширить рамки своего проникновения на Ближний Восток.

ИНТЕРЕСЫ ИРАКА

Однако и Ирак надеется извлечь из подписанного договора целый ряд выгод.

Во-первых, расчет строится на значительное увеличение поставок советского оружия, которое до сих пор выдавалось Ираку очень скудно.

Во-вторых, можно надеяться на увеличение советской экономической помощи, особенно в области развития добычи нефти.

В-третьих, непопулярная не только в самом Ираке, но и в других арабских странах партия Баас, в руках которой находится вся власть в Ираке, рассчитывает получить советскую поддержку существующему строю. Подписав договор с СССР, вожди этой партии надеются таким образом укрепить свою власть, находившуюся всё время в неуверенно-шатком состоянии.

В-четвертых, партия Баас всё время боится удара со стороны местной коммунистической партии. Если советское влияние и не поможет баасистам справиться с коммунистами, то, по меньшей мере, теперь можно рассчитывать на налаживание отношений с коммунистами и на ликвидацию опасности с этой стороны.

В-пятых, соглашение с Москвой должно, по замыслу иракского правительства, поднять престиж Ирака среди арабских стран и поставить его на одну ступень с Египтом, недавно заключившим подобный договор.

Следует подчеркнуть, что подписание договора явилось решительным поворотом всей политики Багдада, который уже с 1958 года при разных правительствах преследовал одну главную цель: стоя между враждующими Восточным и Западным блоками, натравливать их друг на друга и извлекать при этом максимальную пользу для себя. Ирак, при этом, упорно вел свою собственную линию, не примыкая ни к одной, ни к другой стороне. Заключенный договор свидетельствует о решении бросить двойную игру, примкнуть к Восточному блоку, стать его клиентом, опираться на него экономически, а поскольку возможно и политически.

Таким образом, суммируя можно сказать, что руководители Ирака надеются при помощи договора удержаться у власти какой угодно ценой. Они готовы платить за власть даже окончательным закабалением у Совет-

ского Союза, если не во внутренней, то по крайней мере во внешней политике, которую Советский Союз так любит диктовать своим попутчикам и клиентам.

РЕАКЦИЯ АРАБСКИХ СТРАН

Еще не просохли чернила на подписанном договоре, как стало ясно, что он вызывает гнев и недовольство почти всех арабских стран. Арабские страны, которые не имеют связей с Советским Союзом, негодуют, что еще одна арабская страна стала клиентом СССР и подпала под его влияние. Страны же, уже давно под советское влияние подпавшие, тоже весьма недовольны новым положением, понимая, что чем больше арабских стран будет связано с Москвой, тем меньше внимания будет обращать Москва на каждую из них, тем меньше будет считаться с интересами своих давнишних, уже привычных вассалов. Пословица «старый друг лучше новых двух» тут совсем не применима. Арабы считают, что раз Египет давно уже закабалился Советскому Союзу, там не станут с ним миндальничать. С другой стороны, в Ираке Москве сейчас необходимо утвердиться, поэтому за ним будут некоторое время ухаживать. А потом? Потом, как в гареме паши, появится новая фаворитка...

В самом Ираке тоже далеко не все восторженно приветствуют договор. Националистическая интеллигенция и офицерские круги видят, что партия Баас надеется благодаря советской помощи тверже держать бразды правления. Это им, естественно, не нравится.

РАСЧЕТЫ МОСКВЫ

Нет никакого сомнения в том, что договор Москве очень выгоден. Хоть и нельзя утверждать, что за последнее время советская звезда была на Ближнем Востоке на закате, но она сильно потускнела. Советский престиж среди арабов понизился. Новый договор поможет усилению советского влияния. Новый сателлит или клиент на Ближнем Востоке нужен Кремлю для поддержания его престижа. Но это не самое важное. Главная советская цель — при помощи торговых кораблей и военного флота усилить свое влияние и присутствие в Индийском океане и в Персидском заливе.

На Восток! В теплые моря! В Индийский океан! В Средиземное море! Об этом когда-то мечтали русские императоры, а осуществлять это стали советские заправилы в Кремле. За-

мысел остался старым. Изменились (возросли) возможности и вытекающая из них опасность.

Оглядываясь и видя, что произошло и происходит в Египте, можно без труда предсказать, что Советский Союз немедленно приступит к энергичному углублению своего влияния в Ираке именно с этой целью. За одной ногой последует другая. Ведь Ирак — это прямой путь к Индийскому океану, трамплин на Восток.

ДОГОВОР И АНТИИЗРАИЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ ИРАКА

Ирак, как известно, ведет яростную антиизраильскую политику, отрицает всякую возможность мира с Израилем и постоянно заявляет о своем стремлении к полному уничтожению Израиля. В Иерусалиме давно известно, что Советский Союз всецело поддерживает эту политику Ирака. Поддержка эта оговорена в статье 4-ой договора, где говорится, что обе стороны «будут и впредь вести неуклонную борьбу против империализма и сионизма»... Интересно, что подобных статей в подписанном в мае 1971 года советско-египетском договоре нет. Но Египет воевал с Израилем. Его войска стоят на Суэцком канале против израильских. Тут нужна осторожность.

С Ираком же игра совершенно иная. Ведь Ирак против Израиля войной не пойдет. Общих границ с Израилем у Ирака нет. Он может спокойно упрекать всех арабских соседей Израиля в трусости, нерешительности, слабости и эгоизме. Он может всё время кричать о войне, о полном разгроме и уничтожении Израиля, о восстановлении в нем арабской традиции и Ислама, и опасности в этом никакой нет.

Советский Союз это прекрасно знает. Он знает, что в особенности после Шестидневной войны и разгрома египетской, сирийской и иорданской армий, Ирак не бросится в бой и ненароком не вовлечет в конфликт и Советский Союз. Из-за этого-то Советский Союз и может себе позволить потрафить Ираку и внести в договор с ним статью о совместной борьбе против империализма и сионизма. Это безопасно. А дитя — чем бы ни тешилось, лишь бы не плакало!

ИЗРАИЛЬСКАЯ ОЦЕНКА ДОГОВОРА

В израильских газетах о договоре, конечно, много писали и всесторонне его комментировали.

● ФРАНЦИЯ

Западные компартии и „Европа десяти”

От собственного корреспондента «Посева»

П а р и ж, май

Французский референдум 23 апреля о вхождении Англии и трех других стран в Европейское содружество явился как бы напоминанием о «дамокловом мече», нависшем над французской компартией.

Второстепенная, но все же неприятная констатация для Жоржа Марше и его соратников: несмотря на пропагандное усердие и на вложенные немалые суммы, коммунистическое влияние во Франции не возрастает, а, скорее, идет на убыль. На референдуме 23 апреля 17% от списочного состава избирателей проголосовало против вхождения Англии в содружество. Примерно такое же количество выборщиков в 1969 году, на президентских выборах, проголосовало за коммунистического кандидата Жака Дюкло (16,6%). Как будто это указывает на прочность коммунистического блока избирателей. На самом же деле это не так. Ведь 23 апреля проголосовали против не только коммунисты, но и крайне левые маоистские формации, с одной стороны, и крайне правые политические группировки — с другой.

В этом некоторые наблюдатели с правом видят признаки спада количества голосующих за коммунистов, что может отозваться на парламентских выборах 1973 года.

Но этот вопрос второстепенен по сравнению с другой, действительно большой угрозой для

коммунистов. Она заключается в том, что референдум — еще один шаг (правда, небольшой) в сторону окончательного оформления «Европы десяти». А что из себя представит эта расширенная Европа для коммунистов вообще и для французских и итальянских коммунистов в частности?

Коммунисты постоянно трубят: мы не противимся расширенной Европе как таковой, но нам нужна не Европа международных капиталистических монополий, а Европа трудящихся.

Так ли это? Какое место досталось бы коммунистам в этой Европе трудящихся десяти государств?

Как отмечает ряд обозревателей, Европа трудящихся должна была бы стоять на трех китах: согласованная реорганизация промышленных предприятий десяти государств, создание международных европейских профсоюзов, создание и развитие политического европейского содружества, ведущего к конфедерации.

Все эти три «кита» для французских и итальянских коммунистов неприемлемы.

Как может быть согласована, реорганизована и демократизирована промышленность десяти западных стран? Для этого существуют только два реальных пути. Первый путь — «совместное управление», что означало бы привлечение представителей рабочих к участию в управлении промышленными предприятиями. Этот метод робко испытывается в ФРГ и более решительно в Голландии. Но компартии эту систему, как противоречащую коммунистической доктрине, отбрасывают, так как она требует «сотрудничества эксплуатируемых с эксплуататорами». Второй путь — создание рабочих советов и самоуправление предприятий. Он положен в основу программы французских социалистов. Но эта система, опять-таки, категорически отвергается компартиями, стоящими за авторитарное и централизованное управление промышленностью.

Еще более неприемлем и опасен для компартии проект создания международных европейских профсоюзов. Правда, коммунисты соглашались с здравомыслящими людьми в том, что лишь международные профсоюзы могли бы противостоять международным ка-

вали. Если попытаться объединить комментарии в несколько фраз, то они звучат примерно так:

«Советский Союз немедленно проникает туда, где образуется пустота. Политика, как и природа, пустоты не терпит!»

«Никогда нельзя упускать из виду, что Советский Союз — империалистическая держава. Это — неоспоримый факт, который Израиль никогда не забывает. Не забывает и с озабоченностью наблюдает, как советское экономическое и политическое влияние всё глубже и шире распространяется на Ближнем Востоке. Распространяется шаг за шагом, систематически и с угрожающей настойчивостью».

Малка РАЙМИСТ

питалистическим монополиям. Это на словах. Но по мере того, как этот проект начинает приобретать сторонников, у коммунистов по спине пробегает дрожь. Дело-то в том, что в Италии и во Франции все главные профсоюзные организации находятся в руках коммунистов. Но в мощных профсоюзах других восьми европейских партнеров коммунисты играют ничтожную роль: в ФРГ, в Англии, в скандинавских странах профсоюзы контролируют «социал-предатели». Таким образом, при объединении профсоюзов десяти европейских стран коммунистические профсоюзники Франции и Италии оказались бы в ничтожном меньшинстве и утратили бы свое нынешнее влияние.

Но больше всего коммунисты опасаются политического объединения Европы на основе конфедерации десяти заинтересованных государств. Какая бы создалась, в самом деле, картина, если бы появился Европейский парламент, избираемый прямым общим голосованием?

В Италии за коммунистов голосует 25% избирателей, во Франции — 20%. В Бельгии коммунисты собирают 3,5% голосов, а в Англии, ФРГ, Голландии, Норвегии, Дании, Ирландии их политическое влияние равно нулю.

Если бы этому Европейскому парламенту были даны реальные политические права, то влияние коммунистов на европейские дела сошло бы почти на нет. В таком парламенте было бы всего 2-3 коммунистических депутата.

Следовательно, со времен Октябрьской революции в Западной Европе впервые возникла серьезная угроза исчезновения коммунистического влияния. В Москве это учитывают. Торопятся, в качестве контрмеры, с созывом европейского совещания о безопасности и сотрудничестве. Словом, началась крупная игра, в которой поставлено на карту будущее Европы и, в какой-то мере, всего человечества.

Георгий КИСЕЛЕВ

● Ф Р Г

«Мы любим русских»

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЗАЩИТУ ВЕРУЮЩИХ В СССР

От специального корреспондента «Посева»

Бонн, май

27 апреля состоялась демонстрация в защиту верующих в России. Началась демонстрация перед советским посольством в местечке Роландсек неподалёку от западногерманской столицы.

Христианская организация защиты верующих в коммунистических странах была главным инициатором организации и проведения демонстрации. В ней приняли участие члены различных религиозных общин из Бонна, Кёльна, Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Бад Гомбурга...

Среди участников больше всего немцев. Были группы латышей, литовцев, эстонцев. Были представители венгров, цыган, негров. Русская группа состояла из 14 человек, прибывших на автомашинах. Это — прихожане Франкфуртского Свято-Николаевского прихода. Приняли участие представители духовенства, в том числе и православного русского.

Выступление перед советским посольством было назначено на три часа дня. Шел дождь.

Дул холодный порывистый ветер. Несмотря на непогоду и рабочий день, за полчаса до начала, поблизости от посольства собралось больше 200 человек. Среди них много молодежи. Почти у всех в руках транспаранты с призывами или большие портреты особо гонимых верующих в СССР. Призывы на транспарантах и объяснительные надписи к портретам написаны на немецком языке. Встречаются призывы и на русском языке. Есть грамматические ошибки. Среди портретов больше всего уже примелькавшихся старых знакомых. Тут и религиозный художник Титов (и его две картины с ликами Христа), и покойный Талантов, и Левитин-Краснов, и Горбаневская, и многие другие.

Ровно три часа. Немецкие полицейские показывают путь, по которому демонстранты должны подойти к советскому посольству. Здание посольства оцеплено полицией. Оно расположено при дороге на берегу Рейна. Большое движение автомобилей. Демонстранты с развернутыми транспарантами останавливаются. Позади них — большая воль-

Роландсек. Демонстранты перед посольством

ная река Рейн. Перед ними, через дорогу, — цепь немецких молодых полицейских и советское посольство.

Через мощный усилитель, перекрывая шум проносящихся автомобилей, передается — сперва на немецком, а потом на русском языке — обращение-протест в защиту верующих в СССР. В обращении приводятся конкретные факты и имена заключенных за веру в Бога и отмечается незаконность преследования за веру. Затем хором исполняются религиозные песнопения. Заканчивается протест перед посольством сольным исполнением религиозной песни на английском языке. Поет — участница демонстрации — негритянка.

В нижнем этаже здания посольства все окна наглухо закрыты опущенными жалюзи. На других этажах почти у всех окон с тонкими занавесками толпятся люди. Сколько их там? Что они делают?

Демонстрация, естественно, прошла спокойно, без бития стёкол и ненужных выкриков. Полицейские, надо полагать, довольны. Им делать нечего. Их могло бы и не быть. В спокойствии и уверенности верующих куда больше привлекательности, правоты и необоримой силы.

От посольства участники демонстрации на автомашинах и в небольших автобусах направились к новому месту сбора в Бонне около Бетховенхалле. Погода немного улучшилась. Дождь перестал.

В пять часов дня демонстранты начинают свой путь по улицам Бонна к центральной площади — Мюнстерплатц. Полиция на легковом автомобиле и двух мотоциклах — впереди. Специально выделенные демонстранты идут по обеим сторонам улиц и раздают листовки разных религиозных общин,

принявших участие в демонстрации. В листовках — материалы и документы о гонении и преследованиях верующих в СССР. В большом количестве распространена и листовка Франкфуртского Свято-Николаевского прихода. В ней на немецком языке, в частности, сказано:

«1 августа 1962 года Советский Союз ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования. Эта Конвенция обеспечивает родителям право воспитывать своих детей в духе собственных религиозных или идеологических убеждений.

Вместо того, чтобы согласовать с этим актом международного права законодательство советских республик, Верховный совет РСФСР в марте 1966 года утвердил новые постановления, согласно которым всякое допущение детей или молодежи к жизни еще существующих религиозных общин карается лишением свободы сроком до 3 лет.

Кроме как в Загорске и нескольких церквях Москвы, которые служат аттракционами для иностранных туристов, детей и молодежь в храмы не допускают, применяя к ним насилие и запугивание.

От имени всех русских христиан мы требуем:

1. Освободите из ваших тюрем, лагерей и психиатрических больниц всех заключенных, преследуемых вами за их убеждения!

2. Верните родителям отнятых у них детей!

3. Верните свободу Русской Церкви и всем религиозным объединениям!

4. Восстановите право родителей-христиан воспитывать своих детей в христианской вере!

5. Школа из инструмента пропаганды атеизма должна превратиться в идеологически-нейтральную институцию. Детям христиан должна быть предоставлена возможность обучаться истинам верования!

Верните русскому народу духовную свободу!»

Вот и Мюнстерплатц. Начинается митинг. На крыше небольшого автобуса установлен микрофон и устроена площадка для выступающих. На площади — репродукторы-усилители. Митинг открыл организатор демонстрации пастор Вурмбранд. Он говорил об

Были призывы и на русском языке

«Мы любим русских» — написано по-немецки

Бонн. Мюнстерплатц. Во время митинга

ужасах, которым подвергаются верующие в СССР, говорил о своих личных переживаниях во время нахождения в заключении в советском и немецком концлагерях. Затем выступили: цыган, венгр, немец (представитель организации Армия спасения) и другие. Среди выступавших был и православный священник.

Митинг закончился общей молитвой. Был провозглашен призыв молиться за верующих в коммунистических странах. Советскому правительству через посольство был передан текст протеста по поводу преследования верующих.

День демонстрации оказался очень неудачным. Как раз в этот день в бундестаге прохо-

дило голосование и подсчет голосов по вопросу вотума недоверия правительству. Вся пресса и другие средства информации были заняты этим важным событием. О демонстрации верующих они не думали. Но перенести день демонстрации уже было нельзя. Она подготавливалась заранее, задолго до того момента, когда стало известно о предстоящем голосовании в бундестаге.

И всё равно демонстрация была удачной, нужной, важной. В ней был выражен протест против преследований верующих в СССР и одновременно с этим — любовь к России, к русскому народу. На некоторых транспарантах на немецком языке так и было написано: «Мы любим русских».

А. КАНДАУРОВ

Трагедия Генриха Любке

От собственного корреспондента «Посева»

Кёльн, апрель

6 апреля умер Генрих Любке, бывший президент ФРГ (1959—1969). Его биография поучительна во многих отношениях. Второй, по счету, президент ФРГ, собственно, по своим данным не был предназначен занимать высокие репрезентативные посты, но был избран (1959) и переизбран (1964) главой государства в результате сложных политических комбинаций в высших сферах республики. Это был исключительно честный и старательный человек, чего для политической карьеры недостаточно.

Он происходил из сельской мелкокрестьянской семьи, родился в 1894 году, прервал

свое агрономическое образование и ушел добровольцем на фронт в первую мировую войну, движимый чувством патриотического долга. Потом стал инженером-строителем и был директором одного товарищества по созданию «культурных поселков» («зидлунг»). Движимый сознанием гражданского долга, перед лицом роста тоталитарных течений, вступил в христианскую Партию центра, был избран депутатом в прусский ландтаг. За это нацисты, придя к власти, подвергли его временному аресту, позже за «растрату в пользу подполья» бросили его на 20 месяцев в следственную тюрьму при Гестапо, а потом отпустили под надзор с запретом заниматься политической деятельностью.

С 1937 года и до краха «Третьего рейха» он работал в Берлине в одном из строительных бюро, подчиненных государственному ведомству «генерального инспектора столичного градостроительства». В его обязанности входило, между прочим, проектировать не только капитальные здания, но и временные постройки (бараки) для строительных рабочих, что ему потом припомнили в политической борьбе против него.

После войны, по призыву старых партийных товарищей, он вступил в Христианско-демократический союз (партия Аденауэра), в 1946 году был выбран в ландтаг земли Северный Рейн и Вестфалия, а там стал местным министром сельского хозяйства. В 1953 году его выбрали в бундестаг и в том же году назначили министром сельского хозяйства ФРГ; на этом посту он заслужил всеобщее признание, даже оппозиционная партия социал-демократов неоднократно его хвалила. В 1959 году Аденауэр, не желая расставаться с постом канцлера, выдвинул Генриха Любке кандидатом в президенты республики, и он был избран.

Не обладая ни ораторским талантом, ни искусством политического маневрирования, он с изумительным тактом и предельной добросовестностью исполнял деликатные обязанности главы государства, особенно снискав себе глубокие симпатии в молодых государствах бывших колониальных народов. Его мечтой была идея «черно-белого сотрудничества», и он изъездил много африканских стран, будучи инициатором многих проектов афро-европейской экономической кооперации. Его популярность в африканских странах была так велика, что даже когда туда приезжали делегации из коммунистической ГДР, толпы на митингах преподносили им сюрприз, кричали «Да здравствует Любке!».

Во второй период его президентства, когда Аденауэр сошел со сцены, советская коммунистическая пропаганда, в своих усилиях по дискредитации ФРГ, перенесла огонь на Любке. В этом ей пришли на помощь левые группировки и беспринципно-бесцеремонные «иллюстрированные издания» в ФРГ. По собственной инициативе, или по подсказке из Москвы, журналы опубликовали чертежи, где значились те самые бараки для строительных рабочих, которые проектировал Любке и в которых якобы поселялись концлагерники, используемые на строительных работах (что было возможным, хотя и отнюдь

не обязательным). Советская пресса со смаком использовала всё это.

Сейчас, когда Любке больше нет в живых, западногерманская общественность дружно отмечает его заслуги, воздает должное его скромности. И те же мелкотравчатые щелкоперы исходят слезой и слюной, сокрушаясь о прошлом, но тем самым лишь подчеркивая всю ничтожность переметной прессы, этого мусора демократии.

И первое, о чем думается в связи с кончиной Любке, это вся та сложность общественно-политической жизни в демократических странах в нашу эпоху, когда морально-этические устои рушатся, авторитеты сокрушаются в угоду дешевым сенсациям и служение народу на самых ответственных постах для всякого честного и скромного человека становится подлинной трагедией.

А второе — это та проблема, которую с такой примитивной наглостью затронула советская пресса и которая касается сотен миллионов людей, вынужденных жить и работать в условиях тоталитарной диктатуры. Любке проектировал бараки, а в них могли поселять концлагерников; что это за обвинение? Недаром тогда в редакции газет пошли письма от рядовых немцев, вроде письма лесника, который просил судить его за то, что он вырастил дерево, из которого «могли сделать рамку для портрета Гитлера»...

Труд каждого человека почти всегда может быть использован любым антинародным режимом, и те же немецкие журналисты, из старшего поколения, могли бы порыться в собственных биографиях с этих позиций (кстати, редактор одного из западногерманских журналов, поставляющих советской пропаганде, а то и службе госбезопасности, нужные материалы, насколько известно, сам служил в аппарате нацистской пропаганды). Вопрос лишь в том, сочетается ли этот вынужденный труд с участием в освободительной борьбе против антинародного режима или сочетается с политической покорностью, а то и с прямым политическим служением ему?

Так вот, Генриха Любке нацисты бросили в тюрьму за использование государственных средств в пользу политического подполья, а многие ли из его критиков были способны на такой риск? И в нашей стране многие могли бы обвинять друг друга, что своим трудом они вольно или невольно поддерживают режим, но многие ли рискуют при этом поддерживать освободительные силы?

А. ПЕЛЬЦЕР

● ЭКОНОМИКА

Интеграция застряла

Попытка анализа Комплексной программы СЭВ

Ю. ВАСИЛЬЕВ

ПАРАДОКС ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

В мире довольно широко распространилась марксистская точка зрения о том, что так называемая капиталистическая система построена на противоречиях и борьбе. Такому, надо сказать, весьма спорному, не оправдавшему себя на практике тезису противопоставляется коммунистическая идея «пролетарского интернационализма», претендующая на объединение человечества.

Как ни удивительно, но этот тезис часто принимают за аксиому даже люди, отвергающие марксизм и практику коммунизма. И именно лозунги «пролетарского интернационализма» дают в настоящее время компартиям серьезные преимущества в борьбе за привлечение сторонников, так как задача объединения человечества стоит первым пунктом на мировой повестке дня. Понимание необходимости объединения уже прочно охватило умы, а ни одно массовое движение, кроме коммунистического, пока не претендует на универсальность и не пытается идейно возглавить объединительные тенденции.

Однако парадокс, а может быть и закономерность, — в том, что коммунистические государства интегрируются трудней, чем «капиталистические» с их правовым строем и демократическим правопорядком. В то время как в последних (возьмем для примера страны Европейского экономического сообщества), при создании соответствующих условий, процесс экономической интеграции протекает быстро, органически и в значительной степени самотеком, попытки экономически интегрировать страны советского блока в рамках Совета экономической взаимопомощи не дают результатов, так как их тендирующая к автаркии централизованная экономика мешает настоящей хозяйственной интеграции с общим рынком и разделением труда, а это, с наступлением научно-технической революции, еще больше усиливает отставание стран-членов СЭВ.

Как ни странно, коммунисты раньше обосновывали идею объединения человечества

идеологическими соображениями: борьбой за мир, солидарностью трудящихся, отмиранием национальных предрассудков в условиях победившего социализма, общностью интересов трудового народа и т. п.

Новые нотки в советской прессе появились совсем недавно. Вот как теперь комментирует мировую интеграцию журнал «Журналист» — орган Союза журналистов СССР — в номере 10 за 1971 год (комментатор Владимир Осипов):

«Экономическая интеграция, если угодно, — знамение века: ее проблемы не обходят стороной ни одного государства мира. Интеграция вырастает из международного разделения труда, а таковое в условиях научно-технической революции развивается чрезвычайно бурно. Время «натуральных», самообеспеченных государственных хозяйств, изолированных от всех прочих, миновало десятилетия назад. Специализироваться «на всем сразу» нельзя. И дело не только в том, что у подавляющего большинства стран мира нет для того полного «набора» естественных ресурсов и климатических условий, универсальных знаний и опыта во всех отраслях человеческой деятельности. Есть масса факторов, размывающих национальную замкнутость и подталкивающих интернационализацию производства и обмена. Список «товаров XX века», которые невыгодно производить только в рамках внутреннего национального рынка, велик уже и теперь, и все говорит, что он будет расти стремительно. Уже и теперь ни одна из западноевропейских держав не может позволить себе роскошь производства полной линии компьютеров или «всего семейства» авиационных машин, и они вынуждены специализироваться на отдельных типах этой продукции. Для рентабельного производства пассажирских лайнеров среднего радиуса мал становится даже весь рынок Западной Европы.

Словом, тенденция к интеграции, к созданию одного всемирного хозяйства как целого выявляется вполне отчетливо».

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЭВ

Посмотрим, как же обстоит дело с экономической интеграцией в сообществе социалистических стран?

Этой темы мы уже касались в «Посеве» № 4 за 1970 год (см. статью автора «Экономические связи коммунистических стран». — Р е д.).

Существующее уже 23 года сообщество стран-членов так называемого Совета Экономической Взаимопомощи*) не может договориться даже о создании наднациональных органов. Их экономические связи базируются на системе двусторонних соглашений и на грубой подгонке заранее составленных в каждой стране национальных планов. В СЭВ до сих пор не сумели организовать совместного прогнозирования (это в странах тотального планового хозяйства!). Очень плохо обстоит дело с международным разделением труда: страны-члены СЭВ продолжают тендировать к автаркии, так как, зная царящий у партнеров беспорядок со своевременными поставками, не решаются полностью на них полагаться.

Пока созданы лишь общий вагонный парк и два международных банка: «Международный банк экономического сотрудничества» и «Международный инвестиционный банк».

В теории, каждая страна-член СЭВ имеет право отказаться от тех совместных мероприятий, проводимых в рамках сообщества, которые ей невыгодны. На практике, Советский Союз пытается политическим давлением принудить своих партнеров к участию, а они используют все возможности, чтобы увильнуть от него. Успех этих попыток зависит от степени независимости от «старшего брата». Наиболее в этом преуспевает Румыния.

Сообщество стран-членов СЭВ иногда называют «коммунистическим общим рынком». Это неверно. Условием «общего рынка» должно быть свободное передвижение внутри него товаров и капиталов, чего нет в странах СЭВ, так как их экономика базируется на государственной монополии торговли и банковских операций. Над экономикой в странах

СЭВ довлеет бюрократический пресс, парализующий все совместные мероприятия. В результате торговать и кооперироваться между партнерами внутри такого сообщества труднее, чем между капиталистическими странами, не входящими ни в какие объединения и даже не подписавшими торговых договоров: там сделки заключаются свободно между фирмами, без участия государства.

Централизованная экономика, исключая свободную конкуренцию предприятий, не обеспечивает и другую важнейшую функцию экономического объединения — технологический импульс, в странах свободной экономики усиливающийся со снятием таможенных и других защитных барьеров.

Экономическая выгодность сообщества, организованного на таких принципах, весьма сомнительна: доля промышленной продукции стран СЭВ по отношению к мировой почти не растет, долгие годы оставаясь на уровне 31-32%; торговля, как внутренняя, так и с третьими странами, стагнирует, развитие всей экономики не стимулируется, а сильно тормозится. СЭВ фактически — не экономическое объединение, а политический инструмент руководства КПСС, с помощью которого оно пытается экономическими узами связать страны народной демократии с Советским Союзом.

ЧТО МЕШАЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ
СТРАН

Констатируя неудачные попытки экономической интеграции возглавляемого СССР блока, западные газеты обычно на передний план выдвигают такие причины субъективного характера, как борьба народов против советской гегемонии, национал-коммунистические тенденции в компартиях и т. д. Объективные причины, создающие непреодолимые трудности на пути объединения блока, остаются в тени, фигурируя лишь на страницах специальных изданий.

Основное препятствие, как ни парадоксально, — государственный строй стран-участников, тоталитарная сущность установленных в них режимов, исключаяющая гармоничное, добровольное объединение на условиях равноправия с сохранением самостоятельности и права голоса партнеров. Государства с такими режимами можно объединить только силой, создав общее централизованное управление.

*) Орган, цель которого — координировать экономические связи СССР и стран «народной демократии». Это — не наднациональная инстанция, а лишь совещание глав правительств. СЭВ создан в 1949 году. После ухода Албании и вступления Монголии, в нем состоят: СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, Румыния и Чехословакия. С 1964 года в ряде областей сотрудничает Югославия.

Можно допустить, что подобное объединение было возможно при Сталине, который, как известно, предпринял и первые шаги к его осуществлению. Об этом в 40-е и 50-е годы писалось в газетах, о том же вспоминает и Милован Джилас в своей книге «Разговоры со Сталиным»^{*)}.

Теперь радикальный сталинский вариант объединения неосуществим хотя бы по причине ослабления зависимости стран «народной демократии» от СССР, а компромиссные варианты не дают желаемых результатов, так как правящие классы стран-партнеров, боясь потерять власть, ревниво оберегают суверенитет подвластных им государств. К тому же, компромисс в виде подлинного, а не формального «демократического» объединения диктатур противен их сущности и опасен для них по своему принципу.

Еще сложнее разрешить технический аспект той же проблемы. Интеграция стран с управляемой бюрократами централизованной экономикой — это «сизифов труд». Даже осуществимость «сталинского» варианта объединения с технической точки зрения — под большим вопросом: ведь с увеличением размеров и экономической мощи государственного образования осуществление тотального, централизованного планирования значительно усложняется. А западный вариант экономической интеграции, свободно развивающийся в ходе хозяйственной деятельности независимых или частных фирм, требует возврата к свободному рыночному хозяйству, на что руководство КПСС не решается из соображений политического характера.

С некоторых пор среди коммунистических технократов приобрела популярность идея планирования с помощью электронно-вычислительных машин. Вопрос использования ЭВМ в международном планировании неоднократно обсуждался в СЭВ.

Несмотря на серьезное отставание коммунистических стран в электронной промышленности, технически это вполне осуществимо. В крайнем случае соответствующее оборудование можно приобрести за границей. Но необходимым условием правильной работы компьютеров является их программирование точной информацией. А мы знаем, как у нас, да и в других коммунистических странах, информация извращается во всех инстанциях и в каком неузнаваемом виде она поступает в

центр. Еще в худшем виде информация будет поступать в международную инстанцию, так как руководство коммунистических стран ревниво скрывает правду об экономическом положении как от врагов, так и от друзей. Можно себе представить, какую «исходную» информацию станут получать компьютеры СЭВ.

Вероятно, и сами сторонники полной интеграции в руководстве КПСС и их последователи в странах «народной демократии» боятся централизованного планирования и в душе рады, что к нему пока не удастся приступить на уровне СЭВ, так как не могут не понимать, какую дику дезорганизацию всей экономики стран-членов сообщества будут вызывать ошибки в планировании, которых не может не быть при таком громоздком экономическом организме.

ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА ИНТЕГРАЦИИ

23-26 апреля 1969 года в Москве состоялась XXIII (специальная) сессия СЭВ. Согласно официальному коммюнике, сессия «поставила задачи социалистической интеграции», «выработала конкретную программу на длительный срок» и с этой целью приняла решение о разработке *«комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ»*. Такова официальная версия.

В действительности, о чем свидетельствуют и статьи в органах стран-членов СЭВ, центристы на этой сессии потерпели поражение по вопросу создания наднациональных органов сообщества. Была принята компромиссная резолюция.

Делегации стран «народной демократии», блокируя централистские решения, руководствовались различными соображениями.

Венгры боялись, что интеграция помешает осуществлению их (самой либеральной в советском блоке) экономической реформы, на которую они возлагали большие (в значительной мере оправдавшиеся сегодня) надежды.

Из тех же соображений исходило руководство Чехословакии, в котором тогда еще сохраняли позиции сторонники Дубчека.

Руководство румынской компартии, во внутренней политике проводившее консервативный курс, руководствовалось националистическими соображениями.

^{*)} Издательство «Посев», Франкфурт-на Майне, 1971 г. Русский перевод.

Догматическое возглавление ГДР не спешило поддерживать интеграцию, боясь потерять самый высокий в коммунистических странах жизненный стандарт населения и исключительно выгодные торговые связи со странами Европейского экономического сообщества в рамках старого соглашения о так называемой «межзональной торговле», делающего Восточную Германию неофициальным членом западноевропейского «Общего рынка», в который входит ФРГ*).

Польские коммунисты в вопросе интеграции заколебались. Гомулка сначала публично высказался за интеграцию, потом переменил свою точку зрения, уступая двум борющимся за власть в руководстве ПОРП фракциям — «партизанам» Мочара, подобно румынам, стоявшим на позициях национализма, и «либералам» Герека, придерживавшимся венгерской точки зрения.

Однако сессия, отвергнув советское предложение, не смогла выдвинуть собственных контрпредложений и не приняла предложения «либералов» о создании единой обменной валюты и об обмене ее на твердую западную валюту с целью ликвидации задолженности одних стран сообщества другим.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ БАНК

12-14 мая 1970 года в Варшаве состоялась XXIV сессия СЭВ, одобряющая проект создания в рамках СЭВ «Международного инвестиционного банка». 10 июля того же года страны-члены СЭВ подписали соответствующее соглашение.

В проекте основная задача банка сформулирована так: *«предоставление кредитов на осуществление мероприятий, связанных с международным социалистическим разделением труда, специализацией и кооперированием производства, затратами на расширение в совместных интересах сырьевой и топливной базы, со строительством в других отраслях экономики объектов, представляющих взаимный интерес для развития национальных экономик стран-членов банка, а также на строительство объектов для развития на-*

циональных экономик стран и на другие цели, устанавливаемые советом банка и соответствующие его задачам».

Два пункта устава нового кредитного учреждения привлекли особое внимание западных наблюдателей.

1. В то время как в других органах СЭВ решения принимаются только единогласно, в совете банка по ряду вопросов допускается их принятие большинством в 3/4 голосов. На Западе это новшество воспринято как попытка СССР протащить через черный ход принцип, ограничивающий суверенитет стран-членов СЭВ и позволяющий, в опоре на большинство, принуждать к повиновению непокорных партнеров.

2. Треть основного капитала банка, составляемого из взносов его членов, должна быть внесена твердой, свободно обмениваемой (то есть западной) валютой или золотом. Некоторые рассматривают это как уступку сторонникам либерализации экономики, настаивающим на праве обмена «переводного рубля» (с помощью которого осуществляются расчеты между странами-членами СЭВ) на твердую западную валюту.

Но имеется и другое объяснение этому мероприятию. Дело в том, что теперь ни одно мало-мальски значительное строительство в СССР и странах народной демократии не может обойтись без участия западных фирм. Они поставляют трубы для газопроводов и нефтепроводов, строят автозаводы и химические предприятия, продают социалистическим странам всевозможное оборудование, монтируют его и помогают наладить технологию производства. А так как платить за все это им приходится твердой валютой, то без нее новый банк не смог бы поднять ни одного проекта.

«КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА»

27-29 июля прошлого года в Бухаресте состоялась XXV сессия СЭВ, принявшая, наконец, «Комплексную программу» — с длинным и неуклюжим подзаголовком (приведен выше). В начале августа Комплексную программу опубликовали центральные газеты стран-членов СЭВ (в частности, «Правда» от 7. 8. 71 г., где этот чудовищный по размерам документ занимает 9/10 двойного номера — семь с половиной полос!).

Комплексная программа написана обычным шаблонным, тяжелым коммунистическим стилем, поражает своим многословием и изобилует пропагандными заклинаниями, кото-

*) Соглашение между Восточной и Западной Германиями о «межзональной торговле» позволяет ГДР, через посредство западногерманских фирм, продавать свои товары без пошлины в странах «Общего рынка». Чтобы представить себе размеры этой выгодной для ГДР операции, надо учесть, что оборот «межзональной торговли» в 1971 году достиг суммы 5,2 млрд. западногерманских марок.

рые совсем не к месту в деловом документе. Однако при внимательном чтении можно заметить, что она неплохо отражает экономическое положение и отношения между государствами советского блока, дает достаточно ясную картину разногласий и трудностей в СЭВ.

Из программы видно, что руководству КПСС пришлось пойти на большие уступки и, в частности, удовлетворить румынские требования.

Открывается дверь к участию в мероприятиях СЭВ всем государствам, готовым принять условия и цели, изложенные в Комплексной программе. Напомним, что румыны требовали принять в СЭВ КНР, Албанию, Югославию и другие коммунистические государства, надеясь их приемом уравновесить гегемонное положение СССР.

Интеграция в рамках сообщества не будет сопровождаться созданием наднациональных органов, ограничивающих суверенитет стран-членов. Все решения и в дальнейшем будут приниматься единогласно.

За каждым государством-членом СЭВ закрепляется право не участвовать в тех совместных мероприятиях, которые оно считает невыгодными для себя. Это условие сформулировано так, что одновременно позволяет Советскому Союзу избежать блокирования этих совместных мероприятий одной из стран-членов СЭВ, не желающей в них участвовать.

В программе неоднократно повторяется тезис о том, что мероприятия сообщества будут осуществляться с учетом цели постоянного сближения и выравнивания различных уровней экономического развития стран-членов СЭВ. Этой теме посвящен также и целый раздел.

Здесь опять реверанс в сторону Румынии, отвергавшей раньше интеграцию под тем предлогом, что связанное с ней «международное социалистическое разделение труда» превратит ее, как наиболее экономически отставшую от других стран-членов СЭВ, в вечного поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции более сильным в промышленном отношении партнерам.

В программе обращают на себя внимание две установки, звучащие как попытка преодолеть порочность сложившихся между странами СЭВ отношений и в своей совокупности выглядящие как двойной компромисс между «централистской» и «либеральной» тенденциями.

В отношении сильно хромающей координации народно-хозяйственных планов договорились, что она «как правило, будет завершаться до представления на утверждение компетентным органам стран пятилетних планов». Хотя оговорка «как правило» лишает договоренность ее обязательности, это можно считать уступкой сторонникам централизации.

По внешней торговле принято решение в духе сторонников либерализации экономики (в частности, в духе венгерской экономической реформы), которое во внешней торговле в какой-то степени приоткрывает путь свободной инициативе торговых организаций. В торговых соглашениях товары будут впредь дифференцироваться по трем группам: товары, на которые устанавливаются твердые количественные контингенты, товары, на которые устанавливаются лишь контингенты в стоимостном выражении, и товары, на которые контингенты не устанавливаются. Последняя группа, к сожалению, самая незначительная.

Обе установки могли бы дать некоторый положительный результат, если бы их последовательно проводили. Но их ограниченный, компромиссный характер лишает надежды на заметный эффект, так как на фоне полного объема хозяйственных отношений они — капля в море.

Что же касается совместного планирования на уровне СЭВ, о котором было столько разговоров, то тут его сторонники потерпели фиаско.

Принято формальное, не обязывающее решение о возможности совместного планирования двумя или несколькими «заинтересованными» странами из числа членов СЭВ, но и оно — с двумя серьезными оговорками, почти сводящими его на нет:

«При совместном планировании сохраняется самостоятельный характер внутреннего планирования. Совместное планирование осуществляется в условиях сохранения национальной собственности на соответствующие производственные мощности и ресурсы».

«Страны-члены СЭВ будут осуществлять на первом этапе совместное планирование по небольшому количеству отраслей и видов производств и по мере накопления опыта в области совместного планирования в дальнейшем постепенно его расширять».

В перемешку с пропагандистской шелухой документ содержит и довольно широкую программу сотрудничества во всех областях

экономики (внешней торговле, валютно-финансовой политике, промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и научно-технических исследованиях). Однако все конкретные предложения сформулированы в такой необязательной форме и с такими оговорками, что, с одной стороны, показывают, с каким трудом они приняты и насколько формален характер их принятия, а с другой стороны, вызывают сомнения в успешности их осуществления на практике.

Но договоры между коммунистическими странами всегда имели формально-пропагандный характер, и поэтому по ним нельзя объективно судить, как сотрудничество протекает в действительности. Точные прогнозы тут возможны только после того, как приступят к реализации Комплексной программы.

ПЕРЕВОДНОЙ РУБЛЬ

Очень важен раздел Комплексной программы, посвященный валютно-финансовым отношениям. К сожалению, и здесь решения сформулированы в форме благих пожеланий, что сильно снижает их ценность.

Большие надежды могли бы вызвать принципиальные решения о дальнейшем развитии торгово-финансовых связей между странами-членами СЭВ на базе рыночных отношений. В первую очередь — заявление о желательности введения принципа свободной обратимости для коллективной валюты сообщества (переводного рубля) и национальных валют стран-членов СЭВ, установления их единого твердого курса. Однако это лишь пожелание на далекое будущее (к этому должны постепенно приступить не позднее 1980 года, причем, судя по оговоркам, только в рамках сообщества стран-членов СЭВ). Как подобные обещания у нас выполняются, мы хорошо знаем.

Условием выполнения вышеуказанного пожелания, согласно программе, является «создание необходимых экономических предпосылок и в первую очередь устойчивый внешнеторговый оборот и накопление товарных и валютных резервов».

В переводе на общепонятный язык это значит, что свободный обмен денег в настоящее время невозможен, потому что переводной рубль и национальные валюты стран-членов

СЭВ обесценены*), необходима их предварительная стабилизация обеспечением устойчивого внешнеторгового оборота, накоплением товарных и валютных резервов. Необходимой предпосылкой к этому является здоровая экономика, чего коммунистам никогда, ни в одном государстве не удавалось достигнуть**).

Но даже если поставленные условия будут когда-нибудь выполнены, это еще совсем не значит, что откроется заманчивая для советского гражданина возможность обмена рублей на иностранную валюту. В Комплексной программе речь идет об обмене валюты при межгосударственных торговых расчетах, а не об обмене ее частными лицами. В коммунистических странах существует закон, запрещающий провоз денег через границу; он издан не столько из экономических соображений, сколько из соображений политического характера, и поэтому власти не решатся его отменить.

Не менее важную роль могло бы сыграть проведение в жизнь пожелания о совершенствовании системы расчетов с целью осуществления многосторонних операций в переводных рублях.

Теперешняя система расчетов — самое больное место в торговых отношениях стран-членов СЭВ, связанное с пороками централизованной экономики, тотального планирования и коммунистической политики цен.

Если какая-то страна-член СЭВ, преуспевая в экспорте, продает в другую страну СЭВ товаров на сумму большую, чем этот ее торговый партнер в состоянии ей продать своих товаров, то у нее на счету в «Международном банке экономического сотрудничества» скапливается сумма в переводных рублях, которую она не в состоянии реализовать, так как не может истратить эту сумму в третьей стране содружества. Такие уродливые торговые отношения создают ситуацию, когда странам-членам СЭВ выгодно иметь дефициты во внешней торговле, так как за счет этих дефицитов они могут финансировать свое народное хозяйство. Например, Польша имеет на счетах в Банке экономического сотрудни-

*) Стоимостью переводного рубля страны-члены СЭВ договорились считать золотое содержание советского рубля, соответствующее 0,987 412 грамма чистого золота. Покупная способность переводного рубля примерно в два раза ниже.

**) В качестве исключения, хотя и с некоторыми оговорками, можно привести пример Югославии, однако в Югославии переняты основные элементы свободной некоммунистической экономики.

чества 55 миллионов переводных рублей, на которые она в странах СЭВ не может купить нужных ей товаров или они ей предлагаются по невыгодным ценам.

Самый крупный должник в СЭВ — Советский Союз. В 1968 году (во время «чехословацкой весны») в чехословацкую печать попала официальная информация о том, что только Чехословакии Советский Союз задолжал сотни миллионов рублей. Большую часть этих долгов можно считать пропавшими.

В Комплексной программе зафиксирован принцип финансовой ответственности за невыполнение странами обязательств и возможность принятия против них согласованных санкций, но совсем не указаны способы проведения этого принципа в жизнь.

В СЭВ данный вопрос обсуждается уже долгие годы, но дальше разговоров дело не идет, так как в теперешнем положении эксперты сообщества не видят выхода.

Логически, надо было бы дать возможность истратить скопившиеся на счетах Банка экономического сотрудничества суммы в тех странах СЭВ, которые имеют излишки товаров. Соответствующая договоренность давно достигнута. Но на практике это не получается, так как ни у кого из членов СЭВ нет излишков, а если есть, то только такие товары, которые другим не нужны. Все страны-члены СЭВ связаны планами и долгосрочными торговыми обязательствами, к тому же в блоке царит товарный голод на самые дефицитные товары.

Неоднократно в СЭВ выдвигалось предложение (в частности поляками) обязать неисправимых должников постепенно выплачивать долги в твердой (капиталистической) валюте, чтобы дать возможность странам-кредиторам закупить необходимые им товары на Западе. Так, польская центральная газета «Жице Варшавы» в свое время писала: «Хотя мы имеем на нашем счету (в Банке экономического сотрудничества. — Ред.) миллионы, мы лишены необходимых нам товаров, которые могли бы купить в других местах, если бы переводной рубль обменивался на золото».

Однако практически такой план тоже неосуществим из-за хронической нехватки в странах СЭВ твердой валюты, так как их торговля с капиталистическими странами тоже плохо сбалансирована. Они задолжали и там, а в последнее время еще и набрали долгосрочных кредитов, которые приходится выплачивать в срок, да еще и с процентами.

Непреодолимым препятствием экономической интеграции вообще и многосторонним торговым расчетам в частности является система «волевого» назначения цен каждой страной в отдельности без учета стоимости производства и свободнообразующихся на международном рынке цен и заработной платы.

В результате возникают дикие несоответствия. Так, например, в то время как в ФРГ национальный доход на душу населения в 1967 году составлял 6 040 западногерманских марок, этот доход в Польше якобы достиг (при пересчете по официальному курсу) суммы в 19 тысяч марок — то есть на бумаге оказался в три раза выше, чем у такого промышленного гиганта, как Западная Германия. Что это не может соответствовать действительности — показывает практика и понимает каждый ребенок.

Следствием путаницы в ценах является и то, что, например, Венгрии приходится платить за советскую нефть в четыре раза дороже цен, назначаемых итальянскими нефтяными компаниями. И тут дело далеко не только в том, что Советский Союз, используя зависимое положение стран «народной демократии», навязывает им монополистские цены. Четырехкратной наценки венгерская экономика просто не смогла бы вынести, если бы Советский Союз, в свою очередь, не покупал какие-то венгерские товары по ценам выше международных или не предоставлял ей других каких-то льгот. Но по этой причине Венгрия не в состоянии истратить излишек переводных рублей, получаемый от торговли с СССР, в других странах СЭВ, так как эти деньги там будут иметь совсем другую цену.

Подобная практика делает невозможными многосторонние торговые расчеты, парализуя внешнюю торговлю стран СЭВ.

Комплексная программа касается вопроса «постепенного» выравнивания в рамках СЭВ внутренних цен, но опять-таки формулирует данную задачу расплывчато, в виде пожеланий на далекое будущее. Это совсем не случайно. Выравнивать цены восьми государств на бесчисленное множество товаров не легче, чем осуществлять централизованное планирование в международном масштабе. Варшавский еженедельник «Политика» квалифицирует эту задачу тоже как «сизифов труд».

Получается замкнутый круг, из которого в рамках существующей коммунистической системы нет выхода.

МЕРЫ ПО РАСШИРЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА

Глава III Комплексной программы посвящена вопросам сотрудничества в разных отраслях экономики (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, водное хозяйство), что по замыслу составителей должно вывести из тупика экономику советского блока.

Здесь ясно видна тенденция совместной разработкой природных богатств сообщества покрыть дефициты, создаваемые неумелым хозяйничаньем. Недостающие материальные ценности и валюту хотят добыть тотальной выкачкой всех имеющихся естественных ресурсов. Говорится о совместном финансировании, строительстве и эксплуатации добывающих сырье и топливо и перерабатывающих предприятий. Но конкретно названы две страны, на которые возлагаются надежды и где предполагается начать соответствующее строительство: Монголия и СССР.

В отношении Монголии это можно считать нормальным и для нее даже весьма выгодным. Монголия — бедная, слаборазвитая, малонаселенная, почти безлюдная страна. Сама, без посторонней помощи, она никогда не сможет разработать свои природные ресурсы.

Иное дело Советский Союз — великая держава, ведущая сила и самое мощное индустриальное государство в СЭВ. Его включение в список слаборазвитых, нуждающихся в помощи стран-партнеров — признак банкротства национальной экономики. К тому же интенсификация разработки природных богатств создает еще опасность их преждевременного истощения.

Правда, на Западе некоторые специалисты считают, что Советский Союз навязет странам «народной демократии» невыгодные условия и присвоит себе всю выгоду от сотрудничества. Вспоминают смешанные общества, созданные при Сталине в оккупированных Советской армией странах и ставшие инструментом их беззастенчивого ограбления.

Однако формулировки Комплексной программы указывают на то, что теперь страны «народной демократии» сумели обеспечить себе позиции для защиты собственных интересов, а потому возврат к сталинской практике невозможен. Достигнутый компромисс скорее будет способствовать дальнейшему усилению «взаимневыгодности» сотрудничества (см. статью С. Кирсанова «Обоюдоневыгодная социалистическая торговля» в «Посеве»

№ 10 за 1969 г. и статью Ю. Васильева «Экономические связи коммунистических стран» в «Посеве» № 14 за 1970 г. — Р е д.).

Комплексная программа пытается решать также вопросы научно-технического сотрудничества и обмена научно-технической информацией, в некоторых пунктах перекликаясь с известным по Самиздату письмом Брежневу, Косыгину и Подгорному от 19. 3. 1970 г., подписанным академиком А. Д. Сахаровым, физиком В. Ф. Турчиным и историком Р. А. Медведевым.

Однако путь, предлагаемый авторами Комплексной программы, — яркий пример того, как в условиях несвободного общества такие идеи примитивизируются и выхолащиваются бюрократами.

Сахаров и его соратники берут проблему под корень, разбирают во всей широте и предлагают универсальное решение в мировом масштабе, представляя широкий обмен информацией как органический, всеобщий процесс демократизации общества. Бюрократы-эксперты из СЭВ берут лишь одну узкую, второстепенную ее часть, — обмен технической информацией, — и пытаются разрешить ее чисто формально и только в рамках советского блока, в централизованном порядке: обменом документацией, стажировками специалистов, созданием совместных научно-исследовательских и конструкторских учреждений.

Такой обмен может дать очень мало и запутается в бюрократических дебрях.

✱

Объединение мира в наш век — насущная необходимость. Разобщенность человечества тормозит научно-технический прогресс, мешает разрешению общемировых проблем первостепенной важности, связанных с перенаселением Земли, засорением окружающей человека среды, супериндустриализацией.

Процесс объединения сложен и в условиях свободного правового общества. Тоталитарные же коммунистические режимы, как мы видим, создают ему непреодолимые искусственные барьеры, ставя под угрозу дальнейшую судьбу человечества.

Идея «пролетарского интернационализма» на практике превратилась в свою противоположность: централистская экономика коммунистических государств способствует превращению их в оплоты эгоистического национал-шовинизма.

● ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Логические следствия социализма — специфические (и неспецифические) механизмы власти

Из серии «Социализм и диктатура. Причина и следствие»

А. ФЕДОСЕЕВ

Публикуем очередную, седьмую статью А. Федосеева. Первая статья — «О прекрасных идеях социализма. Об умелых и неумелых руководителях» — напечатана в «Посеве» № 12 за 1971 год. Вторая — «О конкуренции, методах оплаты, рыночных отношениях и ценах при социализме» — в «Посеве» № 1. Третья — «Консерватизм и реакционность — естественные свойства социализма» — в «Посеве» № 2. Четвертая — «Великий эксперимент» — в «Посеве» № 3. Пятая — «Образование, здравоохранение, наука и техника» — в «Посеве» № 4. Шестая — «Равенство, свобода от эксплуатации, право на труд» — в «Посеве» № 5.

А. П. Федосеев — с 1943 года до выезда из СССР (май 1971 года): главный конструктор и научный руководитель около двух десятков работ по электронной военной технике (генераторные лампы, модуляторные лампы и, особенно, генераторные и усилительные магнетроны), начальник лаборатории сначала НИИЭТ, затем — НИИЭП. Во многих городах по всему СССР работают его воспитанники. Старший научный сотрудник. Доктор технических наук. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени и двух орденов Ленина. Лауреат Ленинской премии (за изобретение и разработку сверхмощных магнетронов). Заслуженный деятель науки и техники (октябрь 1970 года). Герой Социалистического Труда (апрель 1971 года). — Р е д.

ВОЖДЬ. КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ. АВТОРИТАРНОСТЬ

Социализм, централизованное государственное планирование, как я уже говорил, противоречат естественным законам общества и законам поведения людей, это общество составляющих. Поэтому социализм нуждается в дополнительных средствах для управления.

Действительно, человека совсем не нужно убеждать в том, что он должен есть для того, чтобы не умереть. Как правило, его не нужно убеждать и в том, что он должен работать, производить пищу, чтобы потом есть. Однако его усиленно надо убеждать, что он не должен заводить себе хозяйства для того, чтобы прокормить себя и близких. Его надо усиленно убеждать, что лучше, чтобы несобранные рожь, пшеница, подсолнечник, овощи и т. д. гибли на общественных полях, чем чтобы он их использовал для себя. Его усиленно надо убеждать, что любое разумное действие можно предпринимать лишь после того, как оно получит одобрение центральной власти и будет включено в план, в то время как желательность этого разумного действия даже не доходит до рассмотрения властью.

Поэтому социализм требует весьма длительной и трудоемкой идеологической обра-

ботки людей, чтобы они действовали против самих же идеалов социализма так, как будто они действуют во имя них. Естественно, что не каждый функционер власти способен на такую силу убеждения. Ему нужна высокая поддержка: «Я-то что? Я человек маленький. Я не могу всего объяснить и всех убедить. Но вот есть человек — вождь. Он все это может. Наличие такого вождя, авторитета выполняет функцию объяснения необъяснимого. Таким образом, вожди, авторитеты необходимы при социализме и для народа, чтобы его убедить в целесообразности нецелесообразного, и для всего разветвленного аппарата власти и аппарата идеологической обработки. Потребность в таком авторитете чрезвычайно велика, и люди единодушны в его создании. Вожди не замедляют появляться.

Читателю понятно, что эти вожди совсем не обязательно воплощают в себе всю мудрость социализма. Совсем даже наоборот, при близком рассмотрении они могут оказаться ничтожными людьми. Для аппарата власти ничтожество авторитета, ничтожество вождя не помеха, а, пожалуй, если не считать трудных переломных моментов, даже наоборот. Просто-напросто вождь — это материализовавшаяся идеология, бог, одно упоминание которого приводит к убеждению самых упорных правдоискателей. Таким образом, чем более неестественна система, тем больше

она нуждается в вождях. Причем эту необходимость чувствуют все: народ, аппарат власти, аппарат идеологической обработки и сами вожди. Они пыжаты, они чувствуют важность их собственной персоны, и они, конечно, стараются создать между собой и людьми каменную стену неприступности. И в этом, как ни странно, их поддерживают все — сверху донизу.

Но это тоже опасно. Не все вожди одинаковы. Возможна неоднозначность линии. А это означает в конечном итоге раскол народа и невозможность им управлять. Поэтому такая система совершенно неизбежно стремится к состоянию, в котором имеется лишь один вождь с уже совершенно непререкаемым авторитетом. Читатель, конечно, понимает, что такой вождь обязательно найдется и ему для этого не надо быть гениальным. Читателю, конечно, ясно, что социализм по этим же причинам совершенно не может допустить многопартийности. Конечно, могут быть разные мелкие партии по названию, но не по действиям. Они должны подчиняться одной линии и одному авторитету — одному вождю, одному «богу». Естественное развитие этой ситуации — превращение государственной идеологии в религию. Государства, вся жизнь которых зависит от власти, а не от естественных законов человеческого поведения, обязательно проходят этот путь.

Легко видеть, как в СССР неизменно и настойчиво стремление к культу вождя, культу личности. Для социализма это совершенно неизбежно, к каким бы последствиям это ни приводило.

УПРАВЛЯЮЩАЯ КАСТА

Выше уже говорилось о социальном отборе в аппарат управления далеко не лучших людей. Поскольку управление происходит по законам власти, а не по естественным законам поведения людей, то, скажем, настоящие инженеры или ученые для этого аппарата абсолютно непригодны. Они склонны к целесообразности, к анализу, к аргументам, а это, в данном случае, абсолютно противопоказано. Конечно, это не означает, что можно без них вообще обойтись: человеческое общество — сложная машина. Однако их можно использовать только на ролях советников, если они, конечно, не беспринципны и не подлецы. В последнем случае, их тоже можно принять в компанию. Как легко понять, порядочные

люди просто не могут работать в социалистическом аппарате власти. Они туда, как правило, и не идут, не прельщаясь никакими благами.

Что нужно, чтобы аппарат власти работал? Нужно, чтобы там были люди в соответствии с уже известными читателю критериями. Для этого нужно много кандидатов и отбор. Поэтому блага, предоставляемые важнейшим работникам аппарата власти, как уже говорилось, исключительны. Каждый, попав в аппарат, старается держаться за свое место руками и зубами.

Далее очень важно, чтобы этот аппарат не слишком подвергался разлагающему воздействию масс, а то, чего доброго, заведутся и в нем революционеры. Конечно, если на это появятся первые намеки, то еще до того, как случится непоправимое, такого работника устраняют, иногда даже физически ликвидируют.

Поэтому в последнее время (опасность «разложения» увеличивается) появились негласные, но настойчивые указания членам аппарата власти даже на сравнительно низких ступенях держаться подальше от людей. Конечно, за исключением рабочих часов. В связи с этим приятельские отношения, дружба и просто знакомства с людьми вне аппарата власти не одобряются. Новые члены аппарата немедленно изолируются от общества, включаясь в жизнь касты. Членам аппарата дают квартиры в отдельных специальных домах, а чинам покрупнее — особняки за высокими заборами. Такие встречаешь часто в Москве на многих фешенебельных улицах и в лучших районах. Для них создаются отдельные дачные местности, дачи, дома отдыха, санатории. Они всегда путешествуют в отдельных купе или каютах и либо в специальных самолетах, или в специальных для них отделениях. Обособляют и их детей, которые ходят в специальные школы. В них воспитывается презрение к среднему человеку, но внушается необходимость скрывать это презрение, прикрываясь равенством и братством. Таким образом, по вполне понятным причинам, образовалась каста аппарата управления, отделенная от общества. Входят в неё люди начиная с директора крупного предприятия и секретаря райкома КПСС. Эта каста очень ревниво оберегается от проникновения в неё со стороны, ибо в условиях социализма это проникновение могло бы привести к параличу аппарата власти.

Чем больше насилия над обществом, тем отборнее и тем изолированнее должна быть управляющая каста.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Физическую и духовную энергию общества можно сравнить с энергией реки. Как и энергия (многоводность) рек, энергия общества имеет свои сезонные максимумы и минимумы и долголетние периоды. Эта энергия может быть в основной части израсходована на полезные для самого общества дела (река полезно вращает турбины). Однако, как и в случае рек, вся общественная энергия не может быть всегда разумно использована из-за ее непостоянства. На гидростанциях для этого существуют на плотинах сбросы воды, которая не может быть использована в турбинах. И посмотрите, что делает эта неиспользованная энергия? С какой бешеной силой, с каким шумом и грохотом, как живописно низвергаются с плотин эти массы неиспользованной воды.

Использованная вода тихо вращает турбины и ничего опасного не делает, хотя именно она и составляет основную массу потока. Грозные же водопады неиспользованной воды дробят основание плотин, размывают их и могут даже разрушить гидростанцию. Для того чтобы рассеять эту опасную энергию, поверхность плотины со стороны водопада сделана так, что водопад в конце своего пути подбрасывается вверх и вперед, чтобы обрушиться не на основание плотины, а на поверхность воды в нижнем бьефе. Чем эффективнее средства рассеяния этой излишней энергии, тем надежнее работает гидростанция.

Общество, энергия которого недостаточно используется, находится в большой опасности. Человек не может жить нормально, если не имеет возможности полезно для себя и для других использовать свою энергию. Пожалуй, одним из возможных определений счастья для человека будет: наличие энергии (чем больше, тем лучше) и затрата ее на полезные (по мнению человека) действия в достаточном для приятной физической и духовной усталости количестве. Я прошу читателя не думать, что я хочу все многообразие счастья свести только к этому. Это лишь одно, но очень важное условие.

Неиспользованная правильно энергия — как отдельного человека, так и общества — обязательно будет растратчена, но на любые

подвернувшиеся, часто бессмысленные и, как правило, опасные для самого общества действия. Так, физически энергичные люди, если они не знают, как полезно использовать свою энергию, пускаются в самые опасные авантюры, часто напрасно рискуют своей жизнью. Они становятся автомобильными гонщиками, летчиками-испытателями, вербуются наемниками в иностранный легион. Не будь у этих людей избытка энергии, они никуда бы не стремились. С другой стороны, без энергии не было бы вообще движения. Энергия — необходимое, но, конечно, недостаточное условие прогресса.

В социалистическом государстве проблема канализирования энергии значительно сложнее. Сама система исключает личную инициативу и самодеятельность, так что совокупность неизрасходованной полезно энергии становится для государства опасной. Поэтому социалистическое государство и его управители под давлением обстоятельств (интуитивно, а, может быть, и сознательно) изобрели и используют целую систему регулирования энергии общества.

Прежде всего, сама неэффективность социалистического хозяйства является «прекрасным» средством рассеивания по ветру (без опасных последствий) значительной части этой энергии. Недостаток услуг, пищи, комфорта, техники тоже уменьшают производство общественной энергии. В США, например, технический и научный прогресс привели к непрерывному производству огромных количеств общественной энергии, так как люди живут лучше и тратят на жизненные нужды меньше энергии. Эти огромные количества неиспользуемой энергии выливаются в преступность, побоища, вооруженные столкновения, в борьбу взглядов с применением силы и т. д.

Американское государство не успевает справляться с созданием средств для правильного использования избытков энергии общества. Но такое количество свободной энергии (как в США) взорвало бы советский социализм в течение одного года.

В сущности, наша эпоха характеризуется не столько космосом, вычислительными машинами, ядерной энергией, загрязнением природы и так далее, как колоссальным высвобождением человеческой энергии, которую общество еще не сумело использовать. И именно в этом заключена основная опасность для общества, а отнюдь не в более легко разрешимых вопросах природы, пищи и т. д.

Таким образом, в СССР не спешат с этим высвобождением и производством энергии общества. Бездонная яма военной промышленности, науки и техники — следующее важнейшее средство направления энергии на «полезное» дело.

Гражданская подготовка к войне, мифические внешние угрозы создают еще одну обширную область, где может растрачиваться общественная энергия. Эта подготовка к войне включает в себя бесконечные военные учения для гражданского населения и постоянные мероприятия по подъему военного патриотизма, как то: «походы по следам отцов» и «военные», а не обычные, лагеря для молодежи. Той же цели подъема патриотизма служат кинокартины, газетные статьи, радио- и телевизионные передачи и постановки, театральные представления, романы, стихи, воспевающие военную доблесть, патриотизм и т. д. Сама война тоже не исключается. Как к весьма радикальному, но несколько слишком сильному средству, к ней, естественно, приходится прибегать осторожно.

Рассеиванию излишней энергии должны служить также спорт, национальная и словесная вражда (доносы, клеветы), многочисленные собрания, митинги, общественные суды, массовые походы на сельскохозяйственные работы.

Система не гнушается и «обезьяньей» работой. Крайне распространенная повсеместно процедура: каждый следующий работник портит то, что сделал предыдущий. Так, штукатуры бьют стекла и пачкают покрашенные рамы окон и дверей. Электрики — портят штукатурку, пробивая в ней дыры и каналы. Затем вступают в дело проектировщики, заставляя ломать и перестраивать стены и т. д. и т. д. Поскольку это явление массовое, и не только в строительстве, то тут можно «гробить» сколько угодно общественной энергии.

Система общественных услуг устроена так, чтобы использовать максимум энергии обслуживаемого. Ассортимент имеющихся в распоряжении способов настолько велик, что его невозможно привести. Той же цели служат так называемые «законы», которые дают возможность упрятать самых беспокойных в бесчисленные трудовые концлагеря.

Следует отметить, что одна из очень важных причин отсутствия крупных студенческих волнений в СССР — так называемая «перегрузка времени студентов» обязательными занятиями и всякими внеучебными мероприятиями. Поэтому студентам ни на что дру-

гое не хватает ни времени, ни энергии. Бессмысленность значительной части занятий и мероприятий в последнее время становится ясной, но устранять их не торопятся.

Любопытно, что действия правительств многих капиталистических стран направлены не в сторону использования излишней энергии студентов (да и школьников), а эффективно в сторону еще большего ее высвобождения. Читателю понятно, что в СССР предпочитают разделяться с излишней энергией студентов и безработных таким негуманным, неприятным и неразумным способом, потому что это проще и доступнее.

В СССР нет пособий по безработице (т. е. якобы нет самой безработицы), так что и безработный быстро тратит свою энергию на подыскание хоть какой-либо работы. Если же он этого не сделает сам, то милиция ему предложит (в добровольно-принудительном порядке) такую работу, от которой все отказываются, что поставит его в трудные условия.

Эта система растраты общественной энергии в СССР очень эффективна и приводит к балансу даже более приемлемому, чем почти во всех капиталистических странах. Конечно, дело кончится тем, что бессмысленность всех этих мероприятий дойдет до сознания людей и они будут избегать их, стараясь использовать остаток энергии против государства.

ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО, ВОЗВЕДЕННОЕ В РАНГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Изучение истории и современной жизни СССР для зарубежных исследователей представляет собой исключительно трудную, если вообще выполнимую задачу. Конечно, по имеющимся в распоряжении данным, можно составить какое-то более или менее логическое представление, но шансы на соответствие этого представления истине весьма малы. Больше того, такие исследования трудно делать даже человеку, находящемуся в СССР. Буквально вся статистика, все записи, все документы, все материальные носители информации о происходящем в стране (на всех уровнях и во всех отраслях ее жизни) находятся в руках государства. Управители превосходно понимают колоссальное значение этой информации, мощь ее воздействия на человека и никого, кроме специальных, обремененных доверием лиц, к ней не подпускают.

Собирать любую информацию можно лишь по специальному разрешению, которое могут

дать только проверенному и надежному человеку. Всякий же, кто попытается, скажем, спрашивать людей для выяснения их мнения по каким-то вопросам или их положению, попадет сначала в милицию, а затем и в КГБ, где ему грозят большие неприятности, даже если он занялся опросом без «злого умысла» — по глупости. Право опроса дают лишь в качестве исключения надежным сотрудникам газет или научно-исследовательских институтов для вполне определенной, полезной для управителей, цели. Даже собиратели, скажем, фольклора не остаются без внимания и проверки КГБ.

Сбор «отрицательной» информации не поощряется управителями вообще, даже если бы это делалось проверенными лицами. Лучше обходиться вообще без информации, чем иметь опасную информацию, которую какой-либо злоумышленник сможет использовать против государства.

Загс, милиция, домоуправления, редакции газет и другие учреждения, которые по своему назначению — первичные сборщики информации, знают, что все полученные ими сведения секретны, а допущенный к ним человек — доверенное лицо государства, отвечающее за их неразглашение по гласным и негласным законам.

Такая система привела к любопытному явлению. Наученное горьким опытом (собственным или чужим) население само старается держаться подальше от этой опасной информации и относится с чрезвычайным подозрением ко всем ее собирающим, кроме уже названных государственных учреждений. Что же касается ассортимента и выпуска товаров и всех других количественных и качественных показателей любого промышленного предприятия, то это — совершенно секретная информация, находящаяся под неусыпным контролем представителей КГБ в виде спецотдела. Таким образом, уже у самих источников первичная информация проходит через определенное государственное сито. Уже в самом начале эта информация приобретает ясно выраженный благоприятный для государства вид.

За десятки лет существования система настолько отработалась, что люди сверху до низу безошибочно определяют, какая информация должна жить, а какая должна немедленно уничтожаться или находиться под еще более строгим контролем. Поэтому всё, что попадает в книги, журналы, архивы, печать, радио и телевидение всегда благоприятно для

власти. Иногда лишь, сознательно, для поддержания вида объективности и поддержания хотя бы некоторого интереса у населения, допускается строго дозированная, в сущности безобидная, отрицательная информация. Конечно, кое-что объективное просачивается еще и по ошибке или даже «по злему умыслу», но очень и очень мало. Можно быть почти уверенными, что даже после крушения диктатуры в СССР, ни в каких документах не удастся обнаружить объективной информации. Окажется, что документально СССР «чист, как младенец».

Только свидетельства очевидцев будут неходить со всем этим в страшном противоречии. Кстати, и свидетели, как источник объективной, неблагоприятной и опасной для управителей информации, конечно, тоже под наблюдением, и принимаются все меры, чтобы достоверных данных у них не было. Поэтому даже этот источник окажется неполным. По существу, в истории огромного народа останется для потомства зияющий пробел, а для неосведомленных, — почти райская эпоха.

Конечно, неудивительно, что эта система доставляет неприятности и управителям в том случае, когда им становится нужна объективная информация. Аппарат власти «тщательно оберегает» управителей от объективной отрицательной информации, зная, что человеческой природе свойственно относиться к источнику «плохой» информации без особого энтузиазма. Трудно аппарату балансировать, чтобы не превратиться в «лакировщиков» или «чернителю». Того и гляди — попадешь в немилость. Лучше уж быть «лакировщиком». Поэтому даже управители часто попадают впросак. Сейчас известно, что Сталин был, например, совершенно не в курсе дел сельского хозяйства, да и только ли сельского хозяйства? По неосведомленности массу ошибок совершил Хрущев. Однако управители выбирают сознательно меньшее из двух зол. Ведь любая неблагоприятная запись, особенно на нижних уровнях, имеет тенденцию в самый неподходящий момент всплывать и «портить настроение» населению, тем более, что оно уже и без того нерадостное.

В конце 1971 года появилось объявление ЦСУ СССР о выплавке 133 миллионов тонн стали в год, то есть существенно больше, чем в США. Что такое эти 133 миллиона тонн? На каждого жителя СССР, включая грудных детей, придется по 500 кг стали. Из этой ста-

ли можно сделать лист, толщиной 1 мм, шириной 3,5 метра и длиной от земли до Луны. Этой стали хватит почти на полмиллиарда автомобилей, примерно на 10 миллионов современных танков... Вся механизация сельского хозяйства, накопившаяся за 50 лет советской власти, по официальным данным, «не потянет» даже 10-15 миллионов тонн стали.

Спрашивается, куда же эта сталь идет? Ведь в деревне, в любом колхозе или совхозе, трудно даже на необходимый ремонт достать кусок стали (о запчастях и говорить нечего). Несчастные строители собственных домов знают, как исключительно трудно (и дорого) достать обычные железные трубы или кровельный железный лист.

Советское правительство буквально клянулось стальной лист у итальянского «Фиата» на автомобили, которые должны были выпускаться в Жигулях. И это у Италии, которая производит почти в 10 раз меньше стали, чем СССР. По заключенному недавно договору, Египет (!) обязуется поставлять в СССР стальной лист.

Правителям самим пришлось задать вопрос Госплану: куда же идет такое огромное количество стали? Единственный ответ, который мог дать верховный планирующий орган СССР, анекдотичен: главный потребитель стали — горнорудная промышленность, которая дает руду металлургической промышленности. Таким образом, сталь вращается по замкнутому кругу, лишь частично поступая в остальное хозяйство.

Конечно, этот анекдот (имевший реальное место) характеризует блеф социалистического планирования (не по вине Госплана, а по существу задачи) и абсолютную ненадежность официальных цифр.

Наиболее объективная версия: в СССР не производится столько стали, а то, что производится, идет на танки, ракеты, подводные лодки и прочую военную технику. Система сама себя обманывает на всех ступенях сверху донизу или снизу доверху. И для этого есть объективные причины, опять-таки вытекающие из тотального социалистического планирования, из системы жесткого централизованного управления, свойственного социализму.

Наш НИИЭП строился, как я уже говорил, на моих глазах. Когда подошел запланированный срок окончания строительства и сдачи в эксплуатацию, мы уже, как и было положено по плану, работали в нем и, естественно, очень хорошо знали, что строительство

не закончено. Не были введены в строй различные объекты, вроде градирни, очистки воды, кондиционирования и т. д. и т. д. Кроме того то, что было якобы закончено, было сделано настолько скверно, что, как я уже говорил, будущее института было явно в опасности.

Однако была назначена приемочная комиссия, в которую был включен и я. Быстро было подготовлено (сроки!) благоприятное заключение, не соответствовавшее действительности. Естественно, я отказался его подписать. Это не имело никакого значения: заключение было подписано большинством комиссии, включая директора института, утверждено и ушло вверх.

В чем же дело? Ведь директору придется работать в недоделанном институте. Кроме того, действительное положение вещей было известно всем: и строителям, и дирекции НИИ, и министерству. Таким образом, дело шло о вполне сознательном и явном преступлении (по главным законам социалистического государства). Но дело объясняется просто. Строители заинтересованы в сдаче строительства: они «выполняют» план, получают значительную премию. Невыполнение плана им грозит очень крупными неприятностями вплоть до снятия с постов главных руководителей. Директор тоже заинтересован в приёмке, так как он тоже отвечает за строительство и оно вписано ему в план. Забраковать строительство будет стоить ему больших и немедленных неприятностей. Стоит ли ему ставить себя под удар, борясь за правду? Проще подписать акт приёмки и как участнику строительства тоже получить премию и попасть на хороший счет.

Главное управление и министерство тоже заинтересованы в том, чтобы акт был подписан, так как и у них оно — в плане, за который они отвечают. Также и Госплан рад рапортовать о новой победе, как радо ей и само правительство. Мой же поступок был продиктован этикой инженера и в какой-то степени донкихотством.

Такие события происходят по всей стране, во всех отраслях. Так появляется множество предприятий, «законченных строительством» согласно актам приёмки десятков лет тому назад, которые никак не могут приступить к нормальному выпуску продукции и достраиваются «хозяйственным способом».

Возьмем другую область: образование. Здесь тоже все связано круговой порукой в выполнении плана успеваемости, плана вы-

пуска учащихся. Конечно, и здесь есть свои донкихоты, но они ничего не могут поделать и подвергаются при этом страшному формальному и материальному давлению. Преподаватель, классный руководитель, директор школы, если они не донкихоты, заинтересованы в хорошей отчетной успеваемости и выпуске. Районо, гороно, министерство, Госплан и правительство — тем более. Это относится и к высшим учебным заведениям. Поэтому порой приходится поражаться безграмотности выпускников как школ, так и институтов. Правило такое: если человек сам хочет учиться, то он выходит обученным; если не хочет, то его выпускают с дипломом и необученного. Диплом совершенно не определяет уровня образования.

У милиции есть план снижения преступности. Поэтому, в зависимости от его «выполнения» или «невыполнения», какое-нибудь конкретное уголовное преступление тоже может быть вообще оставлено без внимания. (Для политических — планов нет, им всегда обеспечено внимание).

Знаменитые рекорды Стаханова и многих, многих других, прогремевшие на весь мир, были все до одного организованным спектаклем, в котором были заинтересованы все, начиная от исполнителей до управителей. На одну бригаду Стаханова работала практически вся шахта и сотни добровольцев подкрашивали, доделывали то, что не удалось получить «навалясь скопом».

Все знают надоевшие газетные репортажи о перевыполнении «норм» рабочими на предприятиях. Можно было читать, как «нормы» (конечно, в результате трудового энтузиазма) перевыполняются на 100, 200, 500 и даже 1 000%. Неоднократно приходилось читать о целых предприятиях, состоящих сплошь из таких героев: «массовый энтузиазм».

Самое любопытное в этом то, что практически все, хоть немного знакомые с этим делом, знают, что это сплошное очковитительство. Действительно, ставки зарплаты за выполнение норм настолько отстают от роста стоимости жизни, что даже два работника в семье не могут прокормить себя. Поэтому всем известно, что дирекции предприятий приходится, чтобы как-то получать продукцию, разрешать нормировщикам платить за отсутствующую дополнительную продукцию так, как будто она была сделана. Аппаратами предприятий разработана изощренная техника для сокрытия фактического положения. Все это успешно действует, так как в этом все, снизу доверху, заинтересованы. Если директор не будет на это смотреть сквозь пальцы, то у него люди либо вообще не будут работать (итальянская забастовка) или уйдут. Пусть он попробует объяснить свою неудачу тем, что ставки государственной зарплаты — нищенские! Всем же остальным тем более выгодно показать «энтузиазм» масс.

Несколько лет тому назад в «Экономической газете» шла дискуссия по вопросу о том, почему не внедряются в торговлю кассовые аппараты. Ведь они учитывают сумму продажи, удобны для покупателя, так как не нужно стоять в очереди в специальную кассу, препятствуют обсчету. Очень хороши они в мелких торговых точках, где продавец совмещает в себе и директора, и бухгалтера, и кладовщика. Причины сопротивления внедрению так и не были названы. Пришлось высказаться и министру торговли. Было очень любопытно читать его небольшую статью. Из нее так и лезло между строк его

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное

Документальная серия

128 страниц текста. Выходит шесть раз в год

Вышел из печати Сборник № 3

Содержание:

Хроника текущих событий. Выпуск № 23
Суд над Владимиром Буковским

Цена 6 н. м.

В США и Канаде 2 дол.

Готовится к печати Сборник № 4

При заказе годовой серии —
пересылка за счет издательства

**Подписчики «ПОСЕВА» могут получать
сборники «ВОЛЬНОЕ СЛОВО»
по льготной цене**

Общая подписка с «Посевом» на год 60.00 н. м.

В США и Канаде (с доставкой по воздуху
только «Посева») 30 дол.,

с доставкой по воздуху обоих изданий 33 дол.

нежелание вводить эти аппараты, конечно, под покровом разглагольствования о их важности. Дело же очень просто. Зарплата продавцов и даже директоров торговых предприятий их уже давно не кормит. Источник пропитания — самое явное воровство и взятки за дефицитный товар. Если ввести кассовые аппараты, то воровать будет значительно труднее и очень многие работники побегут из торговли. Это известно и министру торговли, да и всем, кто хоть сколько-нибудь знает положение в торговле. Этим объясняется, что кассовые аппараты и сейчас очень редки, особенно в мелкой торговле, так как воровство и взятки не сократились, а расцвели еще более пышным цветом.

В 1964 году на закрытом совещании экономистов в Новосибирске выяснилось, что механизация и электрификация сельского хозяйства, о которых все везде трубили, фактически составляет что-то около 7 %, в то время как большинство (в стране и за рубежом) думает, что у нас механизация и электрификация сельского хозяйства почти сплошные. Вот так сюрприз, но сюрприз неудивительный.

Когда я обратился к справочникам, то обнаружил следующее.

Производство тракторов у нас по официальным данным составляло (в тысячах штук):

1965	1966	1967	1968
354,3	382,5	405,1	423,4

Всего за 4 года 1 565,3.

Парк же тракторов в сельском хозяйстве составлял:

1965	1966	1967	1968
1 613	1 660	1 739	1 821

Прирост, таким образом, за три года составил: $47 + 79 + 92 = 218$ тыс. штук.

Куда же девались остальные 1 347,3 тысячи штук?

Кстати, эти официальные цифры механизации после 1964 года не показывают существенного улучшения к цифре 7 %.

Можно только пожалеть тех доверчивых зарубежных деятелей, которые пользуются любыми цифрами, исходящими из СССР, для суждения о том, что собой представляет это явление. Даже мне — человеку, получившему образование и прожившему в СССР 54 года, было трудно составить себе более или менее объективное представление о действительном положении дел.

ЖЕРТВУЙТЕ В ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ!

Комитет Фонда Свободной России, подтверждая получение следующих поступлений, благодарит жертвователей и призывает последовать их примеру.

Пожертвования в Фонд Свободной России

В. Паунович (Германия)	н. м.	50.00
Патер Хриисостомус Даам (Германия)	»	10.00
Из редакционной копилки (Германия)	»	3.70
И. Евец (Франция)	»	12.00
Е. Евец (Франция)	фр. фр.	50.00
Бар. О. Штромберг (Франция)	»	100.00
Г. де Тилло (Франция)	»	140.00
А. А. (Франция), семьям заключенных в СССР	»	50.00
В. П. (Франция), в помощь В. Буковскому	»	63.00
От Петра из Англии	»	50.00
От друга из Швеции	шв. кр.	10.00
В. Л. К. через А. Э. Б. (США)	дол.	20.00
Собранные С. Рождественским (США)	»	20.00

Примечание: в № 5 «Посева» ошибочно написано Т. Микилина, надо Т. Миколина.

На радиостанцию «Свободная Россия»

А. Э. Б. (США)	дол.	6.00
Через А. Э. Б. (США):		
А. Д. Х.	»	2.00
П. Д. Р.	»	10.00
MNP	»	1.00
QMA	»	4.00
RSP	»	7.00

Выдан значок-эмблема Фонда Свободной России
В. Л. К.

Адрес Комитета Фонда Свободной России:

**O. Perckrestov, Free Russia Fund, Postfach 180 408,
D-6000 Frankfurt/Main**

Банковский счёт:

**A/C 461 971, Rubr. Free Russia,
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel**

Долгоиграющая пластинка

Божественная литургия П. И. Чайковского в исполнении хора имени П. И. Чайковского под управлением Галины Григорьевой (Париж)

Стоимость пластинки 25 н. м.

Пересылка за счет заказчика

Заказы направлять в Фонд Свободной России

**Free Russia Fund
6 Frankfurt/M.
Postfach 180 408**

● ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Страх перед Воротынцевым

По поводу критики романа Солженицына «Август Четырнадцатого»

Н. РУТЫЧ

7 апреля 1972 года — через 3 дня после того, как в иностранной печати появилось изложение беседы А. И. Солженицына с американскими журналистами в Москве — «Труд» и «Литературная Россия» поспешили перепечатать из польского еженедельника «ВТК» обширную статью об «Августе Четырнадцатого», подписанную критиком Ежи Романовским.

Это — первая статья в советской печати о новом выдающемся произведении Солженицына¹⁾. Радует, что среди советских писателей и критиков, по-видимому, ни один не согласился поставить свою подпись под 11 газетными столбцами, наполненными клеветы на лауреата Нобелевской премии, которыми решено было закончить ранее предписанный сверху «заговор молчания» об «Августе Четырнадцатого».

Второй, напрашивающийся вывод: поместить эту статью поручили именно «Труду», потому что Солженицын в беседе с американскими журналистами сообщил о своем намерении пригласить на прием по случаю вручения ему диплома и медали Нобелевской премии как раз корреспондентов «Труда» и «Сельской жизни» — единственных центральных газет, которые, как он сказал, «до сих пор не клеветали на меня»²⁾. Намечавшийся тогда прием на частной квартире в Москве, как известно, не состоялся после того, как советское правительство отказало в визе секретарю Шведской академии наук д-ру Гирову, но редакция «Труда», после этих, сказанных вскользь слов, поспешила «обелить» себя помещением статьи Е. Романовского.

Читая эту статью, не трудно убедиться, что ее автор, в отличие от Солженицына, не зна-

ком с главными историческими трудами, освещающими кампанию в Восточной Пруссии. Не знаком он ни с трудами генерала А. Зайончковского, вышедшими в Советском Союзе, ни с работами генерала Головина, полковника Богдановича и другими вышедшими за границей книгами, не говоря уже о воспоминаниях полковника Желондковского, одного из старших офицеров, попавшего в окружение 15-го армейского корпуса 2-ой армии. О воспоминаниях Желондковского генерал Головин писал в свое время: «Я редко читал что-либо более ярко обрисовывающее внутреннюю сторону боевых действий»³⁾.

Романовский не только постоянно ссылается, но и противопоставляет «Августу Четырнадцатого» популярную, живо написанную, но не претендующую ни на какой «внутренний» анализ событий, книжку Б. Такман «Августовские пушки», в которой несколько страниц посвящены операции в Восточной Пруссии.

И всё это только для повторения общеизвестной истины о том, что благодаря русскому наступлению в Восточной Пруссии немцы сняли два корпуса и одну кавалерийскую дивизию с Западного фронта, а вместе с 3-ей дивизией ополчения, направленной уже было на запад, бросили 5 пехотных дивизий на восток, что и было, конечно, одной из главных причин немецкого поражения на Марне и, следовательно, крупнейшим стратегическим успехом русской армии.

Но все эти войска, кроме 3-ей ополченской дивизии фон дер Гольца, были еще на колесах в своих эшелонах когда разыгрался кризис во 2-ой армии, и достигнутый стратегический успех сам по себе отнюдь не объясняет ее поражения.

Это поражение, которого могло не быть, переживает со всей остротой главный герой Солженицына полковник Воротынцев, ибо любовь к отечеству, подлинный патриотизм не позволяет ему оставаться спокойным наблюдателем событий, или заниматься само-

¹⁾ Не считать же статьями упражнения «Литературной газеты» в перепечатках низкопробной информации иностранной коммунистической печати, состоящей из надерганных цитат. Упражнения эти по своему характеру весьма напоминают то, что в свое время называлось «пришиванием дела», с заготовленным уже обвинительным заключением: «сын кулака», «враг народа» и пр.

²⁾ Здесь и ниже цитаты интервью А. И. Солженицына даются в обратном переводе с английского.

³⁾ См. Военный сборник, т. VII, стр. 265, Белград 1925 г.

успокоением, предвидя победы в Галиции или на Марне.

И с этой точки зрения Солженицын оценивает генерала Жилинского (стремившегося перенести ответственность на генерала Самсонова) и командующих русскими корпусами на флангах 2-ой армии генералов Артамонова и Благовещенского, не проявивших в решающие дни чувства ответственности за целое, за всю армию.

Стремясь доказать, что Солженицын будто бы преклоняется перед германским генеральным штабом, «смешивая с грязью» генерала Самсонова, Е. Романовский пишет, что он наполнил свою книгу «рассчитанно оскорбительными сентенциями в адрес России».

Переживать заново, продумывать еще и еще раз события нашей истории, разве не в этом проявляется чувство ответственности за свой народ, за свою страну? Нельзя спокойно переживать поражение, особенно если могла быть победа. С этим поражением не может примириться главный герой Солженицына полковник Воротынцев, и в этом заключается его подлинный патриотизм, а не тот, который служит только для спасения партии, когда ее власть начинает шататься.

И нет, конечно, ничего оскорбительного в том, что Солженицын так талантливо показал с русской стороны то, в чем сомневался генерал Людендорф, писавший: «оставалось сомнительным, даст ли нам противник время для выполнения наших намерений»... и признавший позже, что «мощная армия Ренненкампа угрожающей грозой стояла на северо-востоке. Стоило ему нажать на нас и мы были бы разбиты»⁴).

Чаша весов, определяющая поражение или грандиозную по своему значению победу 2-ой русской армии, не раз колебалась. И это драматическое положение не только с большой силой, но и с не меньшей исторической точностью показал Солженицын, особенно на тех страницах, где он раскрывает внутренний мир генерала Самсонова. Эти страницы недавно скончавшийся Г. В. Адамович считал лучшими в романе, а ведь он был не только выдающимся и, можно сказать, исключительно тонким критиком, но к тому же о многом слышал от своего старшего брата — полковника, бывшего в самой гуще событий в составе 3-ей гвардейской дивизии.

Наконец ссылаясь на труд профессора академии им. Фрунзе Г. Иссерсона вызывает

просто сомнение в том, что Романовский хоть полистал этот труд. Дело в том, что Г. Иссерсон в своей книге стремится доказать, что «если бы не ошибки, допущенные русским командованием и прежде всего главнокомандующим Северо-Западного фронта Жилинским, то никакие «Канны» 8-ой германской армии осуществлены быть не могли бы.

Создается впечатление, что Романовский, взявшись критиковать Солженицына, пользовался подобранными для него материалами, и это впечатление еще больше укрепляется после того, как он вытаскивает из-под своей псевдопатриотической тоги утверждения вроде того, что Октябрь дал ответ на все вопросы истории. И это тот Октябрь, к которому звал Ленин, писавший в начале 1916 года: «Мы не только отвергаем в принципе допустимость «защиты отечества» в данной войне, но и признаем желательность поражения»⁵).

Солженицын не признает «неизбежного» пути к Октябрю и снова поднимает вопрос о причинах революции, не подгоняя, как это рекомендуется, свои выводы к достаточно грубой и притом задним числом сколоченной схеме Ленина. Это вызывает возмущение у Романовского и у тех, кто стоит за ним.

Пользуясь тем, что подавляющее большинство читателей не может прочесть «Август Четырнадцатого», он возводит клевету на Солженицына, даже не упоминая ни разу о двух главных героях романа — полковнике Георгии Воротынцеве и солдате Арсении Благодареве.

*

Новый роман Солженицына замечателен не только тем, что в нем автор с исключительным мастерством охватывает события как сверху вниз — от Верховного командования до рядового солдата, так и во всю их ширь, но и тем, что в нем все описываемые события отражаются в переживаниях его любимого героя полковника Воротынцева.

Впервые после долгого перерыва, благодаря Солженицыну, в русскую литературу вошел снова положительный герой в подлинном смысле этого слова.

Вспомним, что разговоров о положительном герое в советской литературе было больше чем достаточно. Но до сих пор так называемый социалистический реализм не смог создать ничего кроме манекенов, с трудом передвигающихся на ходулях коммунистичес-

⁴) Э. Людендорф. «Мои военные воспоминания», Берлин, стр. 46-48.

⁵) В. Ленин. Том 36. М. 1957, стр. 351.

ких мифов и фикций. А тот положительный герой, в чертах которого просвечивает человечность, как, например, генерал Серпилин в последней трилогии Константина Симонова, безвременно умирает, ибо автор чувствует, что не может вернуть его с фронта и ввести обратно в мир советской действительности, не погрешив против правды. Нельзя также сказать, что в русской классической литературе положительному герою так уж повезло. Гоголю не удалось его Костанжогло в отличие от бесподобных Собакевича и Коробочки.

Князь Андрей Болконский, наряду с его блестящими качествами, хрупок и даже несколько капризен. Он, может быть, как это было первоначально и задумано, мог бы стать одним из вождей декабристов, но Толстой, почувствовав это, дал ему своевременно умереть.

А бесподобный Максим Максимович в конце концов всего лишь фон для Печорина.

Для того чтобы найти положительного героя в русской литературе, повторяем, в подлинном смысле этого слова, приходится (как впрочем, часто и во многом другом) вернуться к Пушкину.

Петр Андреевич Гринев, живший с девизом — «береги честь смолоду», был прост, но когда следовало мужествен и бесстрашен. Он не искал компромиссов с совестью, чувство ответственности подсказывало ему как служить России даже тогда, когда он был влюблен в капитанскую дочку. Несмотря на то, что Гринев был человеком дворянского, XVIII века, он был по-своему близок к народу. Между ним, интеллигентом екатерининского времени, и крепостным Савельичем не было той пропасти, о которой так много писали тогда, когда народники начали «ходить в народ».

И Гринев охотно слушал Савельича, когда тот поучал его — «и добро бы ходил ты на турку и на шведа, а то грех сказать на кого».

Полковник Воротынцев, несмотря на всё свое образование и сравнительно высокое положение, без единой искусственной ноты находит общий язык с простым солдатом, который, в свою очередь, чувствуя искреннее стремление своего начальника принести пользу делу, помогает ему во всем, не теряя своего человеческого достоинства, служит ему, а не прислуживается.

Отношения полковника Воротынцева и солдата Благодарева удивительно верно найдены Солженицыным. И в их свете социологическая конструкция о том, что между на-

родом и интеллигенцией всегда лежала пропасть (вспомним ленинский отзыв о декабристах — «страшно далеки они от народа»), ломается, и становится ясно, что в России была пусть небольшая, но реально существовавшая часть интеллигенции, которая была способна, служа России, идти вместе с народом, не боясь его, и с полной верой в то, что он прекрасно разберется, кто принадлежит к интеллигенции.

Нет необходимости говорить, что без разрешения проблемы отношений между народом и интеллигенцией, невозможно создать образ положительного героя. Только на фоне верно найденных отношений между Воротынцевым и Благодаревым Солженицын смог создать тот образ русского человека, который посвятил себя служению России, борясь за идеалы и идеи, с которыми это служение неразрывно связано.

Воротынцев скромнен и требователен к себе, но он нетерпелив, когда речь идет о деле, деле требующем решения. Это, пожалуй, его недостаток, но Солженицын дает ему объяснение: «Одна глубокая тяга сосала Воротынцева от самой молодости: иметь благое воздействие на историю своего отечества».

Характерны и сами слова этого объяснения у Солженицына — ведь они напоминают язык устава Союза Благоденствия, язык декабристов. Недаром автору «Августа Четырнадцатого» кажется, что между группой передовых офицеров генерального штаба накануне войны 1914 года и декабристами существует отдаленное сходство.

Служить России, нести ответственность за ее историю, теряя всё, если нужно, ломая свою карьеру, если так подсказывает совесть, без компромиссов, бесстрашно — таково кредо Воротынцева, и Солженицын прекрасно показывает, что бесстрашие на этом пути требует много больше мужества, чем бесстрашие в бою.

Но в наш век, для того чтобы нести эту ответственность, необходимо не только напряжение всех духовных сил, но нужны знания, позволяющие видеть недостатки, знания, помогающие принять правильное решение.

Поэтому, рисуя образ Воротынцева, Солженицын утверждает со всей силой своего таланта, что в России всегда были люди из интеллигенции, стремившиеся служить ей и готовые на жертвы. Они были не только среди военных, но и среди быстро растущей технической интеллигенции, хотя бы в лице разо-

чаровавшегося в революции инженера Ободовского.

Их было слишком мало, но они могли в течение немногих лет стать серьезной опорой для таких, например, выдающихся военачальников, как начавший войну начальником штаба Юго-Западного фронта генерал Алексеев, о котором с большой симпатией говорит Солженицын, или для того, кто рано или поздно продолжил бы дело убитого в 1911 году П. А. Столыпина. Как бы мало ни было таких людей, важно, что этот образ снова найден, снова введен в нашу литературу, и можно только порадоваться, что его правдивые черты отточены с любовью рукой такого мастера, как Александр Исаевич Солженицын.

«Изучение русской истории, — говорил он в своем последнем интервью, — показало мне, как важны для страны отдушины, и как важно, чтобы власть, независимо от того, насколько она автократична и неограничена, добровольно прислушивалась к голосу общественности».

И Воротынцев и его единомышленник полковник Крымов хорошо сознают, что будь в России ответственное перед Думой министерство, не мог бы оставаться на своем посту отданный через год после начала войны под суд военный министр. На месте Янушкевича и Жилинского находились бы такие генера-

лы, как Алексеев, Брусилов, Рузский, тем более, что за ними уже стояла наготове в строю подготовленная блестящая плеяда молодых военачальников, из которой вышли генералы Деникин, Головин, Корнилов, Лукомский, Врангель, тот же Крымов и многие, многие другие.

Солженицын заявил в уже упомянутом интервью, что свой следующий «узел», вторую часть своего романа, он решил посвятить октябрю 1916 года. Разделить власть с Думой с тем, чтобы «общество взяло на себя ответственность», можно было и в начале войны, и летом 1915 года. В последний раз об этой возможности с думской трибуны говорил П. Н. Милюков как раз в октябре 1916 года.

Но история России не кончилась. В нашей литературе живет образ Воротынцева, с его чувством ответственности за судьбы страны и народа. Уже в течение больше чем полувека власть уничтожает таких людей, но все равно они, люди этого духовного склада, пронесут на своих плечах идеи и идеалы, которые возродят Россию.

И пример бесстрашия им показывает сам Александр Исаевич Солженицын. Следует ли удивляться после этого, что, критикуя его, обливая его грязью и клеветой, критики в советской печати боятся произнести даже имя полковника Воротынцева?

Дневник 194... года

Л. ДОНАТОВ

В спектакле «Необыкновенный концерт» (раньше назывался «Обыкновенный концерт»), который уж год играем в Центральном театре кукол под руководством Образцова, есть такое смешное место. Конферансье представляет публике поэта Никодима Золотушного.

«Поэт Золотушный — типичный интимист-масковик. Все свое интимное он бросает в широкие массы».

В зале неизменно гремит хохот.

Между тем, за комическим «оформлением» фразы скрывается довольно точное содержание. Писатель — если, конечно, он достоин такого имени — в сущности только и делает, что открывает самые интимные уголки своей души совершенно чужим людям — читате-

лям. Это верно не только по отношению к автобиографическим книгам, не только к «Исповеди» Руссо или «Детству» Толстого или «В поисках утраченного времени» Пруста; это справедливо для всей художественной литературы вообще — будь то «Макбет» или «Тартюф», «Рыжик» или «Улисс», «Братья Карамазовы» или «Стихи о прекрасной даме», «Поэма без героя» или «Один день Ивана Денисовича».

«Эмма Бовари — это я», — сказал, как известно, Огюст Флобер. Он был прав на все сто процентов. И если мы скажем нечто вовсе парадоксальное — например, что мерин Холстомер это Лев Толстой, — мы нисколько не оскорбим память гениального писателя. Литературный талант есть, вероятно, интуитивное понимание собственной души, соединен-

ное со смелой искренностью. Сочетание вообще крайне редкое, но если добавить, что писателю, кроме этих важных качеств, требуются еще владение словом и буйволиная трудоспособность, то становится ясно, почему так мало в литературе истинно великих произведений.

Повесть Лидии Чуковской «Спуск под воду» — в большой мере рассуждение на эту вечную тему. Л. Чуковскую, правда, занимает иная грань той же, по сути дела, проблемы: почему так много псевдолитературы, не-литературы выходит из-под печатных станков, особенно в стране победившего соцреализма. Недаром эпиграфом к «Спуску под воду» взяты слова Толстого: «Нравственность человека видна в его отношении к слову». Автор утверждает своей повестью, что сочинять, не раскрываясь, сочинять с душой, застегнутой на все пуговицы, — безнравственно. Даже если сочинитель — одаренный и настрадавшийся человек.

Все это, понятно, отнюдь не открытие, но вспомним, каким откровением, а не то что открытием прозвучала в 1954 году в России статья Померанцева «Об искренности в литературе». Вспомним, как обрушились тогда на автора жрецы соцреализма. Самые фальшивые сочинители на свете, они звучали прямо-таки искренне, предавая искренность анафеме!

К тому же повесть Л. Чуковской писалась с 1949 по 1957 год. А опубликована только в марте 1972 года — и то отнюдь не в Москве, а в Нью-Йорке. И прежде, чем разбирать повесть дальше, я хочу от души поблагодарить издательство имени Чехова за отличную, почти безошибочную ее публикацию. Теперь «Спуск под воду» останется в нашей литературе. Книгу будут читать, по-моему, и в далеком будущем — как важный литературный документ эпохи.

1

Лидия Корнеевна Чуковская, редактор, литературный критик и публицист, дочь Корнея Чуковского, официально не известна российскому читателю как прозаик. Ее проза — большой роман «Софья Петровна» («Опустелый дом»), повесть «Спуск под воду» и, кто знает, может быть еще другие произведения — в СССР табу. Этим почетным, но мучительным для каждого литератора положением Л. Чуковская обязана, прежде всего, своей «активной искренности», своей ненависти ко всяким поделкам и подделкам в литературе.

Ненависть к холодному или заказному сочинительству пронизывает всю повесть «Спуск под воду», действие которой разворачивается на протяжении двадцати шести дней в подмосковном Доме творчества писателей, в феврале-марте 194... года. За многоточием на месте последней цифры скрывается, наиболее вероятно, девятка — это видно не только по датировке повести (1949 — 1957), но и по таким приметам времени, как «безродный космополитизм» и связанная с ним активная травля евреев (в повести есть эпизод ночного ареста, прямо в Доме творчества, еврейского поэта-коммуниста).

Книга, очень небольшая по объему, написана от первого лица, в форме дневника женщины-писательницы и переводчицы, получившей путевку в Дом творчества на двадцать шесть дней. Героиня переводит что-то для заработка, а пишет исключительно «в стол», без надежды на публикацию. Пишет урывками, только в те краткие часы, когда ей удастся «спуститься под воду» — то есть отключиться от внешнего мира, уйти в себя.

Ситуация исключительно правдива. По сей день есть в СССР много литераторов, не имеющих иной профессии, кроме литературной, — и в то же время не желающих писать «под цензора». Они существуют годами на «вторичный» литературный заработок — преподавание, переводы, внутренние рецензии, литературные консультации, иногда статьи. Этот заработок неизменно скуден, зато человек может писать «свое».

И, конечно, ситуация трагична. Она существует только в странах «социалистического лагеря» и нигде больше — как кристально ясное доказательство абсурдности, бесчеловечности режимов в этих странах. Впрочем, доказательств таких много — мало лишь ответственных лиц на Западе, желающих эти доказательства рассматривать...

Героиня Л. Чуковской не выносит сытеньких, преуспевающих дельцов от литературы и журналистики, окружающих ее в Доме творчества. Автор пишет целую галерею литературных холуев и их жен, не щадя издательских красок. Вот героиня принимает лечебную ванну и слушает разговоры соседей по кабинам.

«В двух соседних кабинах — одной смежной со мною и другой последней в нашем ряду — беседовали, принимая ванну, двое писателей-приключенцев. Один приключенец-фантаст, другой — приключенец просто. Я не раз видела их в гостиной, многозначительно молчащими над шахматной доской.

— У вас «Олимпия»? — спросил теперь один.

— Нет, «Корона» — новой серии, портативная.

Молчание. Сопение. Плеск воды.

— И сколько вы делаете страниц в день? — допрашивал приключенец просто.

— Ну, это зависит, — отвечал фантаст... — Если какие-нибудь описания природы — то можно и пятнадцать-двадцать сделать... Или психология героев, тогда быстро. А вот если что-нибудь техническое... тогда, конечно, медленнее идет. Труднее.

Замолчали. Обдумывают новый вопрос из области литературной теории.

...— Ну, а когда кончаете рукопись, — расспрашивал приключенец просто, — показываете кому-нибудь или сразу в печать? Из литераторов кому-нибудь?

— Никому, — строго отвечал фантаст. — Все они эстеты, все до единого, уверяю вас. Массовый читатель — другое дело... Я сразу проверяю на массовой аудитории.

— А я показываю жене, — сообщил просто, — ни в каких этих институтах она не училась, но у нее от природы абсолютный вкус».

Еще отрывок. Разговор героини с женой журналиста.

«— А что это вы декламировали? — осведомилась она. — Есенина?

— Нет, почему же Есенина. Пушкина, Пастернака, Некрасова.

— Пастернак очень неясно пишет. Мы недавно с Сережей читали — помнишь, Сергуля, у Степановых? — так даже обхохотались все. Ничего не понять.

Я оглянулась на журналиста. Он шел, робко ссутулясь... Он понапрасну боялся: спорить я не собиралась.

«Какая, однако, разоблачающая вещь жена» — думала я...»

Таков фон, ему уделено много, пожалуй непропорционально много места в книге Л. Чуковской. Но на этом фоне ее героиня явно выделяет одного человека — писателя Билибина.

2

Невзирая на свои мягкие манеры и общий интеллигентный облик, Билибин сначала показался героине одним из «них». Тем более, что признался: он переделывает свой новый роман о сибирских угольных шахтах. В журнале «Знамя» почти приняли — просили только слегка расширить парторга.

И это точная деталь. Мы помним, например, как «расширял парторга» Фадеев для второго варианта романа «Молодая гвардия».

Словом, к Билибину была сперва та же враждебная отчужденность. Но все переменилось, когда на прогулке в лесу Билибин признался, что сидел в лагерях. Много лет назад у героини повести арестовали мужа, и она не знала, где, когда и как он погиб. Она все время мучается этим.

«Там — мой неотступный, многолетний вопрос: каков был его последний миг? Как из живого они сделали его мертвым? Я уже не спрашиваю за что? Я спрашиваю только: как? где? когда? И где сама я была в эту минуту? С ним ли? Думала ли о нем?»

Билибин — живой свидетель. Наедине он рассказывает жуткие детали его лагерной каторжной жизни — он отбывал на шахтах. Билибин помогает даже в какой-то степени догадаться о судьбе мужа героини; почти наверняка человек расстрелян, ибо «лагерей без права переписки» не было. Билибин сказал об этом смело и прямо — лучше ведь знать, чем мучиться напрасными надеждами.

Постепенно у рассказчицы возникает к Билибину нечто большее, чем признательность или симпатия. По-видимому, и у Билибина тоже, но любовь в повести дана в такой поистине соц-реалистической дозировке, что только мешает повествованию и вносит фальшивую ноту. Нельзя осуждать за это автора: повесть-то писалась с 1949 по 1957 год. В те времена книга «Спуск под воду» была подвигом, и смешно ожидать, чтобы она по всем линиям оказалась на двадцать лет впереди своего времени.

Развитие любовных отношений тактично прерывается сердечным приступом у Билибина. Чуть оправившись, он продолжает доделывать свой роман, а героиня заканчивает то, что писала во время «спусков под воду». Она испытывает сильное желание дать прочесть это Билибину — ведь он же прошел ад, он должен понять. Если не он, то уж совсем никто не прочтет — потомки разве... И тут он, Билибин, первым делает то же самое: дает ей прочесть свое повествование под заголовком «Федосьина победа».

3

«Окончив, я долго сидела за столом, закрыв рукопись и разглядывая аккуратную папку...»

Вот что он писал здесь — с семи утра. Вот зачем он приехал сюда, в тишину. Вот какой памятник воздвиг он своему другу...

До сих пор мне случалось испытывать в жизни горе. Но стыд я испытала впервые. (В 1960 году, над могилой Пастернака, Герман Плисецкий напишет: «Бывало мне горько, бывало не сытно; сегодня мне хуже — сегодня мне стыдно». Удивительное совпадение «логики чувств» у прозаика и поэта. — Л. Д.)

Чувство стыда было такое сильное, что время остановилось. Как от счастья.

Шагов я не слышала. Раздался стук в дверь. Я знала, что это Билибин. Он всегда стучит легко, осторожно, самыми кончиками ногтей. Словно ходит на цыпочках.

Я не сразу отозвалась на стук. Надо было собраться с духом и с голосом.

— Войдите, — сказала я наконец. — Садитесь, пожалуйста...

— Вы трус, — сказала я. — Нет, хуже: вы лже-свидетель. — Он начал приподыматься. — Вы лжец. «Ты не чеченец, ты старуха»...

Он поднялся, распрямляясь. Не спуская с меня глаз, он, не глядя, протянул руку к столу и нащупал папку.

— «Его пальцы, свертывавшие козью ножку, дрожали» — сказала я и тоже встала. — Все. Можете идти. Это все, что я могу сказать вам о вашей литературе... Прощайте. Почему у вас не хватило достоинства промолчать? Всего только промолчать? Ведь от вас никто этого не требовал... Неужели... из уважения к тем... кого вы засыпали землей... вы не могли как-нибудь иначе зарабатывать себе на хлеб с маслом?»

Так кончилась любовь: Билибин оказался не лучше остальных в своих писаниях, хотя его жизненный опыт был совсем иным, чем у большинства обитателей Дома творчества. Он ведь видел. Он ведь понимал. А писал что следовало. И оттого, хоть был способным литератором (это искусно подчеркнуто у Чуковской), из-под его пера лезла обычная соц-реалистическая дрянь: «Его пальцы, свертывавшие козью ножку, дрожали».

Вот в этом разоблачении бывшего лагерника, оставшегося рабом, — главный смысл книги Чуковской. Отвлечемся теперь от деталей повествования, они не так важны, хотя есть куски, написанные с большой силой, — например, женщина-финка с умершим на руках ребенком, да и другие тоже. Сконцентрируемся на основной идее вещи.

4

Вы помните, чем заканчивается «1984» Джорджа Оруэлла? Тем, что Смит, прошедший все круги ада, в о з л ю б и л «Старшего Брата». Роберт Конквест в «Великом терроре», лучшем пока исследовании сталинщины, отмечает, что сам масштаб террора, само уничтожение тысяч и тысяч людей порождали у многих впечатление «великого дела» и преклонение перед вождем. По Конквесту, Сталин больше ценил преданность, основанную на страхе, чем на убеждениях. Убеждения могут перемениться, а страх всегда останется. Аналогичные наблюдения можно встретить и в глубокой книге Романа Редлиха «Сталинщина как духовный феномен». Покойный Аркадий Белинков писал, что диктатура капризна и желает, чтобы ее любили, — чего нередко и добивается.

Любовь или, во всяком случае, преданность из страха — интереснейший психологический феномен, очень помогающий диктаторам.

Возможно, они, диктаторы, про себя знают об этом феномене — и поэтому, например, диктатура обставляется всевозможными аксессуарами величия и пышности. Не только во внешних проявлениях, но и в искусстве, литературе, музыке.

Концепция раба, подчиняющегося и кое-как работающего, но остро ненавидящего хозяина, по-видимому, нуждается в пересмотре. Должно быть, только незаурядные люди, только очень немногие умеют, живя под постоянным прессом страха и пропаганды, рассмотреть ничтожество диктаторов и низость, примитивность их целей — удерживать власть и пользоваться ее благами. Большинство угнетенных более или менее лояльны к «своей» диктатуре.

Самый свежий печальный пример такой с виду нелепой поддержки диктатуры со стороны одной из ее жертв — письмо Варлама Шаламова, опубликованное недавно в «Литературной газете». В. Шаламов — хороший поэт и превосходный, сдержанный прозаик. Его «Колымские рассказы», написанные, можно сказать, кровью каторжника, — сплошь маленькие шедевры. Шаламову заслуженно посвящена одна из самых сильных песен Александра Галича: «А ты стучи, Леха, а тебе Бог простит...»

И вот этот Варлам Шаламов, без всяких сомнений абсолютно все знающий и понимающий, больной 65-летний писатель, вдруг подписывает злобный протест против... публикации его «Колымских рассказов» за границей, хотя в его стране эти рассказы запрещены цензурой. Ну да, на него сильно нажимали, возможно пообещали кое-что из его стихов напечатать — но ведь ни упрятать его обратно в лагерь, ни выселить из Москвы, ни даже отнять пенсию власти теперь не могут — и он превосходно понимает все это. Но — подписал... Осуждать его теперь? Нет, я думаю книга Л. Чуковской запрещает его осуждать. Ведь ее Билибин сделал нечто гораздо худшее, чем Шаламов: он без всякого нажима властей написал роман о «передовой технике» на основе своих лагерных переживаний, он превратил заключенных шахтеров в вольных «передовиков», снабдил их нужными соц-реалистическими атрибутами и хочет этим «зарабатывать себе на хлеб с маслом». И он при этом совсем не чудовище, а усталый, довольно тонко чувствующий пожилой человек, определенно добрый к людям...

Ключ к «непонятному» поведению вымышленного Билибина и реального Шаламова следует искать не в натуре каждого из них —

он где-то вне душ человеческих. Он в воздухе сегодняшней России, в воздухе, отравленном бациллой страха. Когда-то, в те времена, когда арестовали Билибина и Шаламова, страх был смертелен. Сейчас он не смертелен, но достаточен для того, чтобы держать в узде большую часть интеллигенции, никогда не отличавшуюся смелостью.

Робость советской интеллигенции многих раздражает. Четыре года назад А. Вознесенский написал:

Интеллигенция, как ты изолгалась!
Читаешь Герцена, для порки заголясь...

Аркадий Белинков назвал свою замечательную книгу о судьбе Юрия Олеши (все еще, к стыду нашему, не изданную) «Сдача и гибель советского интеллигента». Еще более резко и уничтожающе писал о трусости московской интеллигенции Андрей Амальрик. Я думаю, что раздражение такого рода объяснимо, но несправедливо. То, на что сегодня способны одиночки, не дано большинству. Так ведется испокон веков, и неразумно тянуть каждого человека на уровень Джорда-

но Бруно или Осипа Мандельштама, написавшего в тридцатые годы презрительные стихи о Сталине.

Реакция героини повести Чуковской на сочинение Билибина понятна: ведь сама она пишет нечто честное, не для цензуры, и мерит других своей высокой меркой. Но не в этой гневной реакции вижу я главное достоинство книги, а в том, что Чуковская дала нам художественное исследование психологии литератора, пишущего в отравленном воздухе диктатуры.

Тут опять сказалась крепкая традиция русской литературы, в которой чрезвычайно мало развлекательных книг. Каждое сколько-нибудь примечательное произведение, созданное в нашей стране — проза ли, поэзия ли, драма — непременно исследует человека. Хороший вклад в развитие этой традиции внесла и Лидия Чуковская.

Ну, а то, что у нас нет еще своего Конан-Дойля или Честертона, или Агаты Кристи, или Сименона, — не беда. Вот очистится маленько российский воздух — непременно и такие появятся!

● КНИГИ

О социалистической системе хозяйства

I

В 1969 году в двух западных издательствах вышла книга бывшего заместителя председателя правительства ЧССР Ота Шика, известного деятеля чехословацкой экономической реформы, прерванной в результате агрессии стран Варшавского договора, — «Факты о состоянии чехословацкого народного хозяйства» (во французском издании название ее изменено). Книга содержит шесть выступлений автора по чехословацкому телевидению, сделанных им незадолго до оккупации, и снабжена введением, написанным уже после августовских событий. Немецкое издание снабдило книгу наглядными диаграммами, списком источников и алфавитным указателем.

Ota Šik. „Fakten der tschechoslowakischen Wirtschaft“. Verlag Fritz Molden, Wien — München — Zürich, 1969, 140 Seiten. Aus dem Tschechischen übertragen von Jiří Stárek.

Ota Šik. „La vérité sur l'économie tchécoslovaque. En toute liberté“. Ed. Fayard, Paris, 1969, 144 pages. Traduit du tchèque par Ilios Yannakakis.

Большая часть книги посвящена описанию экономического тупика Чехословакии, в котором она оказалась в результате последовательного проведения в жизнь принципов социалистического, полностью огосударственного и планируемого народного хозяйства и для выхода из которого необходима была реформа. Основное внимание уделено: общей структуре народного хозяйства в ЧССР, характеристике производства; характеристике торговой системы; уровню жизни; системе управления народным хозяйством. Последняя, шестая, глава посвящена перспективам на будущее в результате проведения намеченных и начатых реформ.

В первых пяти главах автор старается не выходить из рамок народного хозяйства ЧССР, не обобщать рисуемую им картину на социалистическое плановое хозяйство вообще, а приписывать недостатки главным образом личным качествам, некомпетентности, неповоротливости и консерватизму догматиков, стоявших во главе КПЧ и тем самым во главе руководства народным хозяйством. Но если читатель знаком с народным хозяйст-

вом других социалистических стран, в особенности Советского Союза, то он увидит, что все, что рисует проф. Шик, характерно для любой из этих стран.

Отсюда напрашивается вывод (от которого воздерживается автор), что порочность системы хозяйства ЧССР — не только следствие особенностей партийного руководства КПЧ, а типична для всех систем, создаваемых компартиями. Чехословацкое развитие в 1968 году, очевидно, было неустойчивым отклонением, аномальной флуктуацией по сравнению с нормальным развитием коммунистического общества.

Впрочем, и без обобщающей формулы автор, говоря о системе формирования руководства экономикой в социалистической Чехословакии, подтверждает наш вывод. Описывая развитие методов управления социалистической промышленностью, проф. Шик наглядно изображает, как после первоначальных попыток планирования, на базе компетентных решений и демократического подхода, происходило постепенное, но интенсивное вытеснение опытных и знающих дело руководителей народного хозяйства и замена их функционерами некомпетентными, но послушными партии. Определенная аналогия имеется тут с процессом, протекавшим в СССР в период ликвидации нэпа, с той разницей, что в ЧССР это происходило не в столь кровавой форме.

Проф. Шик рисует также возможные, по его мнению, формы демократического управления народным хозяйством при «социализме с человеческим лицом». Главным образом, он выдвигает идею создания непосредственно на предприятиях производственных рабочих советов, играющих роль, схожую с ролью «контрольных советов» в акционерных обществах западного мира. Функции же общего перспективного планирования должны, по его мнению, в основном перенять «экономические советы экспертов», действующие как национальные комитеты, т. е. в определенной мере как независимые общественные организации. При этом автор отмечает, что отстройка этих форм социалистического самоуправления уже начата и находится на разных предприятиях в различных стадиях осуществления (это относится, конечно, к периоду до 21 августа 1968 года).

Описанное проф. Шиком дореформенное хозяйство ведет к отставанию уровня жизни населения от общего роста в индустриальных странах Запада. Это ярко демонстрируется

цифрами. Если Чехословакия еще в 1956 году по интенсивности жилищного строительства стояла на тринадцатом месте, то через пять лет она сошла на восемнадцатое место, а в 1965 году даже на двадцатое. Еще более разительна картина падения уровня медицинского обслуживания населения — «бесплатной социалистической медпомощи». По уровню финансирования этой помощи на душу населения Чехословакия, высокоразвитая индустриальная страна, сошла из числа обследованных 23-х стран на предпоследнее место, оказавшись только впереди Танганьики.

Не менее яркую картину дают приводимые проф. Шиком сведения об уровне механизации работ. Процент механизации вспомогательных работ в промышленности составляет в Чехословакии 20%, — против 80% в США или Западной Германии. Энерговооруженность в сельском хозяйстве в Чехословакии в 24 раза ниже, чем в США, в 8 раз ниже, чем в Западной Германии и почти в пять раз ниже, чем во Франции.

В последней главе автор рисует перспективы, открывающиеся в случае осуществления намеченных реформ. Нам кажется, что автор здесь все же недооценивает масштабов разрушения нормального хозяйства страны социалистическим хозяйствованием, а также усилий и трудностей, необходимых для их преодоления. Мы полагаем, в частности, что перераспределение трудящихся в связи с восстановлением нарушенных межотраслевых пропорций будет иметь большие масштабы и может сопровождаться временной безработицей. Мероприятия по ее преодолению, по организации помощи пострадавшим от нее должны быть предусмотрены в планах реформ. Автор также недоучитывает необходимых масштабов возрождения личного предпринимательского сектора, необходимого для оздоровления структуры народного хозяйства. И наконец, самое важное, — систематическое и последовательное проведение экономической реформы в той мере, как рисует автор (с отделением экономики от партийного влияния и устранением партии от непосредственного управления экономикой), неизбежно приводит к ликвидации режима однопартийной диктатуры — к ликвидации монополии ее политической власти. Можно усомниться в том, что возглавление партии на это пошло бы и что и без вмешательства стран Варшавского договора, во главе с СССР, не произошло бы столкновения реформаторов с догматиками. То есть не обязательно ли применение наси-

лия при переходе от режимов с «нечеловеческим лицом», к режимам с «человеческим лицом», вернее — к правовому государству?

Автор говорит, что осуществление «социализма с человеческим лицом» возможно и без ломки политической системы и что реформаторы не перестают быть социалистами в марксистском понимании этого термина. Мы скорее склонны думать, что доводить идеи, изложенные автором, до логического конца невозможно без необходимости в какой-то момент коренного переворота.

Введение к книге написано после насильственного прекращения реформ и по уходе автора из Чехословакии. Во введении автор еще раз обосновывает необходимость и разумность начатых экономических реформ и отвечает на начатую против него в странах Варшавского пакта кампанию. Он вскрывает всю ее несостоятельность и замену экономических аргументов личными нападками.

Хотя мы и не согласны с некоторыми политическими оценками автора, но считаем его книгу весьма ценной для изучения подлинной картины социалистической экономики и рекомендуем ее каждому, кто интересуется этими вопросами.

II

«Экономическое вырождение в Восточной Европе» — так назвал свою книгу югославский экономист словенец *Любо Сирц*. Автор родился в 1920 году; в 1943 году, во время войны, окончил университет в Любляне и присоединился к отрядам Тито. В 1947 г. был арестован и пробыл в заключении у того же Тито семь с половиной лет. В 1955 году ему удалось уйти в Италию. В 1960 году он заканчивает дополнительно экономический факультет Фрибурского университета, в Швейцарии. Затем переезжает в Англию, где главным образом работает над проблемами экономики коммунистических стран, прежде всего Югославии.

Указанная книга анализирует происходящие в последнее время процессы в экономике стран Варшавского блока, в особенности в Чехословакии. Л. Сирц проводит анализ, сопоставляя параллельные процессы в коммунистических странах Варшавского блока и Югославии.

Ljubo Sirc. Economic Devolution in Eastern Europe. Longmans, Green and Co Ltd. London and Harlow, 1969. 165 pp.

При этом обнаруживается сходство и параллелизм процессов. Наиболее догматические из социалистических стран вынуждены заниматься теми же проблемами, что и реформистские. А в наиболее реформистских наблюдаются почти те же явления, что и в догматических: все реформы останавливаются на определенном политическом рубеже, через который еще ни один ревизионист, ни один догматик перейти по доброй воле не рискнул.

Во введении к книге говорится о причинах, приведших к необходимости реформ в Советском Союзе и в ЧССР, и о результатах этих реформ. Глава «Планирование для утопии» говорит о целях планирования экономики в коммунистических странах. Погоня за ростом объема производства в соответствии с толкованием Маркса ведет к возникновению непоправимых диспропорций в народном хозяйстве этих стран. В рыночном хозяйстве западного мира, благодаря действию конкуренции, рыночных цен и неограниченных возможностей обмена, происходит постоянное выравнивание напряжений и диспропорций. В следующей главе автор говорит о характерной черте коммунистического, или социалистического, народного хозяйства: «жертва настоящим во имя будущего».

Центральная глава книги — четвертая, в ней автор говорит о путях, которыми пытаются выйти из создавшихся трудностей социалистические страны. Заглавие ее символическое: латинскими буквами написаны русские слова «Что делать?». В ней автор говорит о попытке возврата социалистических экономистов и возглавителей народного хозяйства к понятию прибыли как основного регулятора экономики. Он разбирает предложения советского экономиста Либермана, переходит к косыгинской реформе, говорит о прерванной интервенцией реформе в Чехословакии и о положении в Югославии. Общий дефект всех этих попыток — их половинчатость, боязнь передачи процесса ценообразования свободному рынку.

Попутно автор отмечает парадоксальное явление: в то время как марксистские экономисты коммунистических стран в принципе реабилитируют понятие прибыли и ищут путей возврата к ней, как регулятору экономики, в свободном мире и католическая, и либеральная экономическая мысль в настоящее время осуждают «профитный» принцип и ищут пути исключения его из социально-экономических факторов. Автор отмечает не-

обоснованность такого осуждения. Прибыль есть понятие экономическое, а не морально-этическое; прибыль означает, что предприятие производит больше, чем затрачивает. Аморальной может быть не сама прибыль, а методы ее получения или распределения.

Дальнейшие главы книги Л. Сирца посвящены анализу отдельных вопросов ценообразования, соотношения рынка и плана, внешней торговли и внешнего торгового баланса, и опасностям инфляции и временной безработицы в период перестройки социалистической экономики на более свободную и эффективную. Отметим, что одно из главных обвинений, бросаемых нынешним руководством ЧССР проф. Шику, — это обвинение в том,

что своими реформами он вел страну к безработице. По-видимому, в период перестройки безработица, действительно, возможна; следует это предвидеть и пытаться принимать заранее соответствующие меры.

Общие выводы, к которым приходит Любо Сирц: необходимо развязать руки индивидуальной инициативе; создать мелкие частные предприятия, найти правильное соотношение между общественным и индивидуальным личным предпринимательством, возобновить действия экономической машины, то есть рыночных отношений, свободной конкуренции, в том числе и иностранной. Главное же — обеспечить демократическое правовое развитие страны, без чего, по-видимому, невозможно решение и проблем народного хозяйства.

Книга Л. Сирца — ценное пособие при изучении экономических процессов при социализме во всех его разновидностях.

*

Обе рецензируемые книги приобретают дополнительный интерес в связи с тем, что в СССР начались снова острые нападки на проф. Шика и чехословенскую экономическую реформу. Эти нападки можно расценивать как признак того, что работники, занятые проведением косыгинской экономической реформы и видящие ее недостаточность и бесплодность, начинают думать о поиске других путей и обращаются, в частности, к чехословацкой модели проф. Шика, идущей значительно дальше, чем это допускается сейчас в СССР, и поэтому обещающей большие возможности раскрепощения экономики. Тупик косыгинской реформы находит отражение во множестве публикаций в советской прессе, ограничивающихся, естественно, только отдельными самокритическими высказываниями по отдельным предприятиям или ведомствам и не затрагивающих систему в целом.

Поиски более радикального решения, а особенно обращение к чехословацкой модели, сегодня кажутся возглавителям КПСС вольнодумством и ересью, а возможно будут рассматриваться и просто как преступление против существующего строя, и в будущем мы можем ожидать не только статей против теории проф. Шика, но и судебных процессов против его последователей в Советском Союзе.

С. КИРСАНОВ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ

ГРАНИ № 83

Содержание

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Д. Л. — Крест. Рассказ

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ — Стихи

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ — Государственный
житель. Рассказ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ-АГАТОВ
— Арестантские встречи

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛЮДМИЛА КЛЕЙМАН — Заметки о
«Раковом корпусе» А. Солженицына

ТЕМИРА ПАХМУС — Замолчанное
произведение Зинаиды Гиппиус

ЗИНАИДА ГИППИУС — Роман о
мистере Уэллсе

ФИЛОСОФИЯ · ПУБЛИЦИСТИКА

Д. РУДНЕВ — Встреча с Розановым
МИЛОВАН ДЖИЛАС — Отчуждение
в природе человека

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ — Джилас
против Маркса

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Столыпин. Две ценные книги о психотюрьмах. — Ю. Трегубов. Подконвойный мир. —

С. К. Письмо в редакцию: Хрущевские разоблачения и смерть Орджоникидзе.

Список книг, поступивших в редакцию

Обращение издательства «Посев»

Без цензуры

Английское издание «Хроники текущих событий», том 1

Зарубежная русская печать давно уже подробно и полно знакомит своего читателя с поразительной документацией «Хроники текущих событий». Неоценимые заслуги в этом деле имеют «Посев», «Грани» и теперь «Вольное слово». Поэтому вполне закономерно, что талантливый, динамичный и молодой английский ученый Питер Реддавей, который уже давно отличается в регулярном освещении материалов из «Хроники» в английской печати, издавая свой труд «Нецензурированная Россия»*, содержащий 11 первых выпусков «Хроники», главным образом и ссылается на «Посев» и «Грани».

Наконец западный читатель может обратиться к полному изданию «Хроники», этого обильного потока материала, без которого объективный и серьезный анализ общественно-политического состояния нашего общества, а также партийной диктатуры, стал буквально немыслим. Считаю излишним широко цитировать английское издание «Хроники», так как материал достаточно известен посевскому читателю. К тому же теперь вышел уже 24-ый выпуск «Хроники».

Три редких качества отмечают книгу Реддавея. Во-первых, ценнейшие и редчайшие фотоснимки (их всего 76) известных представителей демократического движения, включая фотографии, заснятые в лагерях, местах ссылки и в психиатрических клиниках. Большинство этих снимков читателям «Посева» знакомы, но, собранные воедино, они оставляют очень сильное впечатление. Во-вторых, очень ценная вступительная статья самого составителя и удачное предисловие Юлия Телесина, активного борца за демократические права в России, который в 1970 году выехал в Израиль. В-третьих, существенные примечания, в сжатой форме содержащие меткие характеристики лиц и авторов книг, статей, обращений и меморандумов, о которых повествуется в «Хронике».

Без этого дополнительного аппарата западному читателю трудно было бы разобраться в обильных событиях и бесчисленных фактах, о которых идет речь. Кроме того, дается необходимая информация о книгах на английском языке, об авторах демократического движения или Самиздата.

Особо следует выделить вступительную статью П. Реддавея. С присущей ему английской деловитостью и объективным подходом, лишенным всякого пафоса, составитель обосновывает необыкновенное значение «Хроники», как фактора ознакомления с реальными течениями общественной мысли в России, которые, охватывая всего несколько тысяч представителей (главным образом интеллигенции), стали мощным рупором общественных требований народа и носителями новых идей.

Автор особо подчеркивает главную мысль Петра Якира, удачно сформулировавшего идею о необратимости процесса самоосвобождения народа. Красной нитью проходит она через всю «Хронику», создавая канву, по которой кровавыми буквами пишется история борьбы за свободу, за человеческие права. Специально для западного читателя развивается история зарождения Самиздата, его взаимосвязь с демократическим движением. Верно отмечено, что борьба против возрождения сталинизма, за строгую законность, за реабилитацию жертв террора является точкой опоры, на которой постепенно строятся и развиваются принципы демократического движения.

Несомненно также, что сдержанный, деловой тон информации в «Хронике» более сильно действует на читателя, чем эмоциональные излияния о гонениях и преследованиях. Как известно, демократическая оппозиция в России упорно и непреклонно борется за гласность, за неукоснительное соблюдение законности и конституционности.

Без уважения прав всех народностей России, без религиозной терпимости невозможно свободное сожительство и развитие всех наций России. И если демократическое движение носит, в первую очередь, реформистский характер, то это отнюдь не исключает,

* „Uncensored Russia“. The Human Rights Movement. The Annotated text of the unofficial Moscow Journal „A Chronicle of Current Events“. Edited and with an introduction by **Peter Reddaway**. Jonathan Cape Ltd, London, 1972.

что при накале общественного напряжения и при сознании бесцельности ожидания каких-либо существенных уступок власти, оно перейдет в идейно-революционную фазу.

Правилен и практичен метод, по которому работал составитель. Он сгруппировал, разбросанные по отдельным выпускам «Хроники», документы по определенным темам. Это дает возможность сконцентрировать факты, облегчает подачу комментариев и упрощает пользование примечаниями. Общие положения, связывающие все выпуски «Хроники», автор характеризует как преодоление страха и колеблющуюся реакцию власти. Этой теме посвящены две главы. Отношение советского общества к демократическому движению, в котором принимает участие жертвенно и идейно настроенная часть интеллигенции, хотя и выжидательное, но в общем, можно утверждать, положительное. Больше всего режим несомненно боится смычки демократического движения с широкими массами трудящихся. Отрадно отметить, что растет участие в движении студенчества и молодежи. Страсть к правдивой и точной информации, неискаженной казенщиной, должна в конце концов преодолеть всю гамму еще довлеющей инерции.

Нужно согласиться с составителем, что в итоге демократическое движение не захирет, не растворится в безвоздушном пространстве. Конечно, в данный момент довольно трудно предвидеть, какие изощренные формы примут натиски партийной власти. Однако, при росте гласности, методы устрашения и преследования должны притупляться, терять свою силу, изматываться.

Медленно, но уверенно растет влияние демократического движения в стране. И даже если власти удастся, применяя насилие и террор, этот процесс временно приостановить, то он разовьется вновь, так как в русском народе живы стремления к свободе и воля к борьбе за освобождение.

Увы, на Западе о демократическом движении знают еще слишком мало! Еще сильны наивные фактопоклонники, которые глухи к потрясающим известиям о стойких борцах за свободу, к их страданиям и жестоким преследованиям. Им непонятно мужество издателей и редакторов «Хроники», им легче разносить лживую советскую информацию. Они равнодушны к судьбе Солженицына, их не трогает участь Марченко, не интересует выступление Литвинова, шельмование Синявского и Даниэля, отпор Чорновила, страстная

защита религиозных прав Левитиным или трагедия генерала Григоренко. Для вправления мозгов фактопоклонникам, а также для широкой публики, ищущей объективной и правдивой информации о внутренних, глубинных процессах, зреющих в нашей стране, нужна книга Реддавея.

В рецензируемом сборнике — семь частей, разбитых на двадцать глав. В первой части находим отражение высказываний авторов «Хроники» о себе. Вторая разбирает дела, связанные с процессами Синявского и Даниэля, и Галанского и Гинзбурга. Тут же вопрос о вторжении советских войск в Чехословакию, процесс демонстрантов и дело офицеров Балтийского флота. Третья, весьма удачно озаглавленная часть, посвящена «Движению в неволе», то есть делу Марченко, местам ссылок, тюрьмам и психиатрическим больницам. В четвертой части расположены сообщения о борьбе отдельных народов за свои права — дела крымских татар, украинцев, евреев и религиозное сопротивление. Пятая часть воссоздает дело Солженицына, говорит о Самиздате. В шестой части собрана обширная информация из провинции, из разных городов. Она неопровержимо доказывает, что сторонники движения разбросаны по всей стране. Они действуют не только в Москве и Ленинграде, но и Свердловске, в Новосибирске, в далеком Магадане, Караганде, в национальных республиках. Седьмая часть говорит о барьерах, препятствиях, которые стоят на пути движения; о возрождении сталинизма, о цензуре, о всем аппарате подавления и преследования инакомыслящих властью.

«Хроника» регистрирует весь спектр различных мнений, идеологий в общественном движении от ультраправых, до несправедливо ультралевых.

Реддавей предлагает читателю документацию, анализ и оригинальные фотоснимки. Его книга заслуживает пристального изучения на Западе. Такого внимания вполне заслужили герои-борцы за свободу в России. Книга стоит 5 фунтов стерлингов, так что очень желательно ее издание массовым тиражом карманного формата за более доступную цену. Будем ждать также второго тома.

Между прочим, все крупные английские газеты дали лестную оценку книге. Это — существенная поддержка ее распространению, которое поможет русскому делу на Западе.

М. МИРОНОВ

Своевременные мысли

«Ленин и Троцкий и сопутствующие им уже оправились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия».

«Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции», — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции».

«Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат».

Кто это пишет? Антикоммунист? Эмигрант?

Нет, слепым фанатиком, бессовестным авантюристом, безумцем называет Ленина великий пролетарский писатель, основоположник социалистического реализма — А. М. Горький в статье «К демократии», опубликованной через две недели после Октябрьского переворота, 20 ноября 1917 года, в газете «Новая жизнь».

Газету эту Горький издавал и редактировал в Петрограде с 1 мая 1917 г. до июля 1918 г., когда она была закрыта по распоряжению Ленина.

В серии статей «Несвоевременные мысли» Горький обличал большевиков и лично Ленина.

Позже, с начала 20-х годов, Горький, человек непостоянный, стал славословить Ленина, но в 1917-18 годах обличал его беспощадно.

В номере «Новой жизни» за 5 января 1918 года он писал о большевиках, захвативших власть:

«Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая небыточные, неосуществимые в условиях действительности, надежды и инстинкты темной массы, они изолируют пролетарскую, истинно социалистическую, сознательно революционную интеллигенцию, — они отрывают у рабочего класса голову».

В номере за 9 апреля 1918 года повторял, что «бесшабашная демагогия большевизма, возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение чужих людей в родной среде», что «советская политика — предательская политика по отношению к рабочему классу».

Горький хорошо знал большевиков, поэтому еще до захвата ими власти, 18/31 октября 1917 года, писал:

«Всё настоящее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3-5 июля».

«На улицу выйдет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции».

25 октября (7 ноября) 1917 года авантюристы, воры, профессиональные убийцы захватили власть, вцепились в нее, вот уже полстолетия «творят историю», строят на крови и костях миллионов людей коммунизм, поэтому так актуально звучит обличительное слово Горького, поэтому так своевременно выпущен сборник его статей*).

Составил сборник профессор Принстонского университета (США) Г. С. Ермолаев, сам бывший советский гражданин.

Сборник издан карманным форматом, что облегчает его пересылку — разными путями — в СССР.

✱

Г. С. Ермолаев, в обширном введении к сборнику, указывает, что ни одна статья Горького из газеты «Новая жизнь» никогда и нигде в СССР не перепечатывалась. Советские ученые, работающие над горьковским наследием, либо полностью замалчивают серию статей «Несвоевременные мысли», либо дают отрывочное, искаженное представление о них.

Так, в 1958 году в издании Академии наук вышел сборник под названием «В. И. Ленин и А. М. Горький». Составители выбрали всё положительное из того, что писал Горький о Ленине, но ни одним словом не упомянули статьи из «Новой жизни», где Горький целый год обличал большевиков и лично Ленина — фанатика, безумца, авантюриста, врага рабочего класса.

В объемистой книге А. Овчаренко «Публицистика М. Горького» (Москва, 1965) автор упоминает о нескольких антибольшевистских статьях Горького, но не решается их цитировать.

Статьи Горького в «Новой жизни» вызывали приступы ярости и у самого Ленина, и у его окружения.

«Правда» и другие большевистские газеты набрасывались на Горького, прибегая к тем подлым приемам в полемике, что свойственны советской печати и нашего времени.

Редакции «Правды» и редакциям других большевистских газет Горький отвечал:

«Ваши клеветнические и грязные выходы против «Новой жизни» позорят не ее, а только вас».

✱) **Максим Горький. «Несвоевременные мысли».** Статьи 1917-18 гг. Составление, введение и примечания Г. Ермолаева. Edition de la Seine, Paris 1971.

Бессильные в полемике, большевики перешли к открытым угрозам, к насилию: в феврале 1918 года «Новая жизнь» была закрыта из-за статьи Суханова о Брестском мире, но через восемь дней Горький получил разрешение на дальнейшее издание газеты. В июне газета снова была закрыта на несколько дней, а 16 июля того же 1918 года, по распоряжению Ленина, издание «Новой жизни» было прекращено.

Газета «Новая жизнь» прекратила свое существование, но остались статьи Горького, и теперь, через полстолетие, обличающие преступный режим слепых фанатиков и бессовестных авантюристов, безумцев и профессиональных убийц.

Владимир САМАРИН

Интеллигенция в царской России

Эта содержательная работа предназначена для читателей из советской интеллигенции. Но при ее чтении приходим к выводу, что она может оказаться «вредной», с коммунистической точки зрения, книгой. Цель автора — показать, как правительство царей Александра Второго, Александра Третьего и юного Николая Второго (1856—1900 гг.) преследовало интеллигенцию.

Во введении разбираются всевозможные определения самого термина «интеллигенция», добросовестно цитируются десятки авторов и принимается определение основателя итальянской компартии Антонио Грамши: «интеллигент — человек, профессия которого выражается в умственном, не физическом труде, доставляя ему заработок, с которого он живет». Затем принято определение того же Грамши, что капиталисту при развитии промышленности нужен образованный инженер, юрист или врач, которые обслуживают его предприятие, получая от него вознаграждение. Таким образом, интеллигент становится образованным приказчиком капиталиста, его штаб-офицером при армии рабочих, им эксплуатируемых.

Далее в первой главе показано, как самодержавие формировало свою интеллигенцию из детей малообеспеченного духовенства, из детей рабочих и ставших с 1861 г. свободными крестьян — для обслуживания нужд растущей промышленности. Из них выросла потом революционная, боровшаяся против

монархии интеллигенция. Отсюда советский читатель может заключить, что доступ к образованию не был закрыт для низших классов монархического режима.

Вторая глава приводит статистические данные о числе студентов, становившихся по получении диплома интеллигентами. Обилие таблиц показывает, что за эти полвека число и процент дворян сокращались, а возростал процент «разночинцев». Автор говорит, что большинство окончивших среднюю школу ею и ограничивалось, ибо система преподавания затрудняла для малоимущих поступление в высшую школу, но те же таблицы показывают, что лучшие из гимназистов поступали в высшую школу и приобщались к интеллигенции. Получался естественный отбор: слабые гимназисты шли в приказчики, писаря, становились торговцами, а более способные — одолевали университеты и высшие технические учебные заведения. Число инженеров, врачей, юристов, преподавателей средней школы и профессоров неизменно росло, обгоняя средний прирост всего населения.

Следующие главы (от третьей до седьмой) прослеживают рост интеллигенции среди чиновников, офицеров, духовенства, инженерно-технических кадров, медиков, учителей средней школы, работников науки. Везде в этих слоях населения растет общее число лиц с высшим образованием, и при этом растет среди них процент выходцев из сельского малообеспеченного духовенства, детей техников, фельдшеров, приказчиков, даже рабочих повышенной квалификации. Словом, интеллигенция демократизируется, хотя автор пытается уверить, что правительство этому препятствует.

Очень интересна глава седьмая о «работниках науки»; автор цитирует Д. И. Менделеева (1882 г.): «университеты снабжены достаточным числом избранных лиц, могущих развивать науку». Лейкина пытается доказать, что мало было ученых среди правящей бюрократии, но сама себя опровергает рядом примеров, указывая на пусть реакционных, но таких деятелей, как Победоносцев, Потебня, Владиславлев и ряд других, имевших крупные научные труды по своим специальностям. Бюрократия обладала образованными кадрами (как и теперь, правящая в СССР элита состоит не из рабочих и крестьян, а из лиц, имеющих диплом высшей школы).

Весьма слабо звучит довод, что инженеры и техники обслуживали капиталистов; ведь

продукция промышленности обслуживала государство: поездами и пароходами, одеждой и обувью, любыми машинами пользовался весь народ.

Любопытно, что узнают читатели из главы о печати. Наряду с реакционными «Гражданином» (который редактировал одно время Достоевский) и «Новым временем» выходили либеральные «Голос» и «Русская мысль». Были закрыты «Отечественные записки» в 1884 г., но при «реакции» продолжали выходить «Вестник Европы» и «Русское богатство», где сотрудничали народники и марксисты. Очень интересны данные о высоких гонорах марксистских журналов, которые автор сравнивает с профессорскими. В Казани, Самаре, Ростове выходили газеты марксистского направления; редакторы платили штрафы, но продолжали их выпускать. О такой свободе печати, как при реакционном Александре Третьем, не смеют мечтать теперь оппозиционные группы. Никого в те годы не постигала судьба Синявского, Даниэля или Бродского.

Последние две главы говорят о «просветительной» (т. е. антиправительственной) деятельности интеллигенции и ее участии в революционном движении. Восхваляется педагогическая работа Ильи Николаевича Ульянова, дан его снимок, как и группы основателей Высших женских курсов и либеральных профессоров, снимок самого «Ильича» в группе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1895 г., говорится о революционной работе молодых Ленина, Красина, Воровского (организовал манифестацию в день коронации Николая Второго), о терроре «Народной воли» (подчеркивая, что это была интеллигентская группа), о студенческих волнениях, о забастовках на крупных заводах — и читатели узнают, что «мрачная реакция» той эпохи была райской свободой по сравнению с современной. Это ли хотела Лейкина-Свирская показать?

Ф. ДАНИЛОВ

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОТЗЫВ

Петр Якир. *Детство в тюрьме.* Мемуары. Macmillan, London Ltd, 152 стр.

«Український вісник». Випуск III. Жовтень 1970. В-во «Смолоскип» ім. В. Симоненка. Балтимор 1971. 116 стор.

«Український вісник». Випуск IV. Січень 1971. В-во «Смолоскип» ім. В. Симоненка. Балтимор 1971. 188 стор.

Михайло Осадчий. «Більмо». Автобіографічний нарис. В-во «Смолоскип» ім. В. Симоненка. Балтимор 1971. 205 стор.

● ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Л. С. АЙДИНОВ

14 января 1972 года в Монреале (Канада) умер Леонид Семенович Айдинов.

Родился он 9 июля 1901 года в Екатеринодаре (Краснодаре), в эмиграции с 1920 года, получил политехническое образование, работал конструктором-строителем. В начале тридцатых годов вступил в НТС, был председателем Отделения в Прилепе (Македония). После войны с 1949 по 1953 год сидел в югославской тюрьме (где занимался пропагандой НТС и солидаризма).

В 1955 году уехал в Италию, где был представителем НТС. Потом переехал в Канаду, всегда участвовал в работе НТС на Россию.

Г. Г. РУНГЕ

11 февраля 1972 года в Нью-Йорке (США) умер Георгий Георгиевич Рунге.

Он родился 3 августа 1896 года в Петербурге, окончил Первый кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, учился также в Киевском политехническом институте. Боролся против большевистской диктатуры в рядах Белой армии, эвакуировался в 1920 году в Галлиполи, потом жил и работал в Сирии и Ливане, работал в качестве инженера-гидравлика и топографа.

В пятидесятых годах был представителем НТС на Ближнем Востоке, в начале шестидесятых годов уехал в США. До последних дней вел активную работу в НТС, был председателем Ревизионной комиссии Северно-Американской организации Союза.

С 1955 по 1960 год был представителем издательства «Посев» на Ливан, Сирию и Ирак.

Ю. А. ГЕРЦОГ

27 апреля 1972 года в Вашингтоне (США) скоропостижно скончался от сердечного приступа Юрий Алексеевич Герцог.

Покойный родился 11 мая 1913 года в Петербурге. В раннем детстве, после гражданской войны, уехал с родителями в Югославию, окончил русскую гимназию в Белграде, а затем Белградский университет (лесоводческий факультет), работал по специальности.

С самого начала состоял в НТС, занимался идеологической работой, сотрудничал в союзной газете «За Россию».

Во время войны, по заданию НТС, был в России. В конце войны оказался в Италии, в 1948 году эмигрировал в Аргентину, где работал по специальности, сотрудничал в «Посеве» (в 1953 году приехал работать в центральный аппарат НТС во Франкфурт, но через год работы вынужден был вернуться в Аргентину из-за паспортных трудностей). В 1955 году вышел из НТС, но сохранил лояльные отношения с организацией.

В 1963 году переехал с семьей в США, поступил в Джорджтаунский университет (Вашингтон) в аспирантуру по русской литературе, получил степень магистра. С 1965 года работал в «Голосе Америки».

Выпустил две книги поэмы-трилогии «Эпопея» — о жизни одной русской семьи до, во время и после революции.

● РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

25-летие «Русской мысли»

18 апреля газета «Русская мысль» (Париж) отметила свой 25-летний юбилей. Газета возникла в 1947 году, в трудное для эмиграции время, когда во Франции, как и вообще на Западе, были сильны просоветские настроения. Основатели газеты добились лицензии при поддержке конфедерации французских христианских профсоюзов, но им пришлось вложить много личных сил и средств, чтобы вести издание.

Основателями газеты были: В. А. Лазаревский — юрист, журналист и переводчик, еще студентом Киевского университета сотрудничавший в киевской прессе; В. Ф. Зеелер — бывший земский деятель, а в эмиграции генеральный секретарь Союза писателей и журналистов; В. В. Полянский — бывший военный, георгиевский кавалер, в эмиграции общественный деятель, администратор, хозяйственный; С. А. Водов — юрист, журналист и общественный деятель, украинского происхождения, но русской культуры, начавший сотрудничать в газетах еще в родном городе Одессе.

В первое же десятилетие умерли трое из них: В. А. Лазаревский (в августе 1953 года), В. Ф. Зеелер (декабрь 1954) и В. В. Полянский (апрель 1955). Газету повел Сергей Акимович Водов, который оставался издателем и редактором в течение тринадцати лет, до самой его смерти (18 мая 1968 года).

С июля 1967 года «Русская мысль», выходявшая тогда три раза в неделю, была преобразована в еженедельное издание на 12 больших страницах, какой она и остается по сей день. После смерти С. А. Водова газету редактирует журналистка и писательница З. А. Шаховская.

Газета имеет широкое распространение в разных странах мира, особенно европейских. В ней освещаются международные события, жизнь в коммунистических государствах, особенно СССР, много материала из области отечественной и мировой культуры, дается широкая информация о жизни и деятельности русской эмиграции.

● ПИСЬМА

ПУГАЮЩИЙ ИЛИ ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЙ?

Уважаемый редактор!

Меня, как одного из авторов опубликованного в апрельском номере «Посева» «Письма пяти» в лондонскую «Таймс», очень и очень огорчил предпосланный ему редакционный комментарий. Некоторые, весьма категоричные выводы редакции вызывают по меньшей мере недоумение.

Вероятно, какую-то роль в превратном толковании текста могли сыграть неизбежные при обратном переводе потери: сумма стилистических неточностей порождает и смысловое несоответствие. Сейчас я получил возможность предоставить редакции копию авторского текста «Письма пяти».

Следует всё же признать, что даже явные погрешности двойного перевода не в силах в корне изменить его содержание, и, если суть «Письма» именно так понята редакцией, стало быть, имелись к тому веские основания.

Печально. Попытаюсь изложить мотивы, побудившие меня подписаться под этим письмом.

Укоризненно горький, подкрепленный тревожными фактами упрек российской интеллигенции, попытка пошатнуть её преступную инертность и вместе с тем возможность на этом фоне еще раз напомнить миру об опасности назревающей ситуации — вот как виделся мне пафос «Письма пяти».

Да, тон документа отнюдь не оптимистический. Наблюдаемые в последнее время угрожающие тенденции карательной политики властей, интенсивность развертываемой в прессе злобной пропагандистской кампании, рост рядов безответственной интеллигенции — всё это не могло не вызвать глубокого беспокойства за судьбы остающихся в России единомышленников. «Прощальный» характер «Письма» тоже не настраивает на мажорный лад. Можно не объяснять, что перспектива покинуть родину для каждого из нас достаточно трагична.

Наш документ мог показаться «страшным». Но почему «пугающим»? — Документ этот, с моей точки зрения, **предостерегающий**.

Да, «поворот руля» внутриполитического курса властей таит для раскрепостившейся части общества опасность утраты тяжко завоеванных позиций. Но ведь уже в начальных строках «Письма» данный исторический момент констатируется как «отлив», за которым по логике вещей рано или поздно следует ожидать очередного «прилива». Вот когда он наступит и какою ценою, скольких еще достойнейших людей России поглотят казематы «психушек», лагерей и тюремных застенков — вопрос для нас далеко не безразличный. И в преддверии выезда из страны мы не допускали мысли снять с себя ответственность за ее будущее.

Смею надеяться, что этот комментарий и полученная теперь редакцией копия оригинала письма в «Таймс» даст возможность оценить наш документ более позитивно.

Юрий Штейн

Италия, май 1972.

От редакции: Мы рады возможности напечатать отклик одного из авторов «Письма пяти» в редакцию «Таймс». Это тоже ново: мы печатаем самиздатский документ, а откликается один из авторов из-за границы! Мы благодарны за русский текст «Письма», но не будем его еще раз печатать: он лишь незначительно расходится с напечатанным нами переводом с английского и не перевод повел к тому, что автор называет «превратным толкованием». К тому же, формально оригинал «Письма» в «Таймс» — английский, отчего мы и не сделали обычной ссылки, что даем текст в переводе.

Мы, конечно, сожалеем, что автора огорчил наш комментарий, но мы думаем, что автор ошибается, видя в нашем тексте «превратное толкование». В «Письме пяти» мы увидели не только документ борьбы, но и акт борьбы, и не сделали авторам никакого упрека за его написание. Автор говорит о «предостерегающем» характере «Письма», мы же назвали его «пугающим». Но разве испугать не значит предостеречь?

Если наша оценка «Письма» чем-то отличается от замысла авторов, то, может быть, в какой-то мере мы расходимся в оценке положения в стране, но никак не в целях и замысле «Письма». Нас пугает, что если худшие из предвидений авторов «Письма» исполнятся, то борьба примет другие формы и польется кровь. Авторы высказывают надежду, что этого не произойдет. Разве это не почти одно и то же?

«АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

...Пришла из России на Запад еще одна умная, в сердце рожденная, всей жизнью выношенная, книга Александра Исаевича Солженицына.

Это не только замечательное литературное произведение с богатым языком, а труд о России, о ее людях, о ее судьбе.

Прочитав «Август Четырнадцатого», невозможно остаться равнодушным или говорить только о таланте писателя, — книга зовет читателя решить: где ж мое место? Как я поступил бы тогда и поступлю сейчас? Читатель становится участником событий и судьей поступков героев книги. Пусть герои эти той — давней войны, но в ней, как в зеркале отразилось положение тогдашней России, а ее последствия мы видим до сих пор — в теперешней России.

Да, Россия жалко, до боли, до отчаяния. Столько гибло и гибнет наших людей — и все впустую, все напрасно.

Россия Богом не обижена, у нее есть не только хорошая земля, но и талантливые люди. Люди, думающие о будущем, люди, верующие в Бога. Люди с широкой и любящей душой, культурные, творческие, знающие, в чем настоящие ценности и как ими жить — «по строю души», как говорит молодым людям старик Варсонофьев. Жить с личной ответственностью каждого «за то, что он делает, и что делают при нем другие...», как сказала молодая профессор Андозерская своим курсисткам.

Горе охватывает читателя, что Россия не сберегла, потеряла навсегда обладателей... «тех бород доверчивых, тех дружелюбных глаз, тех неторопливых, не себялюбивых выражений...»

Невозможно читать о былых событиях, не своря их с нынешней жизнью в России. Невозможно симпатизировать молодым социалистам-ниспровергателям, хоть они горячи и искренни в своем заблуждении. Не о благе народа, не о будущем России они думали, а были ослеплены собственными эмоциями. Мы-то теперь знаем, чем это обернулось, какой «новый мир построили!»

Книгу эту надо перечитывать, останавливаясь на каждой странице, всматриваться в прошлое своей страны, искать правильный путь для будущего.

Дай, Боже, сил Александру Исаевичу закончить свой труд — такой необходимый в нашем мире, не живущем еще по строю души.

Марокко, апрель 1972 г.

А. И.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

«Брюссельскому читателю». Ваши интересные мысли, к сожалению, не могут быть напечатаны, так как редакция, как уже не раз сообщалось, не печатает анонимных писем. Подпись «Брюссельский читатель» допустима только, если редакции известны Ваше имя и адрес. Редакция нарушает иногда это правило, но только если речь идет о письмах из России.

Советским гражданам за границей, назвавшим себя «группой советских невозвращенцев». Дорогие друзья! Выполняя вашу просьбу, не публикуем

письма. За мысли о том, как помочь Солженицыну, — весьма благодарны. Хотя вы метко говорите о силе советской власти, но слаба она как раз тем, о чем вы и пишете. Ее слабость в том, что она, не в пример прошлым временам, вынуждена считаться с общественным мнением. В стране в большей мере — с мнением «влиятельных кругов», в меньшей — простых рабочих. За границей в большей — с мнением «Юманите», в меньшей — «Монд». С мнением «буржуазных газет» на Западе она вынуждена считаться, если протест слишком громок и решителен; с мнением рабочих Новочеркасска — если они, выведенные из себя, выходят на улицы.

Наши возможности влияния вы переоцениваете. «Поместить статью в «Юманите» или «снабдить «Юманите» материалом для статьи» мы не можем. Мы можем только содействовать созданию обстановки, в которой «Юманите» придется выступить в нужном смысле. То же с советской властью: не изменит она своей политики в результате нашего «подначивания». Она ударит по тем, кого считает своими врагами (в том числе и по Солженицыну), если увидит, что протест (во всех сферах, в стране и за границей) не будет слишком силен и не принесет ей слишком большого вреда. Наша роль — маленькая: помогать созданию обстановки, в которой ущерб власти от такого удара будет больше пользы.

✱

Редакция приносит свои извинения И. Агрузову за вынужденное сокращение его письма в редакцию (Посев № 4) и Л. Сергеевой за неполное согласование ее ответа (там же) с сокращенным письмом И. Агрузова.

ПОПРАВКИ К «ПОСЕВУ» № 5

В редакционном материале «Нагнетают кампанию клеветы» мы писали: «в Польше Солженицын замалчивается еще упорнее, чем в большинстве других социалистических стран, и даже «Один день Ивана Денисовича» в Польше опубликован не был». Проверка этой информации показала, что в Польше, действительно, не вышло ни одной книги Солженицына, однако еженедельники кое-что печатали. Так, в варшавской «Культуре» в 1963 году появился рассказ «Для пользы дела», в краковском «Жизне литературы» в 1966 году — «Захар Калита», а в еженедельнике «Политика» в 1969 году, только через семь лет после выхода оригинала, появился сильно сокращенный перевод «Одного дня Ивана Денисовича».

Таким образом, формально мы дали неправильную справку об «Одном дне Ивана Денисовича». О том же, в какой мере правильно наше утверждение о замалчивании Солженицына в Польше, пусть читатели судят сами.

Замена корректурной строчки исказила смысл первой фразы четвертого абзаца на правой колонке стр. 5. Звучать эта фраза должна: «Та часть советского народа, которая рвется к свободе, ищет опоры в национальной стихии своего народа».

Щ СЛУШАЙ НТС Щ

ЕЖЕДНЕВНЫЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ

В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

по московскому времени:

от 16 до 23 часов на коротких волнах в диапазонах 26 и 46,9 метра или 11,55 и 6,40 мгц.

В АЗИАТСКОЙ РОССИИ

по московскому времени:

в 5 час. 40 мин. в течение 20 минут на коротких волнах в диапазонах 7.150, 9.630, 11.905, 11.970, 15.280, 15.320 килогерц, на средней волне в диапазоне 600 килогерц, а также в 5.45 и 23.45 в течение 15 минут на короткой волне в 31,12 метра или 9,64 мгц.

Наш адрес: Постбус 902, Роттердам, Голландия
Postbus 902, Rotterdam, Nederland

«Посев» в Германии

ПРОДАЕТСЯ В ГОРОДАХ:

Baden-Baden, Sofienstr. 3
Bonn, Bundeskanzlerplatz B 210
Bremen, Sögestr. 29
Düren, Kölnstr. 7
Erlangen, Hauptstr. 4
Frankfurt/M., Hauptbahnhof
Frankfurt/M., Hauptwache
Hamburg, Hamburger Straße 43
Hamburg-Altona, Neue Grosse Bergstr. 18b
Heidelberg, Hauptstr. 42
Karlsruhe, Kaiserstr. 88
Nürnberg, Breite Gasse 30
München, Hauptbahnhof
Offenbach/Main, Große Marktstr. 3
Oldenburg, Schüttingstr. 7-8
Solingen, Einkaufszentrum, Kölner Straße 99
Wiesbaden, Kirchgasse 51

«ПОСЕВ» и «ГРАНИ»

**Парижское
представительство**

125 bis, rue Blomet
Paris 15
Tel.: 250-62-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное. Документальная серия» (6 в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском, немецком и других языках.

При издательстве — книжный склад.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION
D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15
Telefon: 34 12 65. Postscheckkonto 33461 Frankfurt/M.
Bank: Nassauische Sparkasse 161 001 163 Frankfurt/M.
Telegramme: Posseverlag Frankfurtmain

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ. „Possev“ c/o „Unification“, 497, Collins St., Melbourne C. 1.
АНГЛИЯ. D. Bilenko, 58 Leamington St., Oak Lane, Heaton, Bradford 9.
АРГЕНТИНА. Sra. I. Grechishkin, C. Correo № 7. Suc. Villa S. Andres F. C. B. M. Buenos Aires.
БЕЛЬГИЯ. Boite postale 1094, Bruxelles 1.
БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indianopolis, Sao Paulo.
ВЕНЕСУЭЛА. ДУТА, Aportado del correo 51.241 z. p. 105, Caracas.
ГОЛЛАНДИЯ. Postbus 325. Rotterdam.
ДАНИЯ. D. Schewitsch, Ordrupvej 64/III, 2920 København-Charl.
ИЗРАИЛЬ. Yair's Bookshop, Hahashmal St. 1. Tel Aviv. Tel.: 62 40 57.
ИТАЛИЯ. A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma-Centro.
НОРВЕГИЯ. Jan Evland, Klemetsrud, Oslo. Tel.: 28 48 26.
США. V. Molchanov, P. O. Box 187, New Lots Station, Brooklyn, N. Y. 11208. ♦ „Possev“, 11128 Wagner St., Culver City, Calif., 90230.
ФРАНЦИЯ. „Possev“, 125 bis, rue Blomet, Paris 15. Tel.: 250 — 62-06. ♦ N. Altoff, Maison „Albert Morlot“, 53, rue Pierre Baizet, 69 - Lyon 9.
ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grossen, Postfach, Locarno.
ШВЕЦИЯ. Tidskriften „Possev“, Box 4054, 15104 Södertälje.
ЯПОНИЯ. A. Bakulevsky, 437 Ival-cho, Hodogaya-ku, Yokohama.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 30 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 33 ам. дол.
«Посев»: в Европе — 40 н. м., в США и Канаде — 21 ам. дол.
«Грани»: в Европе — 30 н. м., в США и Канаде — 10 ам. дол.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 72 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 34 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 37 ам. дол.
«Посев»: в Европе — 48 н. м., в США и Канаде — 24 ам. дол. в Австралии — 18.30 ав. дол. (воздухом).
«Грани»: в Европе — 36 н. м., в США и Канаде — 12 ам. дол.
Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

Ответственный издатель В. Я. Горачек. Главный редактор Л. А. Рар. Ответственный секретарь А. А. Кандауров. Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, Г. А. Рар, С. И. Семенов, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, Ю. В. Чикарлев.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, необязательно выражают мнение редакции. Перепечатывать, переводить на иностранные языки, использовать в выдержках материалы, не снабженные «copyright», разрешается без предварительного согласования с издательством, но с обязательной ссылкой на источник.

Книги в издательстве «Посев»

Булат Окуджава

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Будь здоров, школяр

Промоксис

Стихи и песни

Стр. 320. Цена: 19.— н. м. В США 5.50 ам. дол.

ТОМ ВТОРОЙ

ДВА РОМАНА

Бедный Авросимов

Фотограф Жора

Стр. 430. Цена: 22.50 н. м. В США 6.50 ам. дол.

Вас. Гроссман

Все течет...

Социально-
критический
роман, вышедший
в Самиздате

Автор нашумевшего романа «За правое дело»

В своем романе Вас. Гроссман развенчивает
культ личности Ленина

Обложка работы художника Н. И. Николенко
В книге — 208 стр.

Цена в твердом переплете — 18.80 н. м.,
в мягком — 15.50 н. м. В США и Канаде
— 6.30 ам. дол. и 5. 20 ам. дол.

Карманное издание

Специальная тонкая, сатинированная
бумага, полутвердый переплет «Скай»,
золотое тиснение.

Александр Солженицын

Собрание сочинений в 6-ти томах

Цена всех томов — 89, 00 н. м.
В США и Канаде — 29,70 дол.

Том первый

Один день Ивана Денисовича · Рассказы: Матренин двор. Случай на станции Кречетовка. Для пользы дела. Захар Калита.

308 стр. Цена — 14,00 н. м. В США — 4,70 дол.

Том второй

РАКОВЫЙ КОРПУС

600 стр. Цена — 19,00 н. м. В США — 6,30 дол.

Том третий и четвертый

В КРУГЕ ПЕРВОМ

806 стр. Цена каждого тома — 14,00 н. м.
В США и Канаде — 4,70 дол.

Том пятый

ПЬЕСЫ · РАССКАЗЫ · СТАТЬИ

Олень и шалашовка · Свеча на ветру · Правая кисть · Крохотные рассказы · Пасхальный крестный ход · Читают «Ивана Денисовича» · Не обычный дегтем щи белить, на то сметана · Ответ трем студентам

Цена — 12,00 н. м. В США и Канаде — 4,00 дол.

Том шестой готовится к печати

«ДЕЛО СОЛЖЕНИЦЫНА» · О ТВОРЧЕСТВЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Содержание: Документы по «Делу Солженицына», начиная с его открытого письма IV съезду писателей СССР. Критические статьи о творчестве А. Солженицына. Библиография его произведений. Нобелевская премия.

Цена — 16,00 н. м. В США и Канаде — 5,30 дол.

Книги в издательстве «Посев»

Г. Померанц

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ ЭССЕ.
ПУБЛИЦИСТИКА.

Книга распространяется Самиздатом.

Карманный формат, 336 стр. Обложка
работы художника А. В. Русака.

Цена 16.20 н. м. В США и Канаде 5.40 дол.

**А. АНАТОЛИЙ
(Кузнецов)**

Бабин Яр

Роман-документ

Обложка художника Н. Николенко, мягкий
переплет, карманный формат, 488 стр.

Цена 18.80 н. м.

В США и Канаде — 6.50 ам. дол.

Н. Горбаневская ПОЛДЕНЬ

Книга в 4-х частях:

Красная площадь. — Дело о нарушении об-
щественного порядка. — Шемякин суд. —
Судьба Виктора Файнберга

В книге 500 стр. Мягкий переплет

Цена 17.— н. м. В США 5.— дол.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ

*Ю. Галанскова,
А. Гинзбурга,
А. Доброволь-
ского
и В. Лишковой*

Запись процесса, важнейшие документы
и отклики на этот процесс как в Советском
Союзе, так и за границей

Книга карманного формата, 488 стр.
Художественная обложка работы
А. В. Русака

Цена — 18.80 н. м. В США и Канаде —
6.50 ам. дол.

«— Почему до сих пор не издан роман Бека
«Новое назначение»? Лучшие, самые опытные
литераторы высказались за издание книги
Бека...» (В. Каверин. Запись обсуждения «Ра-
кового корпуса» на заседании Московской
писательской организации 16. 11. 66)

Александр Бек

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

*Роман о сталинском
правлящем классе*

Большой формат, 234 стр., твердый пе-
реплет с золотым тиснением, худож.

суперобложка. Цена 18.80 н. м.

В США — 6.30 дол.